

Краткая хрестоматия

ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2008

ББК 66.01я7
УДК 32(075)
И85

Исаев Б. А.
И85 Политология: Краткая хрестоматия. — СПб.: Питер, 2008. — 224 с.: ил. — (Серия «Хрестоматия»).

ISBN 978-5-91180-220-2

Хрестоматия предназначена для студентов, изучающих дисциплину «Политология». Она содержит тексты самых известных авторов, учения и теории которых анализируются в курсе. В последней части даны выдержки из текстов Доктрины национальной безопасности и Военной доктрины РФ. Необходимые комментарии приведены в конце книги.

ББК 66.01я7
УДК 32(075)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-91180-220-2

© ООО «Питер Пресс», 2008

Содержание

История политической мысли	5
Древний Восток	6
Законы Ману (Манавадхармашастра)	6
Каутилья, Артхашастра, или наука политики	9
Конфуций (Кун-фу-цзы)	12
Политические учения Древней Греции и Рима	14
Платон	14
Аристотель	18
Фукидид	22
Полибий	26
Цицерон	32
Политическая мысль Средневековья, эпохи Возрождения и Реформации	39
Фома Аквинский	40
Никколо Макиавелли	43
Мартин Лютер	46
Жан Кальвин	48
Русская политическая мысль	52
Иларион	52
Ярослав Мудрый	54
Анонимный автор XIII в.	55
Иван III Васильевич	57
Иосиф Волоцкий	59
Филофей Псковский	60
Иван IV Васильевич Грозный	61
Никита Михайлович Муравьев	64
Михаил Михайлович Сперанский	68
Сергей Семенович Уваров	71
Политические теории Нового времени и эпохи индустриализма	74
Жан Боден	74
Гуго Гроций	78
Бенедикт Спиноза	83
Томас Гоббс	87
Джон Локк	92
Шарль Луи Монтескье	95

Томас Джефферсон	98
Жан Жак Руссо	101
Иммануил Кант	104
Алексис де Токвиль	107
Политические идеологии	111
Либерализм	112
Иеремия Бентам	112
Иммануил Валлерстайн	114
Иэн Шапиро	119
Консерватизм	128
Эдмунд Бёрк	128
Гюнтер Рормозер	132
Анархизм	137
Пьер Жозеф Прудон	137
Петр Алексеевич Кропоткин	139
Даниэль Герен	143
Христианская демократия	148
Эмманюэль Мунье	148
Социал-демократия	164
Энтони Гидденс	172
Фашизм	179
Пьер Милза	179
Партии и партийные системы	187
Макс Вебер	188
Аббот Лоуэлл	194
Морис Дюверже	199
Международная политическая система	204
Мортон Каплан	204
Ганс Моргентау	209
Национальная безопасность и военная политика	214
Концепция национальной безопасности Российской Федерации	214

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Политическая мысль Древнего мира развивалась по двум основным направлениям.

На Древнем Востоке в первых государствах — Индии, Китае, Египте и Месопотамии политические учения основывались на апологии единоличной, централизованной, деспотичной власти. Часто это объясняют тем, что первые государства Востока, возникавшие, как правило, на берегах полноводных, приносящих плодородный ил рек, образовывались на основе потребности в организации больших масс людей, разделения труда на труд физический (работа на полях), труд управленческий (надсмотрщики, чиновники) и военное дело. Это вело в свою очередь к разделению людей на варны (Индия), созданию образа идеального управляющего, благородного мужа (Китай), возвеличиванию или даже обожествлению правителя (Египет, Китай, Вавилон и др.).

Политическая мысль Древней Греции и Рима развивалась иначе. По многим причинам — географическим, экономическим, культурным — она пошла по пути поиска идеальной формы правления, критического анализа либо, напротив, превознесения демократии и республики. Это обуславливалось отсутствием больших, разливающихся рек, но близостью моря и возможностью развивать торговлю; наличием всесторонних связей; вывозом излишнего населения в колонии; умелым использованием собственных достижений и достижений своих соседей для ускоренного развития наук и искусств. В больших и сверхбольших государствах оправдывалась необходимость императорской формы правления при формальном сохранении республиканских институтов.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Законы Ману (Манавадхармашастра)¹

Индийская традиция приписывает составление этого сборника правил и наставлений, касающихся всех человеческих отношений (семейных, родственных, сословных, а также политических), легендарному прародителю индийцев и всего человечества — Ману («Мыслящему»). Манавадхармашастра начала создаваться в VI–III вв. до н. э. и приобрела окончательный вид ко II в. до н. э.

Нормы и указания Манавадхармашастры оказали и продолжают оказывать заметное воздействие на социально-политические процессы в индийском обществе, мироощущение и поведение сотен миллионов индийцев.

Глава 1

<...> 31. А ради процветания миров он² создал из своих уст, рук, бедер и ступней [соответственно] брахмана, кшатрия, вайшья и шудру.

87. А для сохранения всей этой вселенной он, пресветлый, для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия.

88. Обучение, изучение [Веды], жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и получение милостыни он установил для брахманов.

89. Охрану подданных, раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение Веды и неприверженность к мирским утехам он указал для кшатрия.

90. Пастьбу скота и также раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение Веды, торговлю, ростовщичество и земледелие — для вайшья.

91. Но только одно занятие Владыка указал для шудры — служение этим варнам со смирением.

96. Из живых существ наилучшими считаются одушевленные, между одушевленными — разумные, между разумными — люди, между людьми — брахманы.

¹ Дхарма на санскрите означает «закон», шастра — «сборник».

² Имеется в виду Бхарма — создатель материального мира.

97. Между брахманами — знающие Веду, между знающими — признающие, между признающими — исполняющие, между исполняющими — познающие брахму.

98. Само рождение брахмана — вечное воплощение дхармы, ибо он рожден для дхармы и предназначен для отождествления с брахмой.

99. Ведь брахман, рождаясь для охранения сокровищницы дхармы, занимает высшее место на земле как владыка всех существ.

100. Все, что существует в мире, это собственность (sva) брахмана; вследствие превосходства рождения именно брахман имеет право на все это.

101. Брахман ест только свое, носит — свое и дает — свое; ведь другие люди существуют по милости брахмана.

102. С целью определения обязанностей (karma) его и остальных мудрый Ману, происшедший от Самосущего, составил эту шастру. <...>

Глава 2

<...> 31. [Именем] брахмана пусть будет [слово] благоприятствующее, кшатрия — исполненное силы, вайшья — соединенное с богатством, но у шудры — презрительное;

32. [Именем] брахмана пусть будет [слово], выражающее счастье, кшатрия — исполненное защиты, вайшья — связанное с процветанием, шудры — связанное с услужением. <...>

36. На восьмом году от зачатия надо произвести посвящение для брахмана, на одиннадцатом от зачатия — для кшатрия, на двенадцатом от зачатия — для вайшья¹. <...>

65. Обряд стрижки волос (kesanta) полагается для брахмана на шестнадцатом году, для кшатрия — на двадцать втором, для вайшья — двумя [годами] позже этого. <...>

Глава 3

<...> 12. При первом браке дваждырожденному² рекомендуется [жена] его варны; но у поступающих по любви могут быть жены согласно прямому порядку [варн] (kramas).

¹ Это посвящение составляет принадлежность трех высших варн и заключается в возложении священного шнура и пояса при чтении «Савитири». — *Примеч. Г. Ф. Ильиной* (комментатора русского издания 1960 г.).

² Члены трех высших варн проходили в детстве обряд посвящения, считавшийся вторым рождением. — *Примеч. Г. Ф. Ильиной*.

13. Для шудры предписана жена шудрянка, для вайшья — [шудрянка] и своей [варны], для кшатрия — те [обе] и своей [варны], для брахмана — те [три], а также своей [варны].

14. Ни в одном сказании не упоминается жена-шудрянка у брахмана или кшатрия, даже у находящихся в крайних обстоятельствах.

15. Дваждырожденные, берущие по глупости в жены низкорожденных женщин, быстро низводят семьи и потомков к положению шудры (cyudrata). <...>

Глава 7

<...> 3. Ибо, когда люди, не имеющие царя, рассеялись во все стороны от страха, владыка создал царя для охраны всего этого [мира].

4. Извлеки вечные частицы Индры, Анилы, Ямы, Солнца, Агни, Варуны, Луны и владыки богатств.

5. Так как царь был создан из частиц этих лучших из богов, он блеском превосходит все живые существа.

6. Как солнце, он жжет глаза и сердца, и никто на земле не может даже смотреть на него.

7. По могуществу он — Агни и Вайю, он — Солнце, Сома, он — царь дхармы, он — Кувера, он — Варуна, он — великий Индра.

8. Даже [если] царь — ребенок, он не должен быть презираем [думающими, что он только] человек, так как он — великое божество с телом человека. <...>

Глава 9

<...> 229. Кшатрий, вайшья и шудра, не могущие уплатить штраф, освобождаются от долга работой; брахману полагается отдавать [долг] постепенно. <...>

Глава 12

<...> 70. Члены варн, уклонившиеся без крайней необходимости от свойственных им занятий (кагман), подвергнувшись дурным перерождениям, становятся слугами (presya) дасью.

71. Уклонившийся брахман становится претой, [называемым] ул-камукха, питающимся блевотиной, кшатрий — [духом] катапутана, питающимся трупами.

72. Вайшья становится духом майтракшаджйотика, питающимся гноем, шудра же, уклонившийся от своей дхармы, становится [духом] чайлащаккой. <...>

Печатается по изд.: Законы Ману. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 22, 31–33, 46, 86, 229, 378, 484.

Каутилья, Артхашастра, или наука политики

Артхашастра — менее известный, чем Манавадхармашастра, древнеиндийский политический и социально-экономический трактат, название которого обычно переводится как «Наука политики» (буквально «наука о выгоде, достижении пользы»); но трактат содержит сведения и о других отношениях: об управлении страной, завоевании, строительстве городов и освоении новых территорий, взимании налогов и отношении правителя с придворными, другими категориями подданных.

Индийская традиция приписывает создание трактата брахману Каутилье — историческому лицу, бывшему первым министром у основателя династии Маурья — Чандрагупте I (IV–III вв. до н. э.). По данным европейских ученых, Артхашастра создавалась несколькими авторами в течение длительного времени, а современный вид приобрела ко II в. н. э.

Первый отдел

О правилах поведения

Раздел 16. Обязанности царя

Глава 19

Когда царь деятелен, то вслед за ним деятельны его слуги. Если царь бездеятелен, то вслед за ним бездеятельны и его слуги, которые и уничтожают его дела, и он одолевается ненавидящими его. Поэтому пусть царь проявляет свою деятельность. Пусть он делит трубочками (водяных часов) день на восемь частей, также и ночь. <...>

Здесь царь в первую восьмушку дня пусть выслушивает (доклады) о мерах безопасности государства, о доходах и расходах; во вторую — пусть рассматривает дела горожан и поселян; в третью пусть займется купаньем и приемом пищи и пусть изучает веды; в четвертую пусть он принимает золото и определяет надзирателей; в пятую пусть совещается с собранием советников при помощи письменных сообщений и пусть рассматривает тайные извещения шпионов; в шестую пусть занимается чем хочет или совещается; в седьмую пусть делает смотр слонам, коням, колесницам и воинам; в восьмую вместе с военачальником пусть обсуждает военные дела. По окончании дня пусть займется вечерними молитвами.

В первую часть ночи пусть принимает тайных агентов; во вторую пусть займется купаньем и приемом пищи и пусть изучает Веды;

в третью, легши отдыхать при звуках труб, пусть спит четвертую и пятую; в шестую, пробужденный звуком труб, пусть размышляет о науке и о том, что должен делать; в седьмую пусть заседает в совете и рассылает тайных агентов; в восьмую пусть он в сопровождении жертвенного жреца, духовного учителя, домашнего жреца принимает благопожелания и пусть видится с врачом, поваром, предсказателем. ...Пусть он идет затем в зал собраний; или же, распределив в соответствии со своими силами части дня и ночи, пусть ведет (свои) дела.

Придя в зал собраний, пусть не заставляет дожидаться у дверей тех, кто имеет к нему дела. Ибо когда трудно видеть царя, то он своими приближенными приводится к тому, что смешивает то, что надо и чего не надо делать.

Вследствие этого бывают возмущения подданных, и царь попадает во власть врага. Поэтому пусть царь по порядку рассматривает дела: божеств, отшельнических обитателей, еретиков, жрецов-брахманов, скота, священных мест, детей, стариков, больных, попавших в беду, беззащитных и женщин. Или же пусть рассматривает дела в порядке их важности или срочности.

Всякое срочное дело пусть выслушивает и не откладывает. Дело пренебреженное становится или трудно исполнимым, или неисполнимым.

Прибыв в помещение, где находится священный огонь, пусть он рассматривает дела знатоков вед и отшельников вместе с домашним жрецом и духовным учителем, после того как привстанет и поклонится.

Дела отшельников и знающих применение волшебства пусть (царь) рассматривает вместе со знатоками трех вед. Пусть один он их не рассматривает, опасаясь вызвать гнев (отшельников и знающих применение волшебства).

Ведь обет царя — это его деятельность, его жертвоприношения, его повеления по делам, священные дары и выдержанность поведения, окропление посвященного.

Счастье царя в счастье подданных, в пользе подданных — его польза. Польза для царя — не то, что ему приятно, но что приятно подданным — в том польза царю.

Поэтому царь, всегда напряженный в работе, пусть то велит делать, что нужно. Корень того, что нужно, — это напряженность в работе, противоположное — корень вреда.

При отсутствии напряженности в работе несомненна гибель как того, что уже достигнуто, так и того, что еще предстоит сделать. На-

пряженностью в работе достигается ее плод и полнота материальных благ. <...>

Пятый отдел О применении утонченных средств (государственной политики)

Раздел 89. О назначении тайных наказаний

Глава 1

Мы будем теперь говорить (об устранении всего вредного) в отношении самого государя и его власти.

К высшим государственным чиновникам, которые, держа в руках (т. е. в своей власти) государя, живут за его счет или же являются сторонниками его врагов, следует посылать шпионов овладеть этой враждебной партией, как было указано ранее, или же сеять (среди нее) раздор и устанавливать слежку за ее членами.

Существуют высшие чиновники, являющиеся любимцами (государя), или такие, которые действуют сообща, причем и те и другие вредят власти государя. Открыто их действия пресечь нельзя, но тем не менее они должны быть устранены. В отношении таких лиц (государь), любящий справедливость, должен применять тайные средства наказания. <...>

(Теперь мы будем говорить о) пресечении действий обеих партий (сановников), подлежащих устранению.

В то место, где находится подлежащее устранению лицо, следует направить (другого) подлежащего устранению в сопровождении незначительной военной силы и шпионов с указанием: «отправься и собери войско или деньги в такой-то местности или в таком-то укрепленном городе».

Или: «достань денег от такого-то надсмотрщика». Или: «возьми силою дочь такого-то и приведи сюда». Или: «вели сделать оросительное сооружение, построить укрепление, дорогу для купцов, засели пустынное место, устрой разработку рудников, устрой заповедник или лес для слонов или же учреди охрану местности или границы. Тот же, кто будет тебе препятствовать или не окажет тебе помощи, должен быть схвачен». <...>

Государь должен применять негласные наказания по отношению к своим и вражеским сторонникам, принимая в соображение настоящее и будущее и не имея никаких колебаний (на этот счет). <...>

Печатается по изд.: Артхашастра, или наука политики. М., 1993. С. 44, 45–46, 260, 263, 265.

Конфуций (Кун-фу-цзы)

(ок. 551–479 г. до н. э.)

Китайский философ Конфуций (Кун-цю) родился в г. Цэоу царства Лу (современный г. Цюйфу провинции Шаньдун), находившемся на северо-востоке Китая. Происходил из рода обедневших аристократов, служивших чиновниками при дворе и военными. Современная европейская транскрипция его имени происходит от прозвания Кун-цзы, что означает «учитель Кун».

Конфуций получил образование, соответствующее положению его родителей, и рано проявил выдающиеся педагогические способности. В школе, созданной им, преподавались мораль, китайский язык, литература и политика. В 50 лет (501 г. до н. э.) Конфуций начал политическую деятельность, став советником правителя царства Лу, но ушел со службы, не выдержав придворных интриг. Тринадцать лет странствовал по другим китайским государствам, зарабатывая на жизнь преподаванием и государственной службой. В 484 г. до н. э. вернулся в Лу. Создал свое этико-политическое учение, зафиксированное его учениками в сборнике «Лунь Юй» («Беседы и суждения»). Похоронен на кладбище, специально отведенном для него, его потомков, учеников и последователей. Дом Конфуция превращен в храм. Его учение стало доминирующей религией Китая.

Лунь Юй

Глава двенадцатая. Янь Юань

7

Цзы-гун спросил об управлении государством. Учитель ответил: «[В государстве] должно быть достаточно пищи, должно быть достаточно оружия и народ должен доверять [правителю]». Цзы-гун спросил: «Чем прежде всего из этих трех [вещей] можно пожертвовать, если возникнет крайняя необходимость?» Учитель ответил: «Можно отказаться от оружия». Цзы-гун спросил: «Чем прежде всего можно пожертвовать из [оставшихся] двух вещей, если возникнет крайняя необходимость?» Учитель ответил: «Можно отказаться от пищи. С древних времен еще никто не мог избежать смерти. Но без доверия [народа] государство не сможет устоять».

11

Циский Цзин-гун спросил учителя об управлении государством. Кун-цзы ответил: «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном». [Цзин-]гун сказал: «Пра-

вильно! В самом деле, если государь не будет государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном, то даже если у меня и будет зерно, хватит ли мне его?»

16

Учитель сказал: «Благородный муж помогает людям свершать красивые дела и не помогает им свершать некрасивые дела. Низкий человек поступает противоположным образом».

Глава тринадцатая. Цзы-Лу

3

Цзы-лу спросил: «Вэйский правитель намеревается привлечь вас к управлению [государством]. Что вы сделаете прежде всего?» Учитель ответил: «Необходимо начать с исправления имен». Цзы-лу спросил: «Вы начинаете издали. Зачем нужно исправлять имена?» Учитель сказал: «Как ты необразован, Ю! Благородный муж проявляет осторожность по отношению к тому, чего не знает. Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть ничего неправильного».

Печатается по изд.: Мудрецы Поднебесной: Сб. Симферополь: Реноме, 1998. С. 111, 112, 113, 116.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА

Платон

(428 или 427 — 348 или 347 гг. до н. э.)

Платон — великий древнегреческий философ. Отец его происходит из рода последнего афинского царя Кодра, мать из рода афинского законодателя Солона. Платон учился у философов Кратила и Сократа. Совершил путешествия в Южную Италию (388 г. до н. э.) и дважды на Сицилию (366–365 и 361 гг. до н. э.) в г. Сиракузы.

В Сиракузах по соглашению с тираном Дионисием Младшим пытался воплотить в жизнь свою теорию идеального государства, но потерпел неудачу и был продан Дионисием в рабство. Афиняне собрали значительные средства, которых хватило не только на выкуп Платона из рабства, но и на основание в роще Академа (пригород Афин) учебного заведения, получившего название Академия и просуществовавшего девятьсот лет.

Основные политические сочинения: диалоги «Государство», «Законы», «Политик», «Фрасимах» (первоначальный вариант первой книги «Государства»).

Политика, по мнению Платона, неразрывно связана с этикой. Следовательно, и общественная мораль совмещена с политической деятельностью, но последняя неизбежно ведет к нарушению нравственных норм и деградации государства. Наилучшим государственным устройством Платон считал идеальное государство, образ которого существует в другом — неземном, идеальном мире.

Задачей философов-правителей и является «припоминание» этого образа (идеи), который их души до земного воплощения наблюдали в мире идей.

Реально существующие формы правления Платон подразделял на правильные, т. е. справедливые, — монархия, аристократия и неправильные — тимократия (власть военных), олигархия (власть богатых), демократия (власть народных низов) и тирания (власть узурпатора). При этом демократический процесс и демократические процедуры (выборы, коллегиальность руководства, главенство законов, а не людей) присущи всем правильным формам правления.

Худшим правлением Платон считал тиранию.

Государство¹

Книга седьмая

Символ пещеры²

<...> Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага — это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она — причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни. <...>

Созерцание божественных вещей (справедливости самой по себе) и вещей человеческих

<...> А удивительно разве, по-твоему, если кто-нибудь, перейдя от божественных созерцаний к человеческому убожеству, выглядит неважно и кажется крайне смешным? Зрение еще не привыкло, а между тем, прежде чем он привыкнет к окружающему мраку, его заставляют выступать на суде или еще где-нибудь и сражаться по поводу теней справедливости или изображений, отбрасывающих эти тени, так что приходится спорить о них в том духе, как это воспринимают люди, никогда не видавшие самой справедливости. <...>

Роль этого искусства³ в управлении государством

<...> — Раз мы — основатели государства, нашим делом будет заставлять лучшие натуры учиться тому познанию, которое мы раньше

¹ Сочинение написано Платоном в форме диалога, который ведут известные философы и государственные деятели Афин: Сократ, Главкон, Племарх, Фрасимах, Адимант, Кефал. — *Примеч. авт.*

² Чтобы показать различия мира идей (который Платон считал первичным, реальным, истинным, ярким) и материального мира (серого, скучного, вторичного, отраженного), где существует человек, воображение великого философа создало символ пещеры, имеющей длинный просвет, отделенный от солнца забором. Люди в пещере (материальном мире) стоят спиной к просвету и искаженно судят об идеях (идеального мира) по их отражениям, теням на стене пещеры.

Задачей философа является припоминание истинных значений и образов идей идеального мира (ведь душа его когда-то обитала в том мире) и воплощение их в этом мире. Особенно важно воплотить идеальное государство, которое зиждется на неизменных идеях общего блага, справедливости, законности, морали, разделения ответственности и труда, ограничения собственности и материальных потребностей. — *Примеч. авт.*

³ Речь идет об умении созерцать (припоминать) идеи. — *Примеч. авт.*

назвали самым высоким, т. е. умению видеть благо и совершать к нему восхождение; но когда, высоко поднявшись, они в достаточной мере его узрят, мы не позволим им того, что в наше время им разрешается.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы не позволим им оставаться там, на вершине, из нежелания спуститься снова к тем узникам¹, и худо ли бедно ли они должны будут разделить с ними труды их и почести. <...>

<...> Закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества. Выдающихся людей он включает в государство не для того, чтобы предоставить им возможность уклоняться куда кто хочет, но чтобы самому пользоваться ими для укрепления государства. <...>

<...> Тогда государство будет у нас с вами устроено уже наяву, а не во сне, как это происходит сейчас в большинстве государств, где идут междоусобные войны и призрачные сражения за власть, — буд-то это какое-то великое благо. По правде же дело обстоит вот как: где всего менее стремятся к власти те, кому предстоит править, там государство управляется лучше всего и распри отсутствуют полностью; совсем иначе бывает в государстве, где правящие настроены противоположным образом. <...>

Еще об отборе правителей и их воспитании

— Помнишь, каких правителей мы отобрали, когда раньше говорили об их выборе?

— Как не помнить!

— Вообще-то считай, что нужно выбирать указанные тогда натуры, т. е. отдавать предпочтение самым надежным, мужественным и по возможности самым благообразным; но, кроме того, надо отыскивать не только людей благородных и строгого нрава, но и обладающих также свойствами, подходящими для такого воспитания.

— Кто же это, по-твоему?

— У них, друг мой, должна быть острая восприимчивость к наукам и быстрая сообразительность. Ведь души робеют перед могуществом наук гораздо больше, чем перед гимнастическими упражне-

¹ Здесь *узники* — сословия земледельцев и ремесленников в противоположность стражам, приобщенным к «свету», т. е. к наукам. — *Примеч. А. А. Тахо-Годи.*

ниями: эта трудность ближе касается души, она — ее особенность, которую душа не разделяет с телом.

— Это верно.

— Надо искать человека с хорошей памятью, несокрушимо твердого и во всех отношениях трудолюбивого. Иначе какая ему, по-твоему, охота переносить телесные тягости, и в довершение всего еще столько учиться и упражняться? <...>

Справедливость воспитывается в человеке с детства

<...> Все, что я говорил, касается женщин ничуть не меньше, чем мужчин: правда, конечно, тех женщин, у которых есть на то природные способности. <...>

<...> Когда властителями в государстве станут подлинные философы, будет ли их несколько или хотя бы один, нынешними почестями они пренебрегут, считая их низменными и ничего не стоящими, и будут высоко ценить порядочность и ту честь, что с нею связана, но самым великим и необходимым будут считать справедливость; служба ей и умножая ее, устроят они свое государство.

— Но как именно?

— Всех, кому в городе больше десяти лет, они отошлют в деревню, а остальных детей, оградив их от воздействия современных нравов, свойственных родителям, воспитают на свой лад, в тех законах, которые мы разобрали раньше. Таким-то вот образом всего легче и скорее установится тот государственный строй, о котором мы говорили, государство расцветет, а народ, у которого оно возникнет, для себя извлечет великую пользу. <...>

Книга восьмая

<...> В образцово устроенном государстве жены должны быть общими, дети — тоже, да и все их воспитание будет общим; точно так же общими будут военные и мирные занятия, а царями надо всем этим должны быть наиболее отличившиеся в философии и в военном деле.

— Да, мы в этом согласились.

— И договорились насчет того, что как только будут назначены правители, они возьмут своих воинов и расселят их по тем жилищам, о которых мы упоминали ранее; ни у кого не будет ничего собственного, но все у всех общее. Кроме жилищ мы уже говорили, если ты помнишь, какое у них там будет имущество.

— Помню, мы держались взгляда, что никто не должен ничего приобретать, как это все делают теперь. За охрану наши стражи, подвизающиеся в военном деле, будут получать от остальных граждан

вознаграждение в виде запаса продовольствия на год, а обязанностью их будет заботиться обо всем государстве.

— Ты правильно говоришь. Раз с этим у нас покончено, то, чтобы продолжить наш прежний путь, давай припомним, о чем у нас была речь перед тем, как мы уклонились в сторону.

— Нетрудно припомнить. Ты закончил свое рассуждение об устройстве государства примерно теми же словами, что и сейчас: а именно, что ты считаешь хорошим рассмотренное нами тогда государство и соответствующего ему человека, хотя мог бы указать на государство еще более прекрасное и соответственно на такого человека. Раз подобное государственное устройство правильно, сказал ты, все остальные порочны.

[Четыре вида государственного устройства]

<...> — А мне и в самом деле не терпится услышать, о каких это четырех видах государственного устройства ты говорил.

— Услышишь, это нетрудно. Я говорю как раз о тех видах, которые пользуются известностью. Большинство одобряет критско-лакедемонское устройство¹. На втором месте, менее одобряемая, стоит олигархия: это государственное устройство, преисполненное множества зол. Из нее возникает отличная от нее демократия. Прославленная тирания отлична от них всех — это четвертое и крайнее заблуждение государства.

Печатается по изд.: Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 298, 299, 300, 301, 302, 319, 326, 327, 328.

Аристотель

(384–322 гг. до н. э.)

Великий древнегреческий философ родился в семье врача правителя Македонии. Получил образование в академии Платона. Затем преподавал в своей alma mater.

В годы странствий (367–347 гг. до н. э.) жил и работал в г. Ассе (Малая Азия), в г. Митилене (о. Лесбос), в г. Пелле (Македония). В 343–340 гг. до н. э. обучал и воспитывал сына царя — Александра, будущего завоевателя Ойкумены. По возвращении в Афины (334 г. до н. э.) основал свою философскую школу — Ликей.

¹ Платон считал государственное устройство Крита и Спарты (Лакедемона) наиболее близким к аристократическому, а следовательно, идеальному. — *Примеч. авт.*

Основные политические сочинения: «Политика», «Афинская политика», «Никомахова этика».

В отличие от Платона Аристотель выдвинул теорию естественного происхождения государства, которое, подобно живому организму, образуется из естественного стремления людей («политических особей») к общему благу, объединяя семьи в селения, а селения в единый полис. Поэтому государство не нуждается в радикальной искусственной трансформации в соответствии с потусторонним образцом (как у Платона), предполагающим изменение природы человека. Из реальных форм правления наилучшей Аристотель считал политику, сочетающую положительные черты олигархии и демократии.

Политика

Книга третья

Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного — аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, — политика. И такое разграничение оказывается логически правильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства — дело уже трудное, хотя легче всего — в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политике верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти — тирания, от аристократии — олигархия, от политики — демократия. Тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоя-

тельных граждан; демократия — выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет. <...>

Тирания, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения... <...>

...Олигархия — такой вид государственного устройства, при котором должности занимают люди состоятельные, по количеству своему немногочисленные; демократия — тот вид, при котором должности в руках неимущих, по количеству своему многочисленных. Получается другое затруднение: как мы обозначим только что указанные виды государственного устройства — тот, при котором верховная власть сосредоточена в руках состоятельного большинства, и тот, при котором она находится в руках неимущего меньшинства, если никакого иного государственного устройства, кроме указанных, не существует? Итак, из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана — безразлично, у меньшинства или большинства — на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. А тот признак, что в первом случае мы имеем дело с меньшинством, а во втором — с большинством, повторяю, есть признак случайный. Состоятельными являются немногие, а свободой пользуются все граждане; на этом же и другие основывают свои притязания на власть в государстве. <...>

Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе. По общему представлению, справедливость есть некое равенство; это положение до известной степени согласно с теми философскими рассуждениями, в которых разобраны этические вопросы. Утверждают, что справедливость есть нечто имеющее отношение к личности и что равные должны иметь равное. Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство и в чем — неравенство; этот вопрос представляет трудность, к тому же он принадлежит к области политической философии. <...>

Книга четвертая

Каким образом возникает наряду с демократией и олигархией так называемая полития и каково должно быть ее устройство...<...>

Вместе с тем станут ясными и отличительные признаки демократии и олигархии. Прежде всего следует установить разграничение этих видов государственного устройства, а затем поступить так, как поступают со знаками гостеприимства, — взяв от каждого из них по половине, сложить их вместе. <...>

Теперь мы сказали о том, как должны быть устроены политии... <...>

В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина — наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглыми и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие — вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред. Далее, люди первого типа, имея избыток благополучия, силы, богатства дружеских связей и тому подобное, не желают, да и не умеют подчиняться. И это наблюдается уже дома, с детского возраста: избалованные роскошью, в которой они живут, они не обнаруживают привычки повиноваться даже в школах. Поведение людей второго типа из-за их крайней необеспеченности чрезвычайно униженное. Таким образом, одни не способны властвовать и умеют подчиняться только той власти, которая проявляется у господ над рабами; другие же не способны подчиняться никакой власти, а властвовать умеют только так, как властвуют господа над рабами. Получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие — презрения. А такого рода чувства очень далеки от чувства дружбы в политическом общении, которое должно заключать в себе дружественное начало. Упомянутые же нами люди не желают даже идти по одной дороге со своими противниками.

Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним. Таким образом, если исходить из естественного, по нашему утверждению, состава государства, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Эти граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и невредимыми. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому как бедняки стремятся к имуществу богатых. <...>

Итак, ясно, что наилучшее государственное общение — то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они — в лучшем случае — сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. <...>

Печатается по изд.: *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 457, 458, 459, 467, 503, 505, 507–508.

Фукидид

(ок. 460–400 гг. до н. э.)

Фукидид — известный древнегреческий историк и политик. Родился в Афинах в аристократической семье. Учился у лучших педагогов своего времени: Анаксагора, Протагора, Горгия. Несмотря на принадлежность своих родственников к олигархической партии, примкнул к демократической группировке Перикла. Был участником Пелопонесской войны (431–404 гг. до н. э.) между Пелопонесским союзом во главе со Спартой и Афинским морским союзом. В ходе одного из сражений (423 г. до н. э.) Фукидид, будучи командующим эскадрой кораблей, не смог вовремя оказать помощь союзному фракийскому полису Амфиополю, который пал под ударами спартанцев. За это он был приговорен к пожизненному изгнанию из Афин, в которые смог вернуться только через двадцать лет.

В изгнании Фукидид написал «Историю», повествующую о войне спартанцев и афинян за гегемонию в Элладе. Он стал первым из древнегреческих историков, который, отрешившись от мифов (как писали до него Гомер и Геродот), представил историю как цепь политических событий и военных столкновений, как политический процесс.

История

[Речь Перикла]

Начну прежде всего с предков. Ведь и справедливость, и пристойность велят нам в этих обстоятельствах воздать дань их памяти. Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохранили ее свободу до нашего времени. И если они достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши, которые, умножив наследие предков своими трудами, создали столь великую державу, какой мы владеем, и оставили ее нам, ныне живущему поколению. И еще больше укрепили ее могущество мы сами, достигшие ныне зрелого возраста. Мы сделали наш город совершенно самостоятельным, снабдив его всем необходимым как на случай войны, так и в мирное время. Военные подвиги, которые и мы и отцы совершили, завоевывая различные земли или стойко обороняясь в войнах с варварами или эллинами, общеизвестны, и я не стану о них распространяться. Но прежде, чем начать хвалу павшим, которых мы здесь погребает¹, хочу сказать о строе нашего города, о тех наших установлениях в образе жизни, которые и привели его к нынешнему величию. Полагаю, что и сегодня уместно вспомнить это, и всем собравшимся здесь гражданам и чужеземцам будет полезно об этом услышать.

Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отли-

¹ Речь была произнесена по поводу торжественного погребения афинских моряков, погибших в одном из сражений Пелопонесской войны Афинского морского союза против Пелопонесского союза во главе со Спартой (431–404 гг. до н. э.). В это время Афины достигли вершины своего могущества и наивысшего расцвета культуры. — *Примеч. авт.*

чился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним и повинемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным.

Мы ввели много разнообразных развлечений для отдохновения души от трудов и забот, из года в год у нас повторяются игры и празднества. Благопристойность домашней обстановки доставляет наслаждение и помогает рассеять заботы повседневной жизни. И со всего света в наш город, благодаря его величию и значению, стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны.

В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли и обычно без большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достоинство. Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое афинское войско; так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. Если мы готовы встречать опасно-

сти скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, — то в этом наше преимущество. Нам не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвалы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом. Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике. Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против. В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет — нерешительность. Истинно доблестными с полным правом следует признать лишь тех, кто имеет полное представление как о горестном, так и о радостном и именно в силу этого-то и не избегает опасностей. Добросердечность мы понимаем иначе, чем большинство других людей: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них, а тем, что оказываем им проявления дружбы. Ведь оказавший услугу другому — более надежный друг, так как старается заслуженную благодарность поддержать и дальнейшими услугами. Напротив, человек благодетельствованный менее ревностен: ведь он понимает, что совершает добрый поступок не из приязни, а по обязанности. Мы — единственные, кто не по расчету на собственную выгоду, а доверяясь свободному влечению, оказываем помощь другим.

Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизнен-

ных условиях. И то, что мое утверждение — не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу. Из всех современных городов лишь наш город еще более могуществен, чем идет о нем слава, и только он один не заставит врага негодовать, что он терпит бедствие от такого противника, как мы, а подвластных нам — жаловаться на ничтожество правителей. Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам.

Печатается по изд.: Фукидид. История. М., 1993. С. 79–82.

Полибий

(ок. 201 — ок. 120 гг. до н. э.)

Полибий — известный древнегреческий оратор и историк. Родился в семье известного политика и военачальника в полисе Магаполь в Южной Аркадии (северная часть Греции). Занимался политической деятельностью в то время, когда Греция утратила независимость и стала римской провинцией (после битвы под Пидной в 168 г. до н. э.). В числе нескольких сотен наиболее влиятельных политиков и военачальников Полибий был интернирован в Рим, где формально на положении раба, а фактически как образованный эксперт и советник попал в окружение Сципиона Эмилиана, будущего победителя Карфагена.

Но наиболее всего Полибий прославился своей «Всеобщей историей», в которой не только описал события как очевидец, но и дал картину превращения Рима в мировую державу. С политической точки зрения, по его мнению, этому способствовала смешанная система правления, когда власть одного (монархию) осуществляют консулы, власть немногих (аристократию) — сенат, а власть народа (демократию) — народное собрание.

Всеобщая история в сорока книгах

<...> Различают три формы государственного устройства, из которых одна именуется царством, другая аристократией, третья демократией. Мне кажется, всякий в полном праве спросить их, считают ли они эти формы вообще единственными, или же только наилучшими. Но и в том и в другом случае они, как я полагаю, заблуждаются, ибо несомненно совершеннейшей государственной формой над-

лежит признавать такую, в которой соединяются особенности всех форм, поименованных выше. Подтверждается это не соображениями только, но и самым опытом, ибо Ликург первый построил государство лакедемонян именно по такому способу. Равным образом нельзя считать эти формы и единственными. Ибо мы знаем несколько монархических и тиранических государств, которые при всех своих отличиях от царства представляются кое в чем и сходными с ним. По этой же причине все самодержцы, если только можно, присваивают себе всеу название царей. Далее, существуют весьма многие олигархические государства, которые при кажущемся сходстве с аристократиями сильно, можно сказать, и разнятся от них. То же рассуждение применимо и к демократии.

Справедливость сказанного подтверждается следующим: не всякое единовластие может быть без оговорок названо царством, но такое только, в котором управляемые уступают власть по доброй воле, и в котором властвует не столько страх или сила, сколько рассудок. Аристократией надлежит признавать не каждое правление меньшинства, но такое только, при котором правящими людьми бывают справедливейшие и рассудительнейшие по выбору. Подобно этому нельзя называть демократией государство, в котором вся народная масса имеет власть делать все, что бы ни пожелала и ни вздумала. Напротив, демократией должно почитать такое государство, в котором исконным обычаем установлено почитать богов, лелеять родителей, чтить старших, повиноваться законам, если при том решающая сила принадлежит постановлениям народного большинства. Таким образом, следует признавать шесть форм государственного устройства, три из которых, поименованные выше, у всех на устах, а остальные три общего происхождения с первыми, я разумею монархию, олигархию, охлократию. Прежде всего возникает единовластие без всякого плана, само собой; за ним следует и из него образуется посредством упорядочения и исправления царство. Когда царское управление переходит в соответствующую ему по природе извращенную форму, т. е. в тиранию, тогда в свою очередь на развалинах этой последней вырастает аристократия. Когда затем и аристократия вырождается по закону природы в олигархию и разгневанный народ выместит обиды правителей, тогда нарождается демократия. Необузданность народной массы и пренебрежение к законам порождает с течением времени охлократию. Верность только что сказанного мною по этому предмету можно понять совершенно ясно, если обратить внимание на естественное начало, зарождение и превращение каждой формы правле-

ния в отдельности. И в самом деле, только человек, уразумевший то, каким образом зарождается каждая форма правления, в состоянии понять рост каждой из них, наивысшее развитие, переход в другую форму и конец: когда, каким образом и чем закончится данная форма правления. Такой способ изложения наиболее применим, по моему убеждению, к государству римскому, ибо оно с самого начала сложилось и потом развивалось естественным путем. <...>

Итак, в государстве римлян были все три власти, поименованные мною выше, причем все было распределено между отдельными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто, даже из туземцев, не мог бы решить, аристократическое ли было все управление в совокупности, или демократическое, или монархическое. Да это и понятно. В самом деле: если мы сосредоточим внимание на власти консулов, государство покажется вполне монархическим и царским, если на сенате — аристократическим, если, наконец, кто-либо примет во внимание только положение народа, он, наверное, признает римское государство демократией. Вот то значение, каким пользовалась тогда и, за немногими исключениями, пользуется до сих пор каждая из этих властей в римском государстве. Консулы, пока не выступают в поход с легионами и остаются в Риме, вершат все государственные дела; ибо все прочие должностные лица, за исключением трибунов, находятся в подчинении у них и покорности; они также вводят посольства в сенат. Кроме того, консулы докладывают сенату дела, требующие обсуждения, и блюдут за исполнением состоявшихся постановлений. Ведению консулов подлежат и все государственные дела, подлежащие решению народа: они созывают народные собрания, вносят предложения, они же исполняют постановления большинства. Далее, они имеют почти неограниченную власть во всем, что касается приготовлений к войне и вообще военных походов, ибо они властны требовать по своему усмотрению войска от союзников, назначать военных трибунов, производить набор солдат и выбирать годных к военной службе. Кроме того, они властны подвергнуть наказанию всякого, кого бы ни пожелали из подчиненных им в военном лагере. Они вправе расходовать государственные деньги, сколько угодно, так как за ними следует квестор, готовый исполнить каждое их требование. Поэтому всякий, кто обратит свой взор только на эту власть, вправе будет назвать римское государство истинной монархией или царством. Высказанное здесь мнение сохранило, пожалуй, свою силу и тогда, если в том, что мы сказали или скажем ниже, наступит какая-либо перемена.

Что касается сената, то в его власти находится прежде всего казна, ибо он ведает всяким приходом, равно как и всяким расходом. Так, квесторы не могут производить выдачи денег ни на какие нужды без постановления сената, за исключением расходов, требуемых консулами. Да и самый большой расход, превосходящий все прочие, тот, который употребляют цензоры каждые пять лет на исправление и сооружение общественных зданий, производится с соизволения сената, который и даст цензорам разрешение. Равным образом всеми преступлениями, совершаемыми в пределах Италии и подлежащими расследованию государства, каковы измена, заговор, изготовление ядов, злонамеренное убийство, ведает сенат. Ведению сената подлежат также все те случаи, когда требуется решить спор по отношению к отдельному лицу или городу в Италии, наказать, помочь, защитить. На обязанности сената лежит отправление посольства к какому-либо народу вне Италии с целью ли замирения, или для призыва к помощи, или для передачи приказания, или для принятия народа в подданство, или для объявления войны. Равным образом от сената зависит во всех подробностях и то, как принять явившееся в Рим посольство и что ответить ему. Ни в одном деле, из поименованных выше, народ не принимает ровно никакого участия. Таким образом, государство представляется совершенно аристократическим, если кто явится в Рим в отсутствие консула. В этом убеждены многие эллины и цари, ибо все почти дела римлян решаются сенатом.

По этой причине не без основания можно спросить, какая же доля участия в государственном управлении остается народу, да и остается ли какая-нибудь, если сенату принадлежит решение всех перечисленных нами дел, если — и это самое важное — сенат ведает всеми доходами и расходами, если, с другой стороны, консулы имеют неограниченные полномочия в деле военных приготовлений и в военных походах. При всем этом остается место и для участия народа, даже для участия весьма влиятельного. Ибо в государстве только народ имеет власть награждать и наказывать, между тем, только наградами и наказаниями держатся царства и свободные государства, говоря вообще, все человеческое существование. В самом деле там, где или не сознается разница между наградою и наказанием, или, хотя сознается, но они распределяются неправильно, никакое предприятие не может быть ведено правильно. Да и мыслимо ли это, если люди порочные оцениваются наравне с честными? Часто народ решает и такие дела, которые влекут за собою денежную пеню, если пеня за преступление бывает значительна, особенно если обвиняемыми бывают

высшие должностные лица; смертные приговоры постановляет только народ. В этом отношении у римлян существует порядок, достойный похвалы и упоминания, именно: осуждаемым на смерть в то время, как приговор постановляется, они позволяют согласно обычаю уходить явно, осудить себя на добровольное изгнание, хотя бы одна только треть из участвующих в постановлении приговора не подала еще своего голоса. Местами убежища для изгнанников служат города: Неаполь, Пренест, Тибур и все прочие, состоящие в клятвенном союзе с римлянами. Народ же дарует почести достойным гражданам, а это — лучшая в государстве награда за доблесть. Он же властен принять закон или отвергнуть его, и — что самое важное — решает вопросы о войне и мире. Потом, народ утверждает или отвергает заключение союза, замирение, договоры. Судя по этому всякий вправе сказать, что в римском государстве народу принадлежит важнейшая доля в управлении, и что оно — демократия.

Итак, мы показали, каким образом государственное управление у римлян распределяется между отдельными властями. Теперь мы скажем, каким образом отдельные власти могут при желании или мешать одна другой, или оказывать взаимную поддержку и содействие. Так, когда консул получает упомянутую выше власть и выступает в поход с полномочиями, он хотя и делается неограниченным исполнителем предлежащего дела, но не может обойтись без народа и сената: независимо от них он не в силах довести свое предприятие до конца. Ибо, очевидно, легионы нуждаются в непрерывной доставке припасов; между тем помимо сенатского определения не может быть доставлено легионам ни хлеба, ни одежды, ни жалованья; вследствие этого, если бы сенат пожелал вредить и препятствовать, начинания вождей остались бы невыполненными. Кроме того, от сената зависят, осуществляются или нет планы и расчеты военачальников, и потому еще, что сенат имеет власть послать нового консула по истечении годовичного срока или продлить службу действующего. Далее, во власти сената превознести и возвеличить успехи вождей, равно как отнять у них блеск и умалить их; ибо без согласия сената и без денег, им отпускаемых, военачальники или совсем не могут устраивать так называемые у римлян триумфы, или не могут устроить их с подобающей торжественностью. К тому же они обязаны, как бы далеко от родины ни находились, добиваться благосклонности народа, ибо, как сказано мною выше, народ утверждает или отвергает заключение мира и договоры. Важнее всего то, что консулы обязаны при сложении должности отдавать отчет в своих действиях перед народом. Таким

образом, для консулов весьма небезопасно пренебрегать благоволением как сената, так равно и народа.

С другой стороны, сенат при всей своей власти обязан в государственных делах прежде всего сообразоваться с народом и пользоваться его благоволением, а важнейшие и серьезнейшие следствия и наказания за преступления против государства, наказуемые смертью, сенат не может производить, если предварительное постановление его о том не будет утверждено народом. Точно то же в делах, подлежащих ведению сената, именно: если кто-нибудь войдет с предложением закона, который посягает в чем-либо на власть сената, принадлежащую ему в силу обычая, или отнимает у сенаторов председательство и почести, или даже угрожает ущербом их имуществу, все это и подобное народ властен принять и отвергнуть. Но еще важнее следующее: хотя бы один из народных трибунов высказался против, сенат не только не в силах привести в исполнение свои постановления, он не может устраивать совещания и даже собираться, а трибуны обязаны действовать всегда в угоду народу и прежде всего сообразоваться с его волей. Таким образом, сенат по всем этим причинам боится народа и со вниманием относится к нему.

В равной мере и народ находится в зависимости от сената и обязан сообразоваться с ним в делах государства и частных лиц. В самом деле, многие работы во всей Италии, перечислить которые было бы нелегко, по управлению и сооружению общественных зданий, а также многие реки, гавани, сады, прииски, земли, — короче, все, что находится во власти римлян, отдается цензорами на откуп. Все поименованное здесь находится в ведении народа, и, можно сказать, почти все граждане причастны к откупам и к получаемым через них выгодам. Так, одни за плату сами принимают что-либо от цензоров на откуп, другие идут в товарищи к ним, третьи являются поручителями за откупщиков, четвертые несут за них в государственную казну свое состояние. По всем этим делам решает сенат, именно: назначить срок уплаты, в случае несчастья облегчить плательщиков, или при несостоятельности совсем освободить от обязательства. Словом, во многих случаях сенат имеет возможность причинить вред или пособить людям, имеющим отношение к общественному достоянию, ибо по всем поименованным делам нужно обращаться к сенату. Потом — что самое важное — из среды сенаторов избираются судьи в многочисленнейших тяжбах как государственных, так и частных, если только тяжбы возбуждаются по важному обвинению. Вот почему все граждане, находясь в зависимости от сената и опасаясь неверного ис-

хода тяжбы, заботливо воздерживаются от возражений против сенатских определений и от противодействия сенату. Точно так же они не имеют охоты противодействовать видам консулов, ибо каждый гражданин в отдельности и все вместе подчинены власти консулов во время войны.

Хотя каждая власть имеет полную возможность и вредить другой, и помогать, однако во всех положениях они обнаруживают подобающее единодушие, и потому нельзя было бы указать лучшего государственного устройства. В самом деле, когда какая-либо угрожающая извне общая опасность побуждает их к единодушию и взаимопомощи, государство обыкновенно оказывается столь могущественным и деятельным, что никакие нужды не остаются без удовлетворения. Если что-нибудь случится, всегда все римляне соревнуются друг с другом в совместном обсуждении, исполнение принятого решения не запаздывает, каждый отдельно и все в совокупности содействуют осуществлению начинаний. Вот почему это государство благодаря своеобразности строя оказывается неодолимым и осуществляет все свои планы. Когда, с другой стороны, римляне по освобождению их от внешних опасностей живут в счастье и богатстве, приобретенном победами, наслаждаются благосостоянием и, легкомысленно поддаваясь льстецам, становятся необузданными и высокомерными, как бывает обыкновенно при таких обстоятельствах, особенно тогда можно видеть, как это государство в самом себе почерпает исцеление. Ибо если какая-либо власть возомнит о себе не в меру, станет притязательной и присвоит себе неподобающее значение, между тем как согласно только что сказанному ни одна из властей не довлеет себе и каждая из них имеет возможность мешать и противодействовать замыслам других, то чрезмерное усиление одной из властей и превознесение над прочими окажется совершенно невозможным. Действительно все остается на своем месте, так как порывы к переменам сдерживаются частью внешними мерами, частью исконным опасением противодействия с какой бы то ни было стороны. <...>

Печатается по изд.: *Полибий*. Всеобщая история в сорока книгах. СПб., 1995. С. 8–9, 14–17.

Цицерон

(106–43 гг. до н. э.)

Марк Туллий Цицерон — римский оратор, политик и ученый. Как философ и политолог сформировался под воздействием древнегре-

ческой философии. Учился у эпикурейцев Филона и Антиоха. В своей научной и политической деятельности большое внимание уделял просвещению римлян, популяризации идей (в том числе политических) греческих философов.

Основные политические сочинения: диалоги (сказалось влияние Платона) «О государстве», «О законах».

В политической теории опирался на идеи естественного права (влияние Аристотеля). Наилучшей, вслед за Полибием, считал смешанную форму правления. Дал определение республике («дело народа»). Идеи Цицерона оказали заметное влияние на политическую теорию эпох Средневековья и Возрождения.

О государстве¹

Итак, государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе. Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при изобилии всего необходимого не... [удалиться от подобных себе.] <...>

[Ибо, не будь у человека], так сказать, семян [справедливости], не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства. Итак, эти объединения людей, образовавшиеся по причине, о которой я уже говорил, прежде всего выбрали для себя в определенной местности участок земли, чтобы жить на нем. Используя естественную защиту и оградив его также и искусственно, они назвали такую совокупность жилищ укреплением, или городом, устроили в нем святилища и общественные места.

Итак, всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, какое я описал, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом, а совет этот должен исходить

¹ Сочинение в подражание Платону написано в форме диалога, который ведут Сципион Африканский Младший (ок. 185–129 гг. до н. э.) — известный полководец и консервативный политик, сокрушитель Карфагена, поклонник эллинской культуры и римских традиций, и члены, так называемого, «сципионовского кружка» — окружения, клики Сципиона: Туберон, Фурий, Лелий, Фил, Муций, Манилий и др.

прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину. <...>

И я говорю это о трех видах государственного устройства, если они не нарушены и не смешаны один с другим, а сохраняют черты, свойственные каждому из них. Прежде всего каждый из этих видов государственного устройства обладает пороками, о которых я уже упоминал; далее, ему присущи и другие пагубные пороки; ибо из указанных видов устройства нет ни одного, при котором государство не стремилось бы по обрывистому и скользкому пути к тому или иному несчастью, находящемуся недалеко от него. Ведь в упомянутом мною царе, терпимом и, если хотите, достойном любви, — Кире (назову именно его) скрывается, так как он волен изменять свои намерения, всем известный жесточайший Фаларид, по образцу правления которого единовластие скользит вниз по наклонному пути, и притом легко. К знаменитому управлению государством, осуществлявшемуся в Массилии малым числом первенствовавших людей, близко стоит сговор клики тридцати мужей, некогда правившей в Афинах. Что полновластие афинского народа, когда оно превратилось в безумие и произвол толпы, оказалось пагубным... [показали дальнейшие события.] <...>

<...> [Государственное устройство] наихудшее, и из этой [формы правления] обыкновенно возникает правление оптиматов, или тиранической клики, или царское, или (даже весьма часто) народное и опять-таки из него — один из видов правления, упомянутых мною ранее, и изумительны бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве. Если знать их — дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила государства, направляя его бег и удерживая его в своей власти, — дело, так сказать, великого гражданина и, пожалуй, богами вдохновленного мужа. Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее <...>

<...> Когда в народе находился один или несколько более богатых и более могущественных человек, тогда — говорят они — из-за их высокомерия и надменности и создавалось вышеуказанное положение, так как трусы и слабые люди уступали богатым и склонялись перед их своеволием. Но если народ сохраняет свои права, то — говорят они — это наилучшее положение, сама свобода, само благоденствие, так как он — господин над законами, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами каждого гражданина

и над его имуществом. По их мнению, только такое устройство и называется с полным основанием государством, т. е. достоянием народа. Поэтому, по их словам, “достояние народа” обычно освобождается от владычества царей и “отцов”, но не бывает, чтобы свободные народы искали для себя царей или власти и могущества оптиматов. И право, говорят они, ввиду пагубных последствий, связанных с необузданностью народа, не следует отвергать вообще всего этого вида свободы для народа; нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же; из различия интересов, когда одному подходит одно, а другому другое, возникают раздоры; поэтому, когда властью завладевали “отцы”, государственный строй никогда не бывал прочен; но еще менее бывает так при царской власти... <...>

Поэтому, если закон есть связующее звено гражданского общества, а право, установленное законом, одинаково для всех, то на каком праве может держаться общество граждан, когда их положение не одинаково? И в самом деле, если люди не согласны уравнивать имущество, если умы всех людей не могут быть одинаковы, то, во всяком случае, права граждан одного и того же государства должны быть одинаковы. Да и что такое государство, как не общий правопорядок? <...>

Ты с полным основанием спрашиваешь, какой из трех видов государственного устройства наиболее одобряю я; ведь ни одного из них самого по себе, взятого в отдельности, я не одобряю и предпочитаю каждому из них то, что как бы сплавлено из них всех, взятых вместе. Но если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть [и поставил бы ее на первое место.] [Если говорить о видах власти,] названных здесь, то имя царя напоминает мне как бы имя отца, заботящегося о согражданах, как о своих детях, и охраняющего их тщательнее, чем... вас поддерживает заботливость одного наилучшего и выдающегося мужа. Но вот встают оптиматы, чтобы заявить, что они делают это же самое лучше, и сказать, что мудрости будет во многих больше, чем в одном, а справедливость и честность та же. А народ, оглушая вас, кричит, что он не согласен повиниться ни одному, ни немногим, что даже для зверей нет ничего сладостнее свободы, и что ее лишены все те, кто находится в рабстве, независимо от того, чьи они рабы — царя или оптиматов. Так благоволением своим нас привлекают к себе ца-

ри, мудростью — оптиматы, свободой — народы, так что при сравнении трудно выбрать, чего можно желать больше всего. <...>

Ромул, по преданию, прежде всего задумал, совершив авспиции, заложить город и основать прочное государство. Что касается места для города, которое каждый, пытающийся создать долговечное государство, должен намечать весьма осмотрительно, то Ромул выбрал его необычайно удачно. Ведь Ромул не придвинул города к морю (а это было бы для него, при многочисленности его отряда, очень легко), дабы вторгнуться в область рутулов и аборигенов и основать город в устье Тибра, куда через много лет вывел колонию царь Анк; нет, этот муж, обладавший выдающейся способностью предвидеть, хорошо понимал, что приморское положение отнюдь не выгодно для тех городов, которые закладываются в надежде на их долговечность и могущество, прежде всего потому, что приморским городам угрожают опасности не только многочисленные, но и скрытые. Ведь твердая земля заблаговременно возвещает о приближении врагов — не только тех, которых ожидают, но и тех, которые нападают врасплох, — многими признаками: как бы гулом и даже грохотом; ибо ни один враг не может налететь по суше так, чтобы мы не могли знать не только о его прибытии, но также и о том, кто он и откуда явился. Между тем враг, приходящий с моря на кораблях, может появиться раньше, чем кто бы то ни было будет в состоянии заподозрить возможность нападения; при этом он, уже появившись, не дает понять, ни кто он, ни откуда идет, ни даже чего он хочет; словом, нельзя усмотреть ни единого признака, чтобы судить, мирные ли это люди или враги.

Далее, приморским городам свойственны, так сказать, порча и изменение нравов; ибо они приходят в соприкосновение с чужим языком и чужими порядками, и в них не только ввозятся чужеземные товары, но и вносятся чуждые нравы, так что в их отечественных установлениях ничто не может оставаться неизменным в течение долгого времени. Жители этих городов уже не чувствуют привязанности к насиженному месту; нет, крылатые надежды и помыслы увлекают их вдаль от дома, и даже тогда, когда они сами остаются на родине, в душе они все же удаляются прочь и странствуют. И право, ничто иное не повредило в большей степени уже давно поколебленным в своих устоях Карфагену и Коринфу, чем эти странствия и рассеяние их граждан, так как они, из-за своей страсти к торговле и мореплаванию, перестали обрабатывать поля и разучились владеть оружием. Кроме того, по морю в государства доставляется много

предметов, порождающих пагубную роскошь; их либо захватывают силой, либо ввозят. Да и само приятное расположение города таит в себе много разорительных и склоняющих к праздности соблазнов, побуждающих людей удовлетворять свои страсти. И то, что я сказал о Коринфе, пожалуй, можно вполне сказать и обо всей Греции; ведь и сам Пелопоннес почти весь лежит у моря, и, за исключением жителей Флиунта, нет такого племени, которое не соприкасалось бы с морем, а за пределами Пелопоннеса только эниане, доряне и долопы живут вдалеке от моря. К чему говорить мне о греческих островах, которые, будучи опоясаны волнами, чуть ли не сами носятся по ним вместе со своими гражданскими установлениями и укладом жизни? Но это, как я уже говорил, относится к старой Греции. Что касается ее колоний, выведенных греками в Азию, во Фракию, Италию, Сицилию и Африку, то какой из них, кроме одной только Магнесии, не омывают морские волны? Таким образом, побережье Греции кажется как бы пришитым к землям варваров; ведь из самих варваров ранее никто не жил у моря, кроме этрусков и пунийцев; одни из них жили у моря с целью торговли, а с целью разбоя — другие. Вот очевидная причина бедствий и переворотов, происшедших в Греции, — недостатки, связанные с приморским расположением городов, вкратце рассмотренные мною ранее. Впрочем с этими недостатками сочетаются большие преимущества: в город, где ты живешь, по морю могут доставляться произведения всего мира, и, наоборот, то, что произрастает на его полях, жители могут вывозить и посылать в любую страну.

Каким образом Ромул смог бы с более божественной мудростью использовать преимущества приморского расположения города и в то же время избежать его опасностей, как не тем, что заложил город на берегу реки, которая течет непрерывно и равномерно и, впадая в море, образует широкое устье? Благодаря этому город мог и получать по морю все то, в чем нуждался, и отдавать то, чем изобиловал, и мог по этой же реке не только ввозить из-за моря все самое необходимое для пропитания и жизни, но и получать привезенное по суше; таким образом, Ромул, мне кажется, уже тогда предвидел, что наш город рано или поздно станет средоточием величайшей державы. Ибо городу, расположенному в какой бы то ни было другой части Италии, едва ли удалось бы с большей легкостью сохранить такое могущество.

Далее, что касается природных средств защиты города, то найдется ли такой ненаблюдательный человек, который их не заметил бы и должным образом не оценил? Ведь как Ромул, так и последующие

цари благодаря своей мудрости, использовав наличие крутых и обрывистых холмов, возвышавшихся со всех сторон, выбрали для городской стены такое направление, что единственное доступное место, находившееся между Эсквилинским и Квиринальским холмами, после того, как был насыпан огромный вал, опоясывалось широчайшим рвом, а обнесенная стеной крепость стояла так высоко на крутой и как бы обтесанной скале, что даже в памятные нам страшные времена галльского нашествия осталась невредимой и нетронутой. В этой области, страдавшей от болезней, Ромул выбрал место и богатое родниками, и здоровое; ведь там много холмов, которые не только сами обвеваются ветрами, но и дают тень долинам.

Печатается по изд.: *Цицерон*. Диалоги. О государстве. О законе. М., 1994. С. 20, 21, 22–23, 23–24, 24, 26, 35–37.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

Политические учения Средневековья (не только европейского, но и арабского) базировались на античных источниках, среди которых наиболее авторитетными считались труды Аристотеля, также Платона, греческих и римских историков (Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Арриана, Тацита, Светония, Ливия), географов (Эратосфена, Посидония, Страбона, Птолемея), писателей (Гомера, Эсхила, Софокла, Овидия, Горация, Вергилия). В то же время средневековые политические идеи обязательно освящались христианской (или мусульманской) догматикой. Так, происхождение власти, государства и социального неравенства велось от бога, а наилучшей формой правления признавались монархия (бог на небе един, и правитель на земле должен быть один). Это послужило рождению теократических теорий (от *греч.* «теос» — бог, «кратос» — власть), оправдывающих социальную иерархию человеческого общества иерархией небесной, признававших святость монарха — помазанника божия, династический (а не национальный, как стало только в Новое время) принцип построения государства и нерушимость политического порядка, поддерживаемого церковью.

В эпоху Возрождения, с накоплением знания и политического опыта, а также в связи со «вторым» прочтением античных теорий о человеке как общественном, политическом существе и о естественном же происхождении полиса (государства), естественном (т. е. данном природой) праве происходит отделение социально-политического поведения человека от религиозного, христианской морали от политики.

Реальный человек, действующий в политической жизни, не склонен подчиняться заповедям Христовым, а активно борется за власть, применяя при этом приемы и методы, не всегда оправданные христианской этикой. Изучением такого человека и реальных, а не трансцендентных социальных отношений и политических институтов и занялась зародившаяся политическая наука. Кроме того, теоретиков Реформации волновали проблемы коррупции и бюрократизации римско-католической церкви, ее несоответствия требованиям свободы личности и представлениям нового нарождавшегося строя — капитализма.

Фома Аквинский

(1225 или 1226 — 1274)

Средневековый итальянский философ, теолог и политолог. Родился в Южной Италии в замке Роккасекка, близ Акуино. В девятнадцать лет (1244) стал монахом-доминиканцем. Получил известность как систематизатор схоластики и основатель нового философского направления его имени — томизма. Признан в числе пяти ведущих «учителей церкви». Похоронен в монастыре Фоссандова (южная Италия). Основное политическое сочинение — «О правлении государей». Политические идеи Аквината вытекают из учения Аристотеля о человеке, как существе общественном, политическом, о естественном происхождении государства и его цели, заключающейся в общем благе. Политическое учение Аристотеля Аквинский согласовывает с христианской догматикой, доктриной верховенства, но непротиворечивости божественного закона по отношению к естественному праву. Отсюда вытекает, с некоторыми оговорками, право восстания народа против государя, если тот нарушает естественный принцип справедливости.

О правлении государей

Книга I

Глава «О том, что нужно, чтобы вместе живущими людьми кто-то правил»

Человек нуждается в чем-либо, направляющем его к цели. Существует ведь естественно присущий каждому из людей свет разума, благодаря которому он в своих действиях направляется к цели. И если бы только человеку подобало жить одному, как живут многие животные, он не нуждался бы ни в чем ином, направляющем его к цели, но каждый сам был бы себе царем под властью Бога, наивысшего царя, поскольку в своих действиях человек сам направлял бы себя данным ему по воле Бога светом разума.

Для человека, однако, так как он существо общественное и политическое, естественно то, что он живет во множестве, даже еще более, чем все другие существа, ибо этого требует естественная необходимость. Ведь все другие существа от природы обеспечены пищей, покровом из шерсти, защитой, например, клыками, рогами, когтями или по крайней мере проворством в беге. Человек, напротив, создан так, что природа не наделила его ни одним из этих качеств, но вместо всего этого ему дан разум, благодаря которому он мог бы обеспечить себя

всем этим при помощи рук. Один человек, однако, не в состоянии справиться со всем тем, что должно быть обеспечено. Поистине, один человек сам по себе не смог бы выжить. <...>

Поскольку человеку приходится жить во множестве, так как он не может обеспечить себя жизненно необходимым, если останется один, то общество многих будет тем более совершенно, чем более оно сможет обеспечить себя жизненно необходимым. Ведь в одной семье, живущей в одном доме, имеются какие-то вещи, необходимые для жизни, а именно столько, сколько нужно для естественных процессов — питания, продолжения рода и прочего в этом смысле; на одной улице — столько, сколько нужно для одного ремесла; в городе-государстве же, которое является совершенной общностью, столько, сколько нужно для всех жизненно важных потребностей, но еще более — в одной провинции вследствие необходимости борьбы и взаимной помощи против врагов. Поэтому тот, кто царит в доме, зовется не царем, отцом семейства. Он, однако, имеет некоторое сходство с царем, из-за чего царей иногда именуют отцами народов. <...>

Глава «О том, насколько господство одного — наилучшее, когда оно справедливо, насколько противоположное ему — наихудшее. Доказывается при помощи многих соображений и аргументов»

Так же как правление царя — наилучшее, так правление тирана — наихудшее. Демократии же противопоставляется полития, в самом деле, как явствует из сказанного, оба эти правления осуществляются многими; аристократии же — олигархия, ибо в обоих случаях управляют немногие; а монархии — тирания, ведь оба правления вершатся одним. Ранее было показано, что наилучшим правлением является монархия. Следовательно, если наилучшее противостоит наихудшему, тирания неизбежно является наихудшим правлением.

Кроме того, единая сила более действенна в исполнении намеченного, чем рассеянная и разделенная. Ведь многие, объединившись вместе, тянут то, что не смогут вытянуть поодиночке, если разделить груз на каждого. Следовательно, насколько более полезно, когда сила, действующая во благо, более едина, так как она направлена к совершению добра, настолько более пагубно, если сила, служащая злу, едина, а не разделена. Сила же нечестивого правителя направлена ко злу множества, так как общее благо множества он обратит только в свое собственное благо. Итак, тирания более пагубна, чем олигархия, а олигархия, чем демократия.

Более того, правление становится несправедливым вследствие того, что, поправ общее благо множества, добывается блага только

для правителя. Следовательно, чем больше отвергают общее благо, тем более несправедливо правление; а отвергают общее благо больше при олигархии, когда добиваются блага для немногих, и еще более отступают от общего блага при тирании, когда добиваются блага только для одного; ведь всей совокупности ближе многое, чем немногое, и немногое, чем только одно. Поэтому правление тирана самое несправедливое... <...>

Глава «Заключение о том, что правление одного всецело является наилучшим. Показывается, каким образом множество должно себя вести по отношению к нему, чтобы исключить возможность тирании, но даже в случае возникновения тирании ее должно терпеть, чтобы избежать большего зла»

Итак, действительно, следует предпочесть правление одного, так как оно наилучшее, но случается, что оно превращается в тиранию, т. е. наихудшее, так что из сказанного следует: необходимо стараться с усердием и рвением, чтобы заранее было предусмотрено у множества то, как бы царь не стал тираном. Прежде всего необходимо, чтобы из тех, кого ожидает эта обязанность, был выдвинут в цари человек такого характера, для которого было бы невозможно склониться к тирании. ... Затем так должно быть устроено управление царством, чтобы у царя уже не было возможности установить тиранию. Вместе с тем его власть должна быть умерена настолько, чтобы он не мог с легкостью обратиться к тирании... Если царь стремится к тирании, нужно следить только за тем, как ее избежать. <...>

И если бремя тирании нетерпимо, некоторым представляется, что убить тирана и подвергнуть его жизнь опасности ради освобождения множества было бы доблестным делом для храброго человека.... В самом деле, если кто-то незаслуженно претерпит страдание, это будет для него благодатью. <...>

Глава «О том, какой способ правления подобает царю, поскольку он должен следовать божественному способу правления. Этот способ управления показан на примере управления судном, тут и дается сравнение власти священнослужителя и власти короля»

...Итак, люди объединяются затем, чтобы хорошо жить вместе, чего не может достичь никто, живя в одиночестве; но благая жизнь следует добродетели, ибо добродетельная жизнь есть цель человеческого объединения. ... Но жить, следуя добродетели, не является конечной целью объединенного множества, цель — посредством добродетельной жизни достичь небесного блаженства... Итак, служение царству, поскольку духовное отделено от земного, вручено не земным прави-

телям, а священникам и особенно высшему священнику, наследнику Петра, наместнику Христа, папе римскому, которому все цари христианского лица должна подчиняться, как самому Господу Иисусу Христу. Ведь те, кому принадлежит забота о предшествующих целях, должны подчиняться тому, кому принадлежит забота о конечной цели, и признавать его власть.

Глава «О том, что царь, направляющий своих подданных к добродетельной жизни, следует по пути как к конечной цели, так и предшествующим целям. (Здесь показано, что направляет к благой жизни, и что ей препятствует, и какие средства царь должен употребить для устранения этих препятствий)»

...Итак, в связи с установленной триадой царю предстоит тройная задача. Во-первых, заботиться о преемственности людей и назначении тех, кто возглавляет различные службы. Подобным образом божественное управление относительно того, что тленно (ведь эти вещи не могут оставаться неизменными вечно), предусматривает, чтобы рождаясь, одно приходило на место другого, ибо именно так сохраняется целостность вселенной, так и попечением царя сохраняется добро подчиненного множества, пока он заботливо следит, чтобы другие вступали на покинутые места. Во-вторых, чтобы своими законами и предписаниями, наказаниями и наградами он удерживал подчиненных себе людей от греха и побуждал к доблестным делам, восприняв пример Бога, давшего людям закон, воздающего тем, кто его соблюдает, вознаграждение, а тем, кто его преступает, — наказание. Третья задача, стоящая перед царем, чтобы все подчиненное ему множество могло отразить врагов. Ведь ничто не поможет избежать внутренних опасностей, если нельзя оборониться от опасных внешних. <...>

Итак, вот те вещи, которые относятся к обязанностям царя, их следует тщательно разобрать по отдельности.

Печатается по изд.: Мир политической мысли. Хрестоматия по политологии под редакцией А. К. Голикова, В. Е. Юстужева. Часть II. Политическая мысль Средневековья и Нового времени. Книга 1. Средневековье, эпоха Возрождения и Реформации. СПб., 1993. С. 39, 41, 42–47.

Никколо Макиавелли (1469–1527)

Выдающийся политический деятель и ученый-гуманист, один из первых политологов. Родился в дворянской, образованной семье.

Учился и жил во Флоренции — одном из центров Возрождения. Принадлежал, как и большинство флорентийцев, к партии гвельфов, поддерживавшей Папу в его борьбе с императором Священной Римской Империи, который в Италии опирался на партию гибеллинов. Образование Макиавелли получил, наблюдая смену режимов во Флоренции: тиранию Пьеро Медичи, попытку французского короля Карла VIII установить монархию, теократию Савонаролы, установление республики (1498). Флорентийской республике Макиавелли служил в качестве секретаря, ведавшего внутренними делами (т. е. второго канцлера) вплоть до ее падения в 1512 г., после чего занялся научной и литературной деятельностью. Наиболее известные работы: «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «История Флоренции».

Государь

Глава I. Скольких видов бывают государства и как они приобретаются

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными — если род государя правил долгое время, либо новыми... Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью. <...>

Глава VIII. О тех, кто приобретает власть злодеяниями

...Тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид. Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя — вести себя с подданными так, чтобы никакое событие — ни дурное, ни хорошее — не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью. <...>

Глава XVIII. О том, как государи должны держать слово

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямоту и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полужверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

...Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрывать, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

...Государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой

оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т. е., как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. <...>

Печатается по изд.: *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 4, 20, 53–54.

Мартин Лютер (1483–1546)

Немецкий священник, общественный деятель, реформатор церкви. Окончил Эрфуртский университет (1505). Примыкал к кружку гуманистов, испытал влияние философского учения Оккама. Постригся в монахи августинского монастыря. Создал учение об оправдании верой, как необходимым и единственным условием спасения души в отличие от католического учения о спасении через добрые дела (молитвы, пост, паломничество, пожертвования, покупки индульгенций).

Лютер основал протестантскую (лютеранскую) церковь, учение которой базируется на так называемых 95 тезисах против злоупотреблений католического духовенства (1517). Свои идеи он развил в работах «О вавилонском пленении церкви», «О свободе христианина» и др. В них он утверждал принципы свободы совести и церковного самоуправления.

Свобода христианина

Человек, однако, ни в чем этом не нуждается для своей праведности и спасения. Таким образом, он должен направляться во всех сво-

их делах этой мыслью и иметь в виду только то, что он может служить и приносить пользу другим во всем, что делает, не принимая во внимание ничего, кроме нужды ближнего своего и пользы для него. Соответственно, апостол заповедует нам трудиться, «делая своими руками полезное» так, чтобы мы могли дать нуждающимся, хотя он мог бы сказать, что нам следует работать для того, чтобы обеспечивать себя. Он говорит, однако: «чтоб было из чего уделять нуждающемуся» (Ефес. 4, 28). Это то, что составляет основу христианских дел, чтобы, имея утешение, мы могли трудиться, обретать и откладывать средства, помогая тем, кто нуждается, чтобы таким образом сильные члены могли служить слабым, и мы могли быть сынами Божьими, каждый заботясь о другом и трудясь для него, нося бремена друг друга и исполняя тем самым закон Христов (Гал. 6, 2). В этом заключается истинная Христианская жизнь. Здесь вера действительно действительна через любовь (Гал. 5, 6), т. е. она находит выражение в делах свободнейшего служения человека другому, служения добровольного, с радостью и любовью, без всякой «задней мысли» о вознаграждении, удовлетворяясь при этом полнотой и богатством своей веры. <...>

Таким образом, от веры проистекают любовь и радость в Господе, а от любви — радостное и свободное состояние разума, которое обусловливает охотное служение человека ближнему своему и не считается с такими явлениями, как благодарность или неблагодарность, хвала или порицание, обретение или потеря. Ибо человек служит не для того, чтобы чем-то обязать других. Он не делает различий между друзьями и врагами и не думает о том, останутся ли они ему благодарны или нет, но он безвозмездно и охотно отдает себя и все, что он имеет, независимо от того — заслуживает ли он этим награду или же исполняет неблагодарную работу. <...>

Таким образом, если мы признаем те великие и драгоценные дары, которые даны нам, наши сердца, как говорит Павел в Послании к Римлянам (5, 5), будут исполнены Духом Святым любовью, которая делает нас свободными, радостными, всемогущими тружениками и победителями над всеми скорбями, рабами ближних наших... <...>

Мы заключаем, таким образом, что христианин живет не в себе самом, но во Христе и в ближнем своем. В противном случае, он не христианин. Он живет во Христе верой, в ближнем же своем — любовью. Верой он восходит к Богу через себя. Любовью он через себя нисходит к ближнему своему. И все же он всегда остается в Боге и в Его любви, как сказал Христос в Евангелии от Иоанна: «Истинно,

истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому».

На этот раз достаточно о свободе. Как видите, это духовная и истинная свобода, и она делает наши сердца свободными от всех грехов, законов и заповедей, как Павел говорит в 1-м Послании к Тимофею, 1 [9]: «...закон положен не для праведника». Она превосходней, чем любая другая, внешняя свобода, подобно тому, как Небеса превосходят землю. Да дарует нам Христос эту свободу, чтобы мы могли ее понять и сохранить. Аминь. <...>

Печатается по изд.: Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994. С. 43–44, 45, 49.

Жан Кальвин (1509–1564)

Известный французский деятель церкви и ее реформатор. Основатель течения, получившего название кальвинизм (во Франции последователей Кальвина называли гугенотами, в Голландии, Англии, Шотландии — пуританами).

Кальвин получил юридическое образование. Под влиянием агитации М. Лютера примкнул к протестантскому движению (1531), но через пять лет основал свою кальвинистскую церковь, разойдясь с учителем в толковании доктрины оправдания верой и предопределения, утверждавшей путь к спасению только избранникам божьим. Отсюда главной в кальвинизме стала не вера, а Божья благодать, которая дается людям деятельным и проявляется в том числе в политической и деловой активности.

Эмигрировав от преследований католической церкви в Швейцарию, Кальвин основал в Женеве теократическую кальвинистскую республику, введя в качестве обязательных норм общественной жизни исполнение закона Божия, упростив при этом церковные обряды.

Кальвинистское вероучение оказало сильное воздействие на развитие капиталистических отношений в Северо-Западной Европе и Северной Америке.

О христианской жизни

Глава II. О сущности христианской жизни, или о том, чтобы отрешиться от самих себя

Мы с безудержной яростью и необузданной алчностью жаждем могущества и почестей, ищем власти, накапливаем богатства и соби-

раем все, что способствует, как нам кажется, роскоши и великолепию.

С другой стороны, мы боимся и отчаянно ненавидим бедность, убожество, унижение и избегаем их как только можем.

Поэтому очевидно, как тревожно на душе у тех, кто устраивает жизнь по собственному разумению, сколько ухищрений используют они и какими муками себя мучают, лишь бы добиться того, к чему влекут их алчность и тщеславие, избежать бедности и низкого положения.

Для того чтобы верующие не попадали в такого рода западни, они должны держаться вот какого пути.

Главное, нельзя желать, или надеяться обрести, или воображать иной способ благоденствия, чем Божье благословение, поэтому люди должны безбоязненно полагаться и опираться на него.

Разумеется, плоть может сама осуществить свой замысел, когда изобретательно добивается почестей и богатства, либо прилагая к тому собственные усилия, либо с помощью благосклонных людей; тем не менее очевидно, что все это — ничто, и мы никогда не сможем преуспеть ни смекалкой, ни трудолюбием, если Господь не будет помогать нам в том и другом.

И напротив, одно Его благословение проложит путь через все преграды, чтобы привести нас к счастливому завершению всех дел.

Более того, даже если бы мы могли приобрести богатство или добиться почестей без благословения, тем не менее, там, где тяготеет Божье проклятие, невозможно вкусить и малую толику блаженства; и мы не получим ничего, что не принесло бы беды, если над нами нет Его благословения. Следовательно, было бы крайним безумием домогаться того, что может принести нам лишь несчастье.

9. Поэтому если мы верим, что единственный способ преуспеть заключен в Божьем благословении и без него нас ожидают нищета и бедствия, то мы обязаны не жаждать богатства и почестей слишком страстно, полагаясь на свой ум, рвение или покровительство людей либо случая; мы обязаны всегда взирать на Бога, чтобы под Его водительством занять то положение, которое угодно Ему.

Тогда мы не будем стремиться завладеть богатством, добиться почестей правдой или неправдой, силой, или хитростью, или другими несправедливыми путями; но будем искать тех благ, которые не нарушат нашей невинности перед Богом.

Ибо кто же, совершая обман, хищения или другие преступления, может рассчитывать на Божье благословение? Ведь поскольку оно

помогает только тому, кто чист в помыслах и поступках, то человек, желающий благословения, должен быть чужд беззаконию и всякому злему умыслу.

Более того, Божье благословение — словно узда, сдерживающая нас, чтобы нас не спалила неумеренная страсть к обогащению и чтобы мы не старались тщеславно возвыситься. Разве не бесстыдство полагать, что Бог должен помочь приобрести то, чего мы желаем вопреки Его Слову?

Разве Он будет способствовать Своим благословением тому, что проклинает Своими устами!

В конце концов, даже если дела не пойдут в соответствии с нашими надеждами и желаниями, эта мысль не позволит нам отчаяться и проклясть судьбу. Ибо мы будем знать, что это ропот на Бога, по воле Которого распределяются и бедность, и богатство, и презрение, и почести.

В общем, всякий, кто положится на Божье благословение (как было сказано выше), не станет дурными и окольными путями искать ничего из того, что люди жаждут с безудержной алчностью, так как он будет знать, что это не пошло бы ему на пользу. А если ему выпадет удача, то он не припишет ее своему рвению, умению, случаю, но признает, что это — от Бога.

С другой стороны, если он почти ни в чем не может продвинуться и даже отстает, в то время как другие поднимаются, как хотели, все выше и выше, то он все равно будет переносить бедность терпеливее и сдержаннее, чем нечестивый переносит недостаток меньше желаемого.

Ибо уповающий на Божье благословение человек получит утешение, которое успокоит его больше, чем все богатства на свете, даже если бы он собрал их в одну кучу: потому что он будет помнить, как это и нужно для его спасения, что все происходит по Божьей воле.

Мы видим, что такое же настроение духа было у Давида, когда, следуя Богу и предав себя Его власти, он уверял, что подобен дитяти, отнятому от груди матери, и что он не входил в великое и для него недостижимое (Пс. 130, 12).

10. Недостаточно, чтобы верующие сохраняли терпение и умеренность только в этом отношении; они должны относиться так ко всем событиям, которые случаются в жизни.

Поэтому человек не отрекся от себя надлежащим образом, если не предал себя во власть Бога настолько, что охотно подчиняет свою жизнь водительству Его воли.

Пребывающий в таком расположении ума и духа не посчитает себя несчастным, что бы ни случилось, не будет сетовать на свое положение, как бы косвенно обвиняя Бога.

А насколько такое расположение духа необходимо, станет ясно, если мы посмотрим, скольким разным несчастьям мы подвержены. Есть тысяча бед, которые мучают нас постоянно, одна за другой. То чума нас терзает, то война, то мороз лишает нас урожая и грозит нуждой; то смерть уносит от нас жену, детей и других близких; иногда в нашем доме случается пожар. От этого люди ненавидят жизнь, проклинают день своего рождения, не терпят небес и света, хулят Бога; и так они то изощренно кощунствуют, то обвиняют Его в несправедливости и жестокости.

Напротив, верующий человек должен видеть во всем этом Божье милосердие и отеческую доброту.

Печатается по изд.: *Кальвин Ж.* О Христианской жизни. М., 1995. С. 54–58.

РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Христианские идеи пустили глубокие корни в русской политической мысли после крещения Руси (988). В то же время разделение христианства на православие и католицизм, которое произошло в 1054 г., поставило перед Русью проблему «Восток — Запад», не решенную до сих пор. Отсюда вытекают два основных потока политических идей русского Средневековья. Первый — консервативный, охранительный, автаркический, давший начало таким концепциям, как «Москва — третий Рим», а в дальнейшем, уже в Новое время, — «Православие, самодержавие, народность», а также панславизму, славянофильству. Второй — прогрессивный, общеевропейский, интеграционный, от которого берут свое начало реформаторское либерально-демократическое и социалистическое течение русской политической мысли.

Иларион

(ок. 1000 — после 1074)

Иларион — митрополит киевский периода расцвета Киевской Руси при правлении Ярослава Мудрого, известный богослов-проповедник, писатель, церковно-политический деятель.

Иларион родился в Киеве, постригся в монахи Киево-Печерского монастыря. В 1040-е гг. стал настоятелем церкви в Берестове (родовом имении Рюриковичей) и духовником великого князя Ярослава. В 1049 г. в Десятинном храме Киева Иларион прочитал проповедь «Слово о Законе и Благодати», ставшую фактически первым сочинением русской литературы и первым политическим трактатом.

Как политический деятель Иларион активно поддерживал Ярослава в его усилиях по развитию письменности и книжности, христианства и культуры, по укреплению и сплочению русских княжеств под эгидой великого князя киевского, по проведению самостоятельной, независимой от Византийской империи внешней политики.

В 1051 г. Иларион без санкции Константинопольского патриарха был поставлен Ярославом митрополитом. После смерти Ярослава Мудрого (1054) Иларион был заменен митрополитом-греком и удален, вероятно, в Печерский монастырь, где еще долгое время занимался богословско-писательской деятельностью.

В «Слове о Законе и Благодати» Иларион сравнивает ветхозаветный Моисеев закон и новозаветную христианскую благодать, которая для всех христиан важнее закона, ибо позволяет каждому нравственно совершенствоваться и делать правильные поступки.

С распространением Нового Завета христианство стало религией. Это означает, что новообращенная Русь нашла свое место в мировой истории, присоединилась к христианским народам, в то время еще не разделенным на католиков и православных. Иларион осуждает менторскую позицию Византии и провозглашает согласно благодати Нового Завета равенство всех христиан и христианских народов. Он прославляет крестителя Руси — великого князя Владимира Святого.

Слово о законе и благодати

<...> Хвалит же хвалебными словами Римская земля Петра и Павла, от которых уверовали в Иисуса Христа, Сына Божьего, Азия, и Эфес, и Патм — Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, города и люди чтут и славят своих учителей, которые научили их православной вере.

Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великое и чудное сотворившего — нашего учителя и наставника, великого кагана земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые в годы своего владычества мужеством и храбростью прославились во многих странах. И поныне победы и могущество их вспоминаются и прославляются. Ведь не в слабой и безвестной земле владычествовали, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли.

Сей каган наш Владимир, славный от славных родился, благородный от благородных. И вырос и окреп, с детских лет возмужав, крепостью и силой совершенствуясь, в мужестве и понимании преуспевая. И, будучи самодержцем земли своей, покорил себе окрестные страны: одних миром, а непокорных мечом. И так, когда он жил и пас землю свою справедливо с мужеством и пониманием, тогда сошла на него милость всевышнего — взглянуло на него всемилостливое око благого бога, и воссиял разум в сердце его, чтобы понять суетность идольской лжи и обрести единого бога, создавшего всю тварь видимую и невидимую. Еще слышал он постоянно о благоверной Греческой земле, христороливой и крепкой верой, где бога единого в троице чтут и поклоняются, как свершаются у них чудеса и знамения, как многолюдны церкви, как все города исповедуют единую веру, все в молитвах предстоят, все служат богу. И, слыша это, возжелал сердцем, возгорел духом, чтобы быть ему христианином и земле его.

Так и стало, когда бог пожелал, сбросил каган наш человеческое естество и с ризами ветхого человека снял тленное, стряхнул прах неверия, вошел в святую купель и возродился от святого духа и воды, во Христе крестился, во Христе облекся и вышел из купели очистившимся, стал сыном нетленья, сыном воскресения, принял из поколения в поколение вечно прославляемое имя Василий, с которым записан в книги животные в вышнем граде, в нетленном Иерусалиме.

С того времени, как это произошло, и до сих пор не прекращается подвиг благоверия. И не только тем явил имевшуюся в нем к богу любовь, но еще и потрудился, повелев по всей земле креститься во имя отца, сына и святого духа, светло и громогласно прославлять во всех городах святую троицу, быть всем христианами — незнатным и знатным, рабам и свободным, юным и старым, боярам и простолюдинам, богатым и бедным. И не было ни одного, кто воспротивился бы благочестному его повелению, а если кто не по доброй воле крестился, то из-за страха перед повелевшим, поскольку благоверие того было соединено с властью.

Печатается по изд.: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 3. Политическая мысль в России: X — первая половина XIX в. С. 28–29.

Ярослав Мудрый (ок. 978–1054)

Ярослав Мудрый — выдающийся политический деятель, великий князь Киевский прошел путь, обычный для князя Рюриковича, родившегося от великого князя Владимира Святославовича (Святого) и полоцкой княгини Рогнеды. Княжил в Ростове (988–1010), в Новгороде (1010–1016) и Киеве (1016–1054). Был женат на дочери шведского короля Олафа Ирине (Ингигерде). Киевская Русь при правлении Ярослава значительно укрепились и расширилась, была признана в Европе, Византии, арабском мире. Киев и другие политические центры получили мощные укрепления, украсились новыми храмами, дворцами и зданиями. Бурно развивались ремесла и торговля. При Софийском соборе, построенном в 1037 г., были учреждены книгописная, иконописная мастерские, библиотека и церковная школа.

Ярославу удалось политически консолидировать Русь, состоящую из удельных княжеств под верховенством Киева, дать отпор притя-

заниям Степи и восточноевропейских держав, выйти из-под религиозной, идеологической и политической опеки Византийской империи, стать, говоря современным языком, актором, независимым действующим лицом мировой геополитики.

Внутренняя геополитическая конструкция древнерусского государства поддерживалась равновесием между Днепровской Русью, ядром которой были Киевское, Черниговское и Переяславское княжества и Волховской (Ильменской) Словенией с центром в Новгороде. Избыточное население имело выход на восток в леса, населенные (точнее малонаселенные) в основном угро-финским этносом.

Перед смертью в завещании Ярослав по традиции поручил киевский престол старшему сыну, остальным сыновьям — удельные княжества, завещав хранить мир и жить в любви. Однако уже в 1068 г. началась междоусобная война.

Завещание Ярослава Мудрого закрепило прецедент порядка престолонаследования на Руси, существовавший до 1389 г., когда Дмитрий Донской передал великое княжение Московское, не разделяя «свою отчину», только одному старшему сыну — Василию.

Завещание

В год 6562¹ преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы, братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить и в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду — Переяславль, а Игорю — Владимир, а Вячеславу — Смоленск». <...>

Печатается по изд.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 207–208.

Анонимный автор XIII в.

Анонимный автор «Слова о погибели Русской земли», написанного в середине XIII в. во Владимире после смерти великого князя

¹ По современному летоисчислению 1054.

Владимирского Ярослава Всеволодовича (1246), высказал в эпической форме важные идеи о необыкновенной красоте и богатстве русской земли, о единой этнической, религиозной, исторической и политической судьбе русского народа, живущего на этой земле под властью великих князей Владимирских.

В слове дается картина геополитического окружения домонгольской Руси, в котором живут христиане и некрещенные язычники и мусульмане, где вместе с великой Византийской империей и Священной Римской империей, Польским, Венгерским королевствами, Болгарским царством (на Волге) существуют другие этносы и менее значимые государства, не играющие ведущей роли в мировой геополитике. Автор Слова хочет видеть Русь (у которой для этого есть все возможности) среди ведущих мировых держав. Погибель, т. е. завоевание Руси татарами-монголами, трактуется анонимным автором как кара божия, как наказание за грехи, за уклонения князей и народа от истинной веры.

Слово о гибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава

О светло светлая и красно украшенная земля Русская! И многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местнотимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверями различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами монастырскими, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими, — всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы, — то все покорил Бог народу христианскому поганые страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам господин Мануил Царегородский, страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял.

А в те годы — беда христианам от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимирского.

Печатается по изд.: Изборник / Пер. Ю. К. Бегунова. С. 327.

Иван III Васильевич (1440–1505)

Иван Васильевич был правнуком Дмитрия Донского и правил Великим княжеством Московским с 1462 по 1505 г. В свое княжение Иван III имел несколько достижений геополитического масштаба, оставивших заметный след в истории России.

Во-первых, он присоединил к Московскому княжеству Новгородскую республику, княжество Тверское и часть княжества Рязанского.

Во-вторых, женившись на византийской царевне Софье Палеолог, стал считать себя наследником византийских императоров. Поэтому принял титул царя (пока только для международных отношений) и соединил герб Московского княжества (на котором Георгий Победоносец поражает змия) с гербом Византийской империи — двуглавым орлом. Впервые после Русской правды, созданной еще при Ярославе Мудром, был составлен новый Судебник (1497).

В-третьих, возвышение Московского Великого княжества подняло его геополитический статус. При дворе были заведены пышные и сложные церемонии. Значительно увеличились связи с зарубежными странами, что вело к бурному развитию ремесел, росту торговли, образования, культуры.

В-четвертых, на церковном Соборе 1503 г. Иван III предпринял попытку секуляризации церковных земель, чтобы изъятые земли передать своим сторонникам в борьбе за централизацию — дворянам. Но на Соборе партия «иосифлян» (сторонников Иосифа Волоцкого) сумела взять верх над партией «нестяжателей» (вождь Нил Сорский), и Иван III вынужден был отказаться от секуляризации.

Грамота Ивана III Васильевича к германскому императору Максимилиану I

По Божьей воле и по нашей любви мы, Иоанн, Божьей милостью Государь всея Руси, Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Вятский, и Пермский, и Болгарский и иных, заключили дружеский и вечный договор со своим братом Максимилианом, королем Римским, и князем Австрийским,

и князем Бургундским и Лургинским, и Штирии и Каринтии и иных. Быть нам с ним в братстве и любви и в единстве по этой грамоте. Если будет тебе, нашему брату Максимилиану королю, нужна наша помощь против твоих недругов — нам тебе помогать, когда нам будет возможно. Если будет нам нужна твоя помощь против наших недругов — и тебе нам помогать, когда будет тебе возможно. А [если] ты начнешь, брат, отвоевывать свою отчину Венгерское королевство, а Казимир, король Польский, или сын его, Чешский король, или его младшие дети начнут Венгерское королевство себе завоевывать, [тогда] тебе нам весть прислать. И нам тебе против Казимира короля и его детей помогать по-настоящему, без хитрости. Также и нам, если, Даст Бог, когда начнем отвоевывать свою отчину Великое княжество Киевское, которым владеет Казимир, король Польский, и его дети, а [это — часть] нашего Государства, русских земель — и [тогда] нам тебе весть прислать. И [тогда] тебе нам против Казимира короля и его детей помогать по-настоящему, без хитрости. А [если] будет у нас война с Казимиром королем и с его детьми, а мы не успеем тебе весть прислать, а тебе об этом известно будет, то тебе нам против Казимира короля и его детей помогать по-настоящему, без хитрости. А [если] у тебя будет война с Казимиром королем и с его детьми, и ты не успеешь нам весть прислать, а нам об этом известно будет, — и нам тебе против Казимира короля и его детей помогать по-настоящему, без хитрости. И быть нам с тобой против Казимира короля и его детей вместе до конца жизни. А тебе с нами быть против Казимира короля вместе до конца жизни. А твоим послам и купцам по нашим землям путь свободный, без всяких препятствий. А нашим послам и купцам по твоим землям путь свободный, без всяких препятствий. А о том всем мы, Иоанн, Божьей милостью Государь всея Руси, Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Вятский, и Пермский, и Болгарский и иных, крест целовали тебе, своему брату Максимилиану, королю Римскому, и князю Австрийскому, и князю Бургундскому, и Лургинскому, и Штирии, и Каринтии и иных по настоящей любви. А по этой грамоте нам управлять. К этой утвержденной грамоте и печать нашу мы привесили. А писано в Москве, от сотворения мира в год шесть тысяч девятьсот девяносто восьмой [6998, т. е. 1490 г.], августа 16. (Пер. Л. Н. Смольниковой).

Печатается по изд.: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 3. Политическая мысль в России: X — первая половина XIX в. С. 119–120.

Иосиф Волоцкий (1439/40–1515)

Иосиф Волоцкий — известный церковно-политический деятель. Родился в семье служилых землевладельцев Саниных в селе Язвище удельного княжества Волоцкого. В двадцать лет постригся в монахи Боровского монастыря. В 1477 г. стал игуменом. Но уже в 1479 г. из-за разногласий с Иваном III (Иосиф не поддержал политику централизации, а выступил за сохранение удельной системы) он покинул Боровскую обитель и основал Волоколамский монастырь на реке Ламе, в удельном княжестве Бориса Волоцкого. Все это время И. Волоцкий активно боролся с реформационным движением — так называемой новгородско-московской ересью (презрительно называемой им «ересью жидовствующих»), которое выступало за реформацию церкви и продолжало на Руси идеи гуситов. На церковном соборе 1503 г. Иосиф выступил против Нила Сорского, отрицавшего право монастырей на владение землей с крепостными. В церковной политике образовались партии «иосифлян» и «нестяжателей». В 1507 г. И. Волоцкий перешел вместе с монастырем под юрисдикцию Великого князя московского Василия III, что означало поворот в его политических взглядах к политике централизации и симфонии властей. Симфония властей означала негласный договор между светской и духовной властями, по которому первая обязана охранять права церкви, в том числе имущественные, преследовать ее врагов — еретиков и раскольников, а вторая — укреплять единую царскую власть и одобрять ее действия.

Послание великому князю

Так как, государь, по подобию небесной власти, дал тебе небесный царь скипетр земного царства силы, чтобы ты научил людей правду хранить и отринул от себя бесовские желания. Подобно тому, как кормчий бодрствует всегда, так и царский твой многоочитый ум твердо содержит правило доброго закона, иссушая крепко беззакония потоки, чтобы корабль всемирной жизни, т. е. всеблагото царствия твоего не потопили волны неправды. Отверзи, государь, царские твои уши в нищете страждущему, и тогда обрящешь Божий слух, тебе открытый, и Божиими ныне просветленными зарями богодарственная твоя слава царская в бесконечных веках прославится и заставит забыть обладающих высшим знанием. Подобно тому, как страшное и всевидящее око небесного царя сердца всех людей зрит и мысли их знает, так и царское твое остроумие больше всех имеет силу,

прекрасно управляешь благим своим царством и страшен будешь из-за своего сана и власти царской, и запретишь обращаться ко злу, велишь обращаться только к благочестию. Солнце имеет свое дело: освещать лучами все творение, а царь имеет добродетели, чтобы творить милостыню нищим и обидимым. Светлее же всего того благоверный царь: солнце заходит, когда наступает ночь, царь же не позволяет злу овладеть собою, и светом истинным освещает тайные неправды. Поскольку он силою всех превыше, постолько и дела его подобает освещать. Потому и ты от Бога похвален будешь, и от добросмысленных страславлен, и с венцом непобедимого твоего царствия имея венец, т. е. нищим милость. Риза — это нестановящая ветхой одежда, милостыни — нетленное одеяние, потому хотящий иметь любовь к нищему будет благоверно царствовать, таковыми одеяниями душу украшая, и небесного царства будет сподоблен, благочестивое твое царство милостынями ограждено и молитвами утверждено непобедимо бывает против вражьего оружия.

Подобает же тебе, благочестивый царь, всякое тщание о благочестии иметь и подданных твоих от треволнения спасти, душевно и телесно, телесное же есть треволнение — воровство и разбой, хищение и неправда, и обиды, и прочие злые дела, которые телу вредят, а не душе.

Ты ведь, державный царь, скипетр царствия принявший от Бога, соображай, как угодить давшему тебе власть: ведь не только о себе ответ дашь Господу, но и о других, которые творят зло, ты же слово отдай Богу, а другим — волю. Царь ведь естеством подобен людям, а властью — вышнему Богу. Но если Бог хочет всех спасти, так и царь хочет спасти все подвластное ему, потому что Божью волю сотворив, примешь от Бога вечную радость и воцаришься с Ним во веки радуясь».

Печатается по изд.: Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текстов А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 183–185 / Пер. Ю. К. Бегунова.

Филофей Псковский

(XVI в.)

Филофей родился в сельской местности Псковской земли. Постригся в монахи в Елизаровском монастыре. Будучи иноком много читал, слыл знатоком Священного Писания и истории церкви. Написал более десяти посланий великим князьям Ивану III, Василию III,

великокняжескому дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину, в которых предстал сторонником партии иосифлян, т. е. централизации русского государства, симфонии светской и духовной власти, противником реформ церкви, зарубежного (латинского) влияния на русскую культуру и политическую мысль. Создал консервативную религиозно-политическую теорию «Москва — третий Рим», по которой Московское царство является конечным результатом Божьего промысла, а задачи царя заключаются в сохранении православия, правлении по заповедям прадедов (в том числе византийских императоров), чтобы благополучно привести подданных в Царство Божие.

Послание о неблагоприятных днях и часах государя великого князя¹ дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю — Мунехину

Скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и хранитель святых Божиих престолов святой Вселенской апостольской церкви, возникшей вместо Римской и Константинопольской и существующей в Богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения Пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христоробец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это — Российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать. <...> Водой называют неверие: видишь, избранник Божий, как все христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит. Следует царствующему сохранять это с великою осторожностью и с обращением к Богу. <...>

Печатается по изд.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. / Пер. В. В. Колесова. М., 1986. С. 453.

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584)

Взойдя на царство в 6 лет, Иван IV в 1547 г. первый официально принял титул царя. Он был начитан, много рассуждал о сущности

¹ Имеется в виду великий князь Василий III (1479–1533), который завершил объединение Руси вокруг Москвы, присоединив Псков (1510), Смоленск (1514), Рязань (1521). — *Примеч. автора.*

и значении царской власти. В то же время был нервным, возбудимым человеком и жестким правителем.

Иван IV единолично правил государством, не опираясь на бояр, которым не доверял и часто подвергал опале. Во внутреннем управлении учредил так называемую опричнину.

В его правление (1533–1584) были покорены Казанское (1552), Астраханское (1556) и Сибирское (1582) ханства, установлены торговые отношения с Англией, началось книгопечатание (1563). Но на западных рубежах в Ливонской войне (1558–1582) Иван Грозный успехов не достиг.

Благочестивого великого государя царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича послание во все его великой России государство против крестопреступников, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищами, об их измене

А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! И этого в своей озлобленности не смог ты понять, считая благочестием, чтобы самодержавие подпало под власть известного тебе попа и под ваше злодейское управление. А это по твоему рассуждению «нечестие», когда мы сами обладаем властью, данной нам от бога, и не хотим быть под властью попа и вашего злодейства? <...>

Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать несогласия своих подданных? <...>

Разве же это «супротив разума» — сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он, ради царства, сына своего, им же рожденного, убил! И князь Федор Ростиславич, прародитель ваш, сколько крови пролил в Смоленске во время Пасхи! А ведь они причислены к святым. <...> Ибо все-

гда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым же — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. <...>

Посмотри на все это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны! Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам? Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно! Но одно дело — спасать свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах многих людей; одно дело — отшельничество, иное — монашество, иное — священническая власть, иное — царское правление. Отшельничество подобно агнцу, никому не противящемуся, или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницу; монахи же хотя и отреклись от мира, но, однако, имеют уже обязанности, подчиняются уставам и заповедям, если они не будут всего этого соблюдать, то совместное житие их расстроится; священническая же власть требует строгих запретов словом за вину и зло, допускает славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти позволено действовать страхом и запрещением и обузданием и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей. Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. И разве подобает царю, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это совершенно исключено! Как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священникам это подобает. Уразумей поэтому разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира встретишь многие тяжелые наказания, хотя и не смертную казнь. Насколько суровее должна наказывать злодеев царская власть!

Так же неприемлемо и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными глазами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое. <...>

Печатается по изд.: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 3. Политическая мысль в России: X — первая половина XIX в. С. 224, 226, 227–228.

Никита Михайлович Муравьев (1796–1843)

Никита Михайлович Муравьев, руководитель Северного общества — один из ведущих теоретиков декабризма, автор проекта конституции России.

Н. М. Муравьев родился в Москве в аристократической семье. Поступил в Московский университет, но, не окончив курса, в 1812 г. ушел в армию. Принимал участие в заграничном походе 1813–1814 гг. В 1816 после возвращения из Парижа под влиянием либеральных идей участвовал в организации различных тайных союзов. Будучи одним из руководителей Северного общества, представил на обсуждение его членов проект будущего устройства российского государства, которое должно было, по мысли автора, трансформироваться в конституционную монархию европейского типа, а идея самодержавия — уступить место концепциям народного суверенитета и общественного договора (Ж.-Ж. Руссо), разделения властей (Дж. Локк, Ш. Монтескье), неотчуждаемых прав человека.

Конституция (проект Северного общества)

<...> Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русский заслуживает и то и другое.

Но какой образ правления ему приличен? Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей и не пользуются независимостью.

Народы многочисленные пользуются внешнею независимостью, но обыкновенно страдают от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско препятствуют одним быть свободным; те, которые не имеют сих неудобств, страдают от своего бессилия.

Федеральное или Союзное Правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан.

Под надзором государя одно законодательное собрание находится в столице и делает все распоряжения, общие для всего государства; частные распоряжения, касающиеся до областей, предоставлены областным законодательным собраниям, образованным наподобие столичного, и таким образом доставляется благосостояние целого и частей. <...>

Предполагаемый мною конституционный устав о России вообще

Образ правления ее монархический представительный, одинаковый для всех частей ее

Разделение оной. Основным разделением принимаются уезды, которые соединяются в области, равные нынешним генерал-губернаторствам. Уезды составлены из городов и волостей, которые делятся на сотни и на десятки домов или дворов.

Столица предполагалась в Москве, коей губерния составила бы округ, независимый от областей. Итак, следующие были бы центры управления и правосудия:

Москва, столица и окружной город					
Санкт-Петербург	Областные города	Киев	Областные города	Черкасск	Областные города
Гельсингфорс		Ярославль		Тифлис	
Рига		Воронеж		Тобольск	
Вильна		Саратов		Иркутск	
Смоленск		Казань			
Итого... 15					

Об обязанностях и правах жителей

Все русские подчинены одним и тем же законам без различия состояний, обязаны участвовать в выборах, если соответствуют условиям, требуемых законом, и не отклоняться от должностей, на которые они изберутся. Крепостное состояние отменяется. Помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия, в оных находящиеся, и по две десятины земли на каждый двор, для оседлости их. Земли же они обрабатывают по договорам обоюдным, которые они заключат с владельцами их. Они получают право приобретать землю в потомственное владение.

Все жители, какого бы они состояния не были (если они не порочны перед законом, пользуются здоровьем ума, совершеннолетием и не находятся в услужении при ком-либо), имеющие движимого или недвижимого имущества на 500 серебряных рублей, составляют класс избирателей и присяжных. Гражданские чины и классы отменяются.

За долги всякой отвечает своею личностью и заключается в тюрьму. Служба не освобождает от заключения за долги.

Заключенные за легкие проступки или долги и несовершеннолетние не должны находиться вместе с преступниками: обвиненные с обличенными.

Подушной оклад распространяется на всех жителей. Он платится только с 18 лет возраста и прекращается на 60-м году.

Цели мещанские и гильдии в купечестве отменяются. Книги подвергаются обвинению в обыкновенных судилищах при присяжных.

Об императоре

Лицо императора священо и неприкосновенно. Он не подлежит суждению. Он облечен всею верховной исполнительной властью. Он верховный начальник всей сухопутной и морской силы, назначает и отменяет по своему произволу министров, главнокомандующих армиями и флотами и всех чиновников исполнительной власти, представляет Россию во всех ее сношениях с иностранными державами, назначает посланников и ведет переговоры.

Имеет право созывать по своему произволу обе палаты Народного Веча и отсрочивать их заседания, но не более, как на три месяца. Он предлагает Народному Вечу проекты законов, принуждает его ко вторичному рассмотрению принятого или отвергнутого им предложения. В случае суда он имеет власть созвать Верховную Думу отдельно. Он заключает мирные трактаты с согласия одной Верховной Думы.

Император дает грамоты назначения всем сановникам империи. Его изображение чеканится на монетах. Он пользуется определенным на все его царствование доходом. Женщины не наследуют престола. Министерств полагается четыре: финансовое, иностранных дел, военное и морское.

Министры отвечают за всякое противозаконное веление, ими подписанное.

Законодательная власть вверяется Народному Вечу, составленному из двух палат: Верховной Думы и Палаты Представителей.

Верховная Дума

Члены ее должны быть не моложе 30 лет и владеть движимым или недвижимым имуществом ценою не менее 60 000 серебряных рублей. Они избираются областными палатами на 6 лет, от каждой области по три. Итак, Дума состояла бы из 45 членов. Дума возобновляется каждые два года по третям.

Дума участвует в заключении мирных трактатов, и ей одной министерство иностранных дел сообщает свои окончания. Трактат, на который она согласилась, пребывает непоколебимым. Ей принадлежит суд над министрами и вообще сановниками империи, обвиненными Палатой Представителей, но власть ее судная ограничивается тем, что она имеет только право лишить судимого его политического звания, после чего он уже не подлежит Думе, а поступает в обыкновенные судилища и получает присяжных. Верховная Дума наравне с Палатой Представителей представляет законы и отвергает ей предложенные на рассмотрение, если их не одобряет.

Палата Представителей. Каждые 50 000 жителей мужского пола посылают в оную одного представителя; что составит около 450 членов. Они избираются на 2 года. <...>

О составлении законов. Власть предлагать законы имеют министры и члены обеих палат. Вход в Народное Вече, кроме министров, имеют еще особенно на то определенные чиновники от каждого департамента министерств для доставления сведений и советов членам Веча. Закон принимается или отвергается большинством голосов. Если император не согласится на какой-либо закон, то он возвращает его с своими возражениями в ту палату, в которой возник сей закон. Замечания или вписываются в протокол палаты без сокращений, или возобновляется прение. Имена всех членов, противящихся или согласившихся на сей закон, записываются в журнал, и 2/3 голосов необходимы для решения сего прения. После того предложенный закон поступает в другую палату, где подлежит такому же испытанию. Если же проект при вторичном рассмотрении оного принят двумя третями голосов всего Веча, то он становится законом. Объявление войны по предложению министров принадлежит Вечу. Вече не имеет права ни уничтожить сего устава, ни даже делать в оном изменений. Право сие принадлежит народному и областным соборам, на сей единственно предмет собираемым.

Судная власть

Пределы ее. Никакой судья и никакое судилище не имеет права толковать закон, ни решить случаи им непредвиденные, одним словом, не может присвоить себе законодательной власти. Исполнительная власть, надзирательная или полицейская, хозяйственная или административная совершенно отделены также от судной. Равным образом судилище или судья не должен никого обвинять, но действует только вследствие жалобы или обвинения. Всякое судилище или судья, преступивший эти пределы, подвергается взысканию. С другой

стороны, устав сей не признавал так называемого полицейского суда за малые проступки и предоставлял полиции, уездным, городовым и волостным отправлениям только право задерживать виновных и предавать их суду, от которого уже зависели также и исправительные наказания. Каждая область составляла в судебном отношении отдельное целое, подразделенное на присуды, равные нынешним губерниям. <...>

Местное управление

Областное управление. Для каждой области избирается Народный Вечем из числа кандидатов, представленных областными палатами, правитель областной на четыре года. Правитель должен быть из числа владельцев в той области и иметь имения ценою не менее 60 000 серебряных рублей — не моложе 30 лет. При нем назначается наместник, который должен отвечать тем же условиям и заменяет его в случае кратковременного отсутствия, не вступая однако в права его. В случае же смерти правителя он заменяет его совершенно.

При правителе находится совет, который не должен иметь менее 5 и более 9 членов. <...>

Областные палаты

В каждой области должны находиться две палаты, Областная Дума и Палата Выборных.

Палата Выборных состоит из депутатов, выбранных обыкновенными избирателями, на каждые 10 000 душ мужского пола по одному выборному.

Областная Дума в населенных областях должна быть не более трети Палаты Выборных, а в малонаселенных — не более половины. <...>

Печатается по изд.: Мир политической мысли. Хрестоматия по политологии. СПб., 2001. Часть IV. Русская политическая мысль. Книга 5. XIX в. С. 77, 81–86.

Михаил Михайлович Сперанский

(1772–1839)

Михаил Михайлович Сперанский — русский правовед и государственный деятель. Родился в семье сельского священника Владимирской губернии. Окончил Невскую семинарию (Петербург, 1792 г.), высшее образование получил в немецких университетах. Наибольшее влияние на становление мировоззрения Сперанского оказали по-

литические концепции Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, В. Гумбольдта. При Александре I Сперанский стал одним из авторов либеральных реформ. Но в реформах его более интересовали не права и свободы отдельных индивидов, а возможности совмещения личных и общественных интересов, единения общества и государства, организации образования не только элиты, но и просвещения всего народа.

В период работы так называемого негласного комитета (1801–1804), созданного для подготовки реформ, Сперанский в ряде статей и записок предложил конкретные меры реформы местного права, демократизации государственного управления с разделением ветвей власти. Эти меры включили уравнивание сословий перед законом, пассивное и активное избирательное право, создание частично избираемого Государственного Совета, освобождение крестьян без земли, но с последующим ее выкупом, создание законодательной двухпалатной Государственной Думы, исполнительного Министерства и судебного органа — Сената. Реформаторские новации Сперанского были реализованы лишь в небольшой их части.

Введение к Уложению государственных законов

[О разуме законов в правах подданных]

Народ российский разделяется ныне на три класса. Первый класс, дворянство, представляет остаток тех древних феодальных установлений, в которых державная власть, т. е. соединение прав политических и гражданских, разделялась между известными родами. Впоследствии времени политические права от них отторгнуты, но гражданские остались неприкосновенны, и роды наследственно делят их с державной властью. Второй класс, купечество, мещанство и прочее, основался переходом и постепенным освобождением из третьего.

Третий класс, крепостные люди, вначале имели некоторую степень гражданских прав. Они могли иметь собственность и права перехода с одних земель на другие. <...>

<...> Гражданская свобода имеет два главных вида. Существо первой состоит в следующих двух положениях:

1. Без суда никто не может быть наказан.
2. Никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого. (Первое из этих положений дает крепостным людям право суда и... ставит их наравне со всеми перед законом. Второе положение объемлет право отдавать в службу без очереди. На этих двух основаниях утверждается личная свобода.

Существо свободы второго рода, т. е. вещественной, основано на следующих положениях.

1. Всякий может располагать своей собственностью по произволу, сообразно общему закону; без суда никто собственности лишен быть не может.
2. Никто не обязан ни отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, как по закону или по условию, а не по произволу другого <...>.

Из этого обозрения прав гражданских и политических открывается, что все они в рассуждении принадлежности их на три класса могут быть разделены.

1. Права гражданские общие, всем подданным принадлежащие.
2. Права гражданские частные, что должны принадлежать тем только, кто образом жизни и воспитания к ним будут приготовлены.
3. Права политические принадлежат тем, кто имеет собственность. Из этого происходит следующее разделение состояний: 1) дворянство; 2) люди среднего состояния; 3) народ рабочий. <...>

Государственный совет. Основание коренных законов, определяющих совет.

Коренные государственные законы определяют состав совета, существо и главные формы его действия.

Особенные учреждения определяют подробно предметы его и образ производства дел.

I. В порядке государственных установлений совет представляет сословие, в коем все действия порядка законодательного, судного, исполнительного в главных отношениях соединяются и через него восходят к державной власти и от нее изливаются.

II. Посему все законы, уставы и учреждения в первых их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению в порядке законодательном, судном, исполнительном.

III. Никакой Закон, устав, учреждение не исходит из совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти <...>. Все постановления, выходящие из совета, по высочайшем их утверждении к исполнению, имеют следующую форму:

I. Уставы и учреждения и их дополнения имеют форму манифестов, во вступлении которых означается:

Внять мнению Государственного совета повелеваем или учреждаем и проч...

II. Изъяснения уставов и учреждений, не постановляющие ничего нового, но определяющие точный разум прежних, имеют вид догматов, коих утверждения имеет форму <...>.

Печатается по изд.: Мир политической мысли. Хрестоматия по политологии. СПб., 2001. Часть IV. Русская политическая мысль. Книга 5. XIX в. С. 19, 20, 21, 22.

Сергей Семенович Уваров (1786–1855)

Граф Сергей Семенович Уваров — консервативный государственный деятель, получивший известность как автор формулы «православие, самодержавие, народность», ставшей основой официальной идеологии Российской империи, по крайней мере в царствование Николая I (1825–1854).

В 1818–1855 гг. граф Уваров был президентом Петербургской академии наук и всячески содействовал развитию российской науки, отделяя ее в то же время от науки европейской.

В 1833–1849 гг. на посту министра народного образования действовал в духе своей формулы, укрепляя православие (уроки Закона Божия в школах), самодержавие (борьба с либеральными, европейскими идеями государственного устройства), и народность (отделение русского народа как «народа-богоносца» от европейских народов, от передовых, прогрессивных идей и приобщение его верхних слоев, интеллигенции к «нашему народному быту»).

Журнал министерства народного просвещения (1834, январь)

2. *Министерские распоряжения (с 21 марта по 1 сентября 1833 г.)*

<...> Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с ВЫСОЧАЙШИМ намерением АВГУСТЕЙШЕГО МОНАРХА, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности. Я уверен, что из гг. Профессоров и Наставников, проникнутый будучи одним и тем же чувством преданности Трону и Отечеству, употребит все силы, дабы сделаться достойным орудием Правительства и заслужить полную доверенность оною; уверен также, что каждый потщится подвинуть преподавание своей Науки до желаемого совершенства, посвящая и постоянные труды, и неусыпное прилежание на образование предстоящего юно-

шества. С моей стороны, обращая непрерывно наблюдение на состав и ход Университета, я с особенным удовольствием буду принимать участие столько же в мерах общего устройства, сколько и в отдельных усилиях каждого из Членов оною. <...>

Печатается по изд.: Журнал министерства народного просвещения. Январь, 1834. СПб. С. XLIX.

Десятилетие министерства народного просвещения, 1833–1843
Заключение

<...> Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее, как на залог счастья общественного и семейного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных Вашего Величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и прославлены на разных степенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношениях к правительству. Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице Русского царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности

в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, применяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий, если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию.

Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа. Просвещение настоящего и будущего поколений в соединенном духе этих трех начал составляет бесспорно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени... <...>

Печатается по изд.: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. 1825–1856. СПб., 1909. С. 139–140.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ ИНДУСТРИАЛИЗМА

Эпоха Нового времени началась в Европе с открытия Колумбом Америки (1492), перемещения торговых путей сначала в Атлантику, а затем — вокруг Африки (Васко да Гама, 1497–1499), освоения европейцами Америки, Африки, Юго-Восточной Азии, Австралии. Бурный рост науки, промышленности, торговли, кораблестроения оказали существенное влияние на изменение социальных отношений. Ученые-гуманитарии в это время выдвинули идеи естественного права и вытекающих из него прав и свобод человека, народного суверенитета и общественного договора между властью и народом, разделения властей с целью предотвратить деспотическое правление и установить демократию.

В эпоху индустриализма, начавшуюся с первой промышленной революции (60-е гг. XVIII в. — 10–20-е гг. XIX в. в Великобритании, затем — в США, Франции, Германии), заключавшейся в переходе от мануфактурного производства к машинному, эти идеи и теории развиваются, закрепляются в конституциях, правовых актах, становятся нормами жизни народов индустриальных стран.

В России Новое время начинается с царствования Петра Великого и его реформ, т. е. фактически с начала XVIII в. Эпоха индустриализма, т. е. промышленный переворот, — с первой половины XIX в.

Жан Боден

(1530–1596)

Жан Боден — французский правовед, политический мыслитель и историк.

Прежде чем заняться научными изысканиями, прошел нелегкий жизненный путь. Родился и получил юридическое образование в провинции (г. Тулуза), где и стал профессором права. Затем переехал в столицу, где занимался адвокатской практикой. Служил королевским прокурором в Лионе, избирался депутатом от третьего сословия в Блуа.

Боден был сторонником так называемой партии политиков, которая выступала против крайностей и радикализма, за умеренность

и терпимость в отношениях католиков и гугенотов, королевской власти и аристократов — фрондеров, выступавших за децентрализацию власти.

В своих сочинениях, в том числе в главном — «Шесть книг о государстве», Боден проявил себя сторонником сильного централизованного государства, абсолютной монархии, способной поддерживать законный порядок, уберечь общество от распри и религиозного фанатизма, систематических претензий феодалов.

Именно для этих целей Боден обосновывает концепцию суверенитета — неограниченной, постоянной, единоличной власти, имеющей пять прерогатив (издание законов, решение вопросов войны и мира, назначение должностных лиц, осуществление суда и помилование), но в соответствии с теорией естественного права не вмешивающейся в дела семьи, соблюдающей веротерпимость и взимающей подати только с согласия подданных.

Суверенитетом обладает народ, и он передает его монарху. Так образуется наилучшая форма государства — абсолютная (суверенная) монархия, в которой суверенитет принадлежит монарху, а управление носит аристократический и демократический характер.

Шесть книг о государстве

Государство есть осуществление суверенной властью справедливого управления многими семьями и тем, что находится в их общем владении.

Всякое государство либо происходит от семьи, которая постепенно размножается, либо сразу учреждается посредством собирания народа воедино, либо образуется из колонии, происшедшей от другого государства подобно новому пчелиному рою, или подобно ветви, отделенной от дерева и посаженной в почву, ветви, которая, пустив корни, более способна плодоносить, чем саженец, выросший из семени. Но и те и другие государства учреждаются по принуждению сильнейших или же в результате согласия одних людей добровольно передать в подчинение других людей всю свою свободу целиком, с тем чтобы эти последние ею распоряжались, опираясь на суверенную власть либо без всяких законов, либо на основе определенных законов и на определенных условиях. Государство должно обладать достаточной территорией и местностью, пригодной для жителей, достаточно обильным плодородием страны, множеством скота для пропитания и одежды подданных, а чтобы сохранять их здоровье — мягкостью климата, температуры воздуха, доброкачественной водой, а для

защиты народа и пристанища для него — материалами, пригодными для строительства домов и крепостей, если местность сама по себе не является достаточно укрытой и естественно приспособленной к защите. Это первые вещи, которым больше всего уделяется забот во всяком государстве. А уж затем ищут удобств, как лекарства, металлы, краски. <...> А поскольку желания людей чаще всего ненасытны, они хотят иметь в изобилии не только вещи полезные и необходимые, но и приятные, бесполезные вещи. <...> Так как мудрый человек есть мера справедливости и истины и так как люди, почитаемые мудрейшими, согласны между собой в том, что высшее благо частного лица то же, что высшее благо государства, и не делают никакого различия между добродетельным человеком и хорошим гражданином, то мы так и определим истинную вершину благоденствия и главную цель, к которой должно быть направлено справедливое управление государством.

Народ или властители государства могут без каких-либо условий отдать суверенную и вечную власть какому-нибудь лицу, с тем чтобы он по своему усмотрению распоряжался имуществом [государства], лицами и всем государством, а затем передал все это кому захочет совершенно так же, как собственник может без всяких условий отдать свое имущество единственно лишь по причине своей щедрости, что представляет собой подлинный дар, который не обставлен никакими условиями, будучи однажды совершен и завершен, принимая во внимание, что все прочие дары, сопряженные с обязательствами и условиями, не являются истинными дарами. Так и суверенитет, данный государю на каких-то условиях и налагающий на него какие-то обязательства, не является собственно ни суверенитетом, ни абсолютной властью, если только то и другое при установлении власти государя не происходит от закона Бога или природы. Что касается законов Божеских и естественных, то им подчинены все государи земли, и не в их власти нарушать эти законы, если они не хотят оказаться повинными в оскорблении божественного величества, объявив войну Богу, перед величием Которого все монархи мира должны быть рабами и склонять голову в страхе и почтении. Следовательно, абсолютная власть государей и суверенных властителей никоим образом не распространяется на законы Бога и природы. Если мы скажем, что абсолютной властью обладает тот, кто не подчиняется законам, то на всем свете не найдется суверенного государя, так как все государи на земле подчинены законам Бога и природы и многим человеческим законам, общим всем народам. <...> Однако необходимо, чтобы суве-

рены не подчинялись повелениям других людей и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершать тот, кто подчинен законам и людям, которые имеют право ему повелевать. Не следует удивляться тому, что существует так мало добродетельных государей. Ведь поскольку добродетельных людей вообще мало, а из этого небольшого числа добродетельных лиц государи обычно не избираются, то если среди множества государей находится один в высшей степени хороший человек, это великое диво. А когда он оказывается вознесенным так высоко, что, кроме Бога, не видит ничего более великого, чем он сам, когда его со всех сторон осаждают все соблазны, ведущие к падению самых стойких, и он все же сохраняет свою добродетель, это чудо.

Каким бы способом ни были разделены земли, не может быть сделано так, чтобы все имущество, вплоть до женщин и детей, стало общим, как хотел в своем первом проекте государства сделать Платон с целью изгнать из своего города слова «твое» и «мое», которые, по его мнению, являются причиной всех зол, происходящих в государствах, и гибели последних. Но он не учел, что, если бы этот его проект был осуществлен, был бы утрачен единственный признак государства: если нет ничего, принадлежащего каждому, то нет и ничего, принадлежащего всем; если нет ничего частного, то нет и ничего общего. <...> Насколько же было бы такое устройство государства прямо направлено против закона Бога и природы, против закона, которому ненавистны не только кровосмешение, прелюбодеяние, отцеубийство, неизбежные при общности жен, но и всякая попытка похитить что-либо, принадлежащее другим, и даже зариться на чужое добро, откуда явствует с очевидностью, что государства устроены Богом также и для того, чтобы предоставить государству то, что является общественным, а каждому — то, что является его собственностью. Кроме того, подобная общность всего имущества невозможна и несовместима с семейным правом. Ведь если семья и город, собственное и общее, частное и общественное смешиваются, то нет ни государства, ни семьи. Достаточно известно, что общее достояние всех не может вызывать чувства привязанности и что общность влечет за собой ненависть и раздоры. <...> Еще больше обманываются те, кто полагает, что благодаря общим делам и общности имущества им будет уделяться больше забот. Ведь обычно наблюдается, что каждый пренебрегает общими делами, если из них нельзя извлечь выгоды лично для себя.

Если случится, что суверенный государь, вместо того чтобы играть роль высшего судьи, создаст себе партию, он будет лишь главой партии. Он подвергнется опасности потерять жизнь также и тогда, когда причина мятежей коренится не в государстве, как это происходит вот уже пятьдесят лет во всей Европе, где войны ведутся из-за вопросов религии. Несомненно, что государь, проявляющий благосклонность к одной секте и презирающий другую, уничтожит последнюю без применения силы, принуждения или какого бы то ни было насилия, если только Бог ее не сохранит. Ибо дух решительных людей становится тем упорнее, чем больше с ним борются, а не встречая сопротивления, уступает. Кроме того, нет ничего более опасного для государя, чем попытка пустить в ход против своих подданных силу, когда нет уверенности в том, что это приведет к цели. Я здесь не говорю о том, какая религия наилучшая (хотя существует лишь одна религия, одна истина, один Божественный закон, оглашенный устами Бога), но если государь, обладающий определенной уверенностью в том, какая религия истинна, хочет привлечь на сторону этой религии своих подданных, разделенных на секты и партии, то, по моему мнению, не нужно, чтобы он для этого применял силу, ибо, чем больше подвергается насилию воля людей, тем более она неуступчива. <...> Поступая так, государь не только избегнет народных волнений, смут и гражданских войн, но и откроет путь к вратам спасения заблудшим подданным.

Печатается по изд.: Антология мировой философии: В 4 т. М., 1970. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. С. 141–147.

Гуго Гроций (1583–1645)

Гуго Гроций — нидерландский правовед, мыслитель и политик. Родился в семье бургомистра г. Дельфта. Получил юридическое образование. В 15 лет (1598) был назначен членом посольства во Францию, а в 18 (1601) — официальным историографом Нидерландов. В ходе гражданской войны между католиками и протестантами был арестован и приговорен к пожизненному заключению (1619). Бежал во Францию, где и занялся политико-правовыми исследованиями.

Главный труд знаменитого голландца «О праве войны и мира» преимущественно посвящен проблемам международного права. Но

политологов в нем более интересует теория естественного права, на которой базируется, в первую очередь, гражданское право.

О праве войны и мира

Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права

...Мать естественного права есть сама природа человека, которая побуждала бы его стремиться ко взаимному общению, даже если бы мы не нуждались ни в чем; матерью же внутригосударственного права является самое обязательство, принятое по взаимному соглашению; а так как последнее получает свою силу от естественного права, то природа может слыть как бы прародительницей внутригосударственного права. <...>

Однако, чтобы уже более не возвращаться к сказанному, согласимся, что право существует не ради одной только пользы; нет столь могущественного государства, которое порою не испытывало бы нужды в содействии извне, со стороны других государств, как в области торговли, так и для отражения соединенных сил многих чужеземных народов; оттого мы видим, как даже самые могущественные народы и государи ищут заключения союзных договоров, которые лишены какой-либо силы, по мнению тех, кто ограничивает справедливость пределами каждого государства. Оттого-то, в самом деле, верно, что нельзя рассчитывать ровно ни на что, если только отклониться от права.

Если же нет такого общественного союза, который мог бы сохраняться в безопасности без права — что Аристотель доказывал ярким примером шайки разбойников, — то не подлежит сомнению, что и тот союз, в который объединяется род человеческий или же несколько народов, нуждается в праве; это было ясно тому, кто сказал, что не следует совершать бесчестные поступки даже ради блага отечества. Аристотель сурово порицает тех [18], которые не терпят над собой никакой власти, кроме законной, и между тем нисколько не заботятся о том, правы они или нет в своих внешних сношениях с чужеземцами.

Даже сам Помпей — чье противоположное нашему суждение мы уже приводили, — прочтя слова спартанского царя, утверждавшего, что наиболее благополучно то государство, границы которого образуют его копыя и мечи, внес поправку, заметив, что то государство поистине счастливо, границы которого составляет справедливость. <...>

...Цари, каковые отвечают требованию мудрости, соблюдают интерес не только вверенных их попечению народов, но и всего человеческого рода; они, по его словам, — не только друзья македонян или римлян, но и друзья человечества. Ничто не сделало имя Миноса столь ненавистным для потомства, как именно то обстоятельство, что для него справедливость ограничивалась пределами его собственно царства.

Невозможно не только согласиться с измышлением некоторых, будто во время войны прекращаются все права, но и даже не следует ни начинать войну, ни продолжать начатую войну иначе, как соблюдая границы права и добросовестности.

Правильно говорит Демосфен, что война ведется против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке. Ибо ведь судебные формы действительны против тех, кто мнит себя слабее; против равносильных же или мнящих себя таковыми ведутся войны; но, разумеется, для того, чтобы война была справедлива, необходимо не менее тщательно следовать велениям совести, чем это обычно имеет место в судах.

Итак, пусть же умолкнут законы на время военных действий, но только лишь законы внутригосударственные, а именно судебные, свойственные мирному времени, но не вечные и свойственные всяким временам. <...>

Так как по приведенным основаниям я с давних пор был непоколебимо убежден в существовании в международных сношениях некоего общего права, сохраняющего силу для войны и во время войны, то многие и немаловажные причины побуждали меня предпринять настоящий труд. <...>

Наилучшее деление права в принятом значении предложено Аристотелем, согласно которому, с одной стороны, есть право естественное, а с другой — право волеустановленное, которое он называет законным правом, употребляя слово «закон» в более тесном смысле. Иногда же он называет его установленным правом. <...>

Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; а следовательно, такое действие или воспрещено, или же предписано самим богом, создателем природы. <...>

...Такое право отличается не только от человеческого права, но и от права, установленного божественной волею, так как последнее

предписывает или воспрещает не то, что само по себе и по самой своей природе есть должное или же недолжное, но то, что недозволено лишь в силу воспрещения и что вменено в обязанность в силу предписания. <...>

Естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом. Хотя божественное всемогущество и безмерно, тем не менее можно назвать и нечто такое, на что оно не распространяется, поскольку то, что об этом говорится, только произносится, но лишено смысла, выражающего реальный предмет, ибо само себе противоречит. Действительно, подобно тому как Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро. <...>

Другой вид права мы назвали волеустановленным, потому что оно имеет своим источником волю. Такое право бывает или человеческое, или божественное.

Начнем с права человеческого, потому что оно известно большему числу людей. Оно, в свою очередь, бывает или правом внутригосударственным, или же правом человеческим в более широком и в более узком смысле по сравнению с внутригосударственным. Право внутригосударственное есть то, которое исходит от гражданской власти. Власть гражданская господствует в государстве. Государство же есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы.

Право человеческое в более узком смысле, которое не исходит от гражданской власти, хотя и подчинено ей, бывает различного характера; оно охватывает веление отца и господина и другие, им подобные. Право же в более широком смысле есть право народов, а именно — то, которое получает обязательную силу волею всех народов или многих из них. <...>

Итак... если государи состоят в подчинении у народа — либо с самого начала получившие власть от него, либо ставшие к нему в подчинение впоследствии... — то в случае нарушения ими закона или совершения ими преступления против закона или государства им не только возможно противиться силой, но при необходимости и наказывать смертью... <...>

...Если верховная власть разделена частью между царем, частью между народом или сенатом и царь вмешивается в часть, ему не предоставленную, то ему можно законно воспротивиться силой, так как власть его не распространяется до таких пределов. То же самое, как я полагаю, будет иметь место даже в случае, если предусмотре-

но, что военная власть должна принадлежать государю. Это относится к войне внешней <...>.

Во-первых, если имеет место захват власти путем неправомерной войны с нарушением всех требований права народов и за этим не следует какое-либо соглашение или не будут даны какие-либо гарантии и власть удерживается исключительно силой, то против захватившего власть остается в силе право войны и оттого по отношению к нему дозволено все, что разрешено по отношению к врагу, которого вправе убить даже любое частное лицо. <...>

В случае нападения на людей открытой силой при невозможности избежать иначе опасности для жизни дозволена война, влекущая даже убийство нападающего... как мы уже сказали раньше, доказывая как нечто несомненное, что частная война порою может быть справедлива. Следует заметить, что это право самозащиты возникает само собой и первоначально по внушению каждому, которое исходит от его собственной природы, а не вследствие правонарушения или преступления другого как источника опасности. <...>

[Право собственности]

Имущество же одно принадлежит нам сообща, другое — в отдельности каждому. Начнем с имущества, принадлежащего людям сообща. Это право простирается или непосредственно на телесную вещь, или же на некоторые действия. <...>

[Право пользования в случае нужды]

...что в состоянии крайней необходимости возрождается первоначальное право пользования вещами, как если бы они оставались в общем владении; потому во всех человеческих законах, а оттого и в законе о собственности существует изъятие для такой крайней необходимости.

Отсюда же вытекает и то правило, что если во время плавания на корабле окажется недостаток в средствах питания, то каждый должен предоставить в общее пользование все, что он имеет. <...>

[Право передвижения по земле и рекам]

Точно так же, если земли, реки или какая-нибудь часть моря поступят в собственность какого-либо народа, они должны быть доступны для тех, кто имеет надобность пройти по ним с благими намерениями; так, например, для тех, кто, будучи изгнан из своих пределов, ищет свободных земель, или же для тех, кто стремится завязать торговые сношения с отдаленным народом, или даже для тех, кто домогается своего путем справедливой войны. <...>

[Право временного пребывания]

Проезжающим и проходящим должно быть также разрешено останавливаться на некоторое время для поправки здоровья или по какой-нибудь иной уважительной причине; ибо и это относится к числу безопасных удобств. <...>

[Право лиц, изгнанных из места своего постоянного жительства, проживать под властью любого государства]

Но и в длительном водворении изгнанным из места их постоянного пребывания и ищущим убежища иностранцам не должно быть отказано, раз они готовы подчиниться установленной власти и всем прочим условиям, необходимым для предотвращения возмущений.

[Право занятия пустопорожних мест, и как это следует понимать]

Если же посреди территории, занятой народом, имеется пустынная и бесплодная почва, то ее следует уступить пришельцам по их просьбе. Они даже могут ею просто овладеть, потому что нельзя считать занятым то место, которое не обрабатывается, это не касается власти над ним, которая остается неприкосновенной у прежнего народа. <...>

[Право на совершение действий, необходимых для приобретения средств существования]

За правом общего пользования на вещи следует такое же общее право на действия. Это или признается непосредственно, или вытекает из общего предположения. Непосредственно подобное право признается в отношении таких действий, которыми можно доставить вещи, без коих невозможна благоустроенная жизнь. Однако такого рода необходимость нельзя приравнять к необходимости воспользоваться чужой вещью, потому что здесь дело идет не о чем-нибудь противном воле хозяина, но исключительно о способе приобретения с согласия последнего, лишь бы только этому не препятствовал закон или тайный сговор.

Печатается по изд.: Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 48, 49–50, 51, 71, 74, 171, 172, 173.

Бенедикт Спиноза (1632–1677)

Бенедикт (Барух) Спиноза — выдающийся нидерландский философ и политический мыслитель. Родился в семье зажиточного еврей-

ского купца. После смерти отца вел его дело, но все время стремился к получению образования и к научной деятельности. В конце концов порвал со своей общиной и принял протестантизм (поэтому и сменил имя на латинское — Бенедикт).

Наставником в науке молодого Спинозы стал Ван дер Эстен, прививший ему демократический и республиканский образ мышления. Свои философские и политические взгляды Спиноза изложил в «Богословско-политическом трактате» (1670), «Этике» (1675) и «Политическом трактате», закончить который ему помешала смерть.

Спиноза считается первым политологом, теоретически доказавшим в Новое время возможность построения демократической республики.

Богословско-политический трактат

Глава XVI. Об основах государства, о естественном и гражданском праве каждого и о праве верховной власти

До сих пор мы старались отделить философию от богословия и показать свободу философствования, которую оно предоставляет каждому. Поэтому пора исследовать, до какого предела простирается в наилучшем государстве эта свобода мыслить и говорить то, что каждый мыслит. Чтобы по порядку рассмотреть это, должно подвергнуть обсуждению основы государства, притом сначала естественное право каждого, не обращая пока внимания на государство и религию.

Под правом и установлением природы я разумею не что иное, как правила природы каждого индивидуума, сообразно с которыми мы мыслим каждого человека естественно определенным к существованию и деятельности определенного рода. Например, рыбы определены природою к плаванию, большие — к пожиранию меньших; стало быть, рыбы по высшему естественному праву владеют водою, и притом большие пожирают меньших. Ибо известно, что природа, рассматриваемая абсолютно, имеет верховное право на все, что в ее власти, т. е. право природы простирается так далеко, как далеко простирается ее мощь. Ведь мощь природы есть сама мощь Бога, Который имеет верховное право на все. Но так как всеобщая мощь всей природы есть не что иное, как мощь всех индивидуумов, вместе взятых, то отсюда следует, что каждый индивидуум имеет верховное право на все, что он может, или что право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определенная ему мощь. И так как высший закон природы состоит в том, что каждая вещь стремится, поскольку

от нее зависит, оставаться в своем состоянии, и притом не считаясь ни с чем другим, а только с собой, то отсюда следует, что каждый индивидуум имеет верховное право на это, т. е. (как я сказал) на то, чтобы существовать и действовать сообразно с тем, как он к тому естественно был определен. <...>

...Что люди для того, чтобы жить в безопасности и наилучшим образом, необходимо должны были войти в соглашение и потому сделали так, что они коллективно обладают правом, которое каждый от природы имел на все, и что оно больше не определяется на основании силы и желания каждого, но на основании мощи и воли всех вместе. Однако они напрасно проделали бы это, если бы они хотели следовать только тому, что подсказывает желание (ведь по законам желания все стремятся в разные стороны); стало быть, они должны были весьма твердо постановить и договориться направлять все только по указанию разума (которому никто не смеет открыто противоречить, чтобы не показаться безумным) и обуздывать желание, поскольку оно советует что-нибудь во вред другому, и никому не делать того, чего не желаешь себе, и, наконец, защищать право другого, как свое. Посмотрим теперь, каким же образом должен быть совершен этот договор, чтобы быть основательным, прочным. <...>

...Всякий договор может иметь силу только по отношению к пользе, по устранении которой договор сразу прекращается и остается недействительным; и что поэтому глупо требовать себе от другого верности навек, если в то же время не стараться сделать так, чтобы от нарушения заключаемого договора не последовало для нарушителя более вреда, нежели пользы; это, конечно, больше всего должно иметь место при установлении государства. <...>

Итак, этим способом общество может быть создано без всякого противоречия с естественным правом, а всякий договор может быть соблюдаем всегда с величайшею верностью, если, конечно, каждый перенесет на общество всю мощь, какую он имеет; оно, стало быть, одно будет иметь высшее естественное право на все, т. е. высшее господство, которому каждый будет обязан повиноваться или добровольно, или под страхом высшего наказания. Но право такого общества называется демократиею, которая поэтому определяется как всеобщее собрание людей, сообща имеющее верховное право на все, что оно может. <...>

...Очень редко может случиться, чтобы верховная власть приказывала величайшую нелепость; для нее ведь чрезвычайно важно заботиться об общем благе и все направлять по указанию разума, что-

бы обеспечить себя и удержать господство. «Ведь насильственного господства, — как говорит Сенека, — никто долго не выдерживал». К тому же в демократическом государстве менее должно бояться нелепостей. Ибо почти невозможно, чтобы большинство собрания, если оно велико, сошлось на одной нелепости; далее, ведь его основание и цель, как мы также показали, состоят не в чем ином, как в избежании нелепостей желания и в удержании людей, насколько возможно это сделать, в границах разума, дабы они жили согласно и миролюбиво, и если уничтожить это основание, тогда и все здание легко рухнет. <...>

Но, может быть, кто-нибудь подумает, что мы таким образом превращаем подданных в рабов, потому что думают, будто раб есть тот, кто действует по приказанию, а свободный — тот, кто проявляет своеволие; это, конечно, абсолютно неверно, ибо в действительности кто таким образом обуревается своей прихотью и не может ни видеть, ни сделать ничего, что ему полезно, тот есть раб в высшей степени, и только тот свободен, кто, не кривя душой, живет, руководствуясь одним разумом. Конечно, действие по приказанию, т. е. повиновение, некоторым образом уничтожает свободу, но не это делает рабом, а основание действия. Если цель действия есть польза не самого действующего, но повелевающего, тогда действующий есть раб и бесполезен себе. Но в республике и империи, где высший закон есть благо всего народа, а не повелителя, тот, кто во всем повинуется верховной власти, должен быть назван не бесполезным для себя рабом, но подданным, а потому то государство наиболее свободно, законы которого основаны на здоровом рассудке <...>

...Мы признаем большое различие между рабом, сыном и подданным. Они поэтому определяются так: раб есть тот, кто обязан подчиняться приказаниям господина, имеющим в виду пользу только повелевающего; сын же — тот, кто делает то, что ему полезно, по приказанию родителя; наконец, подданный — тот, кто делает по приказанию верховной власти то, что полезно обществу, а следовательно, и ему. И я думаю, что этим я довольно ясно показал основания демократического государства; я предпочел говорить о нем более, чем о всех других, потому, что, казалось, оно наиболее естественно и наиболее приближается к свободе, которую природа предоставляет каждому, ибо в нем каждый переносит свое естественное право не на другого, лишив себя на будущее права голоса, но на большую часть всего общества, единицу которого он составляет. И на этом основании все пребывают равными, как прежде — в естественном состоянии. Потом я,

решив говорить о пользе свободы в государстве, захотел говорить специально только об этой форме правления потому, что она больше всего содействует моему намерению. <...>

Печатается по изд.: *Спиноза Б.* Трактаты. М., 1998. С. 185, 187, 188, 189, 190, 191.

Томас Гоббс (1588–1679)

Выдающийся английский философ и политический мыслитель. Родился в семье приходского священника. Благодаря недюжинным способностям в пятнадцать лет поступил в Оксфордский университет, который окончил в 1608 г. Был гувернером в семье влиятельного в обществе барона Кавендиша.

Мировоззрение Гоббса формировалось в обстановке напряженной политической борьбы как внутри страны (это были предреволюционные годы правления Якова I (1603–1625) и период революции 1640–1660 гг.), так и на международной арене (борьба с Испанией, создание колониальной империи). Отсюда твердая убежденность Гоббса в необходимости строго централизованной власти, его монархически-абсолютистские воззрения на государство. В религиозно-политическом и общественном смысле Гоббс был сторонником пуританизма — оппозиционного официальной англиканской церкви течения. В то же время он резко выступал против максималистских устремлений радикально настроенных индепендентов, выступавших против любой общегосударственной религии за полную свободу совести.

Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского

Введение

<...> Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (Commonwealth, or State), по-латыни — *Civitas*, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти — искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член

прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, *salus populi*, безопасность народа — его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум (*reason*) и воля; гражданский мир — здоровье, смута — болезнь, и гражданская война — смерть. Наконец, договоры и соглашения, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то «*fiat*», или «сотворим человека», которое было произнесено Богом при акте творения.

Глава XIII. О естественном состоянии человеческого рода в его отношении к счастью и бедствиям людей

Люди равны от природы. Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом. <...>

<...> Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы.

Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения, непосредственно ли по их адресу или по адресу их родни, друзей, их народа, сословия или имени.

При отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех. Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех. Ибо война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля

к борьбе путем сражения. Вот почему время должно быть включено в понятие войны. <...>

Неудобство подобной войны. Вот почему все, что характерно для времени войны, когда каждый является врагом каждого, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность. В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна. <...>

В подобной войне ничто не может быть несправедливым. Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости. Сила и коварство являются на войне двумя основными добродетелями. <...>

Глава XIV. О первом и втором естественных законах и о договорах

Что такое естественное право (*right of nature*). Естественное право, называемое обычно писателями *jus natura*, 1-е, есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого.

В естественном состоянии каждый человек имеет право на все. Так как состояние человека (как было указано в предыдущей главе) есть состояние войны всех против всех, когда каждый управляется своим собственным разумом и нет ничего, чего он не мог бы использовать в качестве средства для спасения от врагов, то отсюда следует, что в таком состоянии каждый человек имеет право на все, даже на жизнь всякого другого человека. Поэтому до тех пор, пока сохраняется право всех на все, ни один человек (как бы силен или мудр он ни был) не может быть уверен в том, что сможет прожить все то время, которое природа обычно предоставляет человеческой жизни. Следовательно, предписание, или общее правило разума гласит, что всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достиг-

нуть его; если же он не может его достигнуть, то он может использовать любые средства, дающие преимущество на войне.

Основной естественный закон. Первая часть этого правила содержит первый и основной естественный закон, гласящий, что следует искать мира и следовать ему. Вторая часть есть содержание естественного права, сводящегося к праву защищать себя всеми возможными средствами.

Второй естественный закон. От этого основного естественного закона, согласно которому люди должны стремиться к миру, происходит другой закон, гласящий, что в случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе. <...>

Глава XXII. О подвластных группах людей, политических и частных

Во всех политических телах власть представителей ограничена. В политических телах власть представителей всегда ограничена, причем границы ей предписываются верховной властью, ибо неограниченная власть есть абсолютный суверенитет. И в каждом государстве суверен является абсолютным представителем всех подданных. Поэтому всякий другой может быть представителем части этих подданных лишь в той мере, в какой это разрешается сувереном. Но разрешить политическому телу подданных иметь абсолютное представительство всех его интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты. Такого намерения нельзя предположить у суверена при каком бы то ни было акте пожалования, если суверен одновременно с этим ясно и определенно не освобождает указанной части подданных от их подданства. Ибо высказывание суверена не является знаком его воли, когда другое высказывание является знаком противоположного. Это высказывание является скорее знаком заблуждения и недоразумения, которым слишком подвержен весь человеческий род.

Познание границ власти, данной представителям политического тела, может быть почерпнуто из двух источников. Первый — это грамота, данная сувереном; второй — закон государства.

Из грамоты. В самом деле, хотя при установлении и приобретении государства не требуется никакой грамоты, ибо государства не-

зависимы и власть представителя государства не имеет никаких других границ, кроме тех, которые установлены неписаными естественными законами, однако в подвластных телах требуется столько разнообразных ограничений в отношении круга их задач, места и времени, что их нельзя запомнить без писаной грамоты и нельзя познать без такой жалованной грамоты, которую могли бы читать те, которым это ведать надлежит, и которая одновременно с этим была бы скреплена или удостоверена печатью или другими обычными знаками высочайшего одобрения.

И из законов. И так как такие границы не всегда легко и даже не всегда возможно установить в грамоте, то обычные законы, общие для всех подданных, должны определить, что может законным образом делать представитель во всех тех случаях, о которых умалчивает грамота.

Если представитель один человек, то его недозволенные действия являются его собственными. И поэтому если один представитель политического тела совершит что-либо в качестве представителя, что не дозволено ни грамотами, ни законами, то это является его собственным актом, а не актом всего тела или какого-нибудь другого его члена помимо него. Ибо за пределами, очерченными грамотами или законами, он не представляет никого, кроме своей личности. Но то, что он совершает в соответствии с грамотами и законами, является действием каждого члена политического тела, ибо за каждый акт суверена ответственным является любой подданный, так как суверен является неограниченным уполномоченным своих подданных, а акт того, кто не отступает от грамоты суверена, является актом суверена, и посему ответственность за него ложится на каждого члена тела.

Если представителем является собрание, то его действия являются действиями только тех, кто их санкционировал. Если же представителем является общее собрание, то всякое постановление этого собрания, противоречащее грамотам или законам, является актом этого собрания, или политического тела, а также актом каждого члена этого собрания, который своим голосом способствовал принятию постановления, но оно не является актом такого члена собрания, который, присутствуя на собрании, голосовал против или отсутствовал, если только он не голосовал за при посредстве доверенного лица. Постановление является актом собрания, ибо оно принято большинством голосов, и, если это постановление преступно, собрание может быть подвергнуто наказанию, соответствующему его искусственному характеру. Оно может быть, например, распущено, или ли-

шено грамоты (что для таких искусственных и фиктивных тел есть смертная казнь), или (если собрание имеет общий капитал) подвергнуто денежному штрафу. Ибо физическому наказанию политическое тело не может быть подвергнуто по самой своей природе. Члены же собрания, не подавшие своего голоса за, не виновны, потому что собрание не может никого представлять в делах, не дозволенных его грамотой, и, следовательно, постановление собрания не может быть вменено им в вину.

Печатается по изд.: *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 6–7, 93, 95–96, 97, 98–99, 174–176.

Джон Локк (1632–1704)

Джон Локк — английский философ и политический мыслитель. Окончил Оксфорд, где потом преподавал в течение почти двадцати пяти лет. На его мировоззрение и на интерес к естественно-научным и политическим дисциплинам большое влияние оказали философские учения Бэкона, Ньютона, Декарта, Оккама.

После 1668 г. Локк сближается с графом Шефтсбери, лидером оппозиции королю Карлу II. Вместе с другими членами оппозиционной партии Локк отправляется в эмиграцию (Франция, Нидерланды).

После революции 1688 г. возвращается на родину. Публикует свои работы, в числе которых — главный политический труд: «Два трактата о правлении», в котором Локк, исходя из теории естественного права, разрешает проблему защиты демократического образа правления от трансформации его в абсолютную монархию и тиранию. Для этого власть, по мнению Локка, должна быть разделена на три ветви: законодательную (ответственную за принятие разумных законов), исполнительную, действующую на основе этих законов, и федеративную, ведающую международными отношениями.

Два трактата о правлении

Глава XII. О законодательной, исполнительной и федеративной власти в государстве

Законодательная власть — это та власть, которая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов. Но так как те законы, которые должны

постоянно соблюдаться и действие которых непрерывно, могут быть созданы за короткое время, то нет необходимости, чтобы законодательный орган действовал все время и тогда, когда ему нечего будет делать. И кроме того, поскольку искушение может быть слишком велико при слабости человеческой природы, склонной цепляться за власть, то те же лица, которые обладают властью создавать законы, могут также захотеть сосредоточить в своих руках и право на их исполнение, чтобы, таким образом, сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон как при его создании, так и при его исполнении для своей личной выгоды; тем самым их интересы становятся отличными от интересов всего сообщества, противоречащими целям общества и правления. Вот почему в хорошо устроенных государствах, где благо целого принимается во внимание так, как это должно быть, законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы; когда же они это исполнили, то, разделившись вновь, они сами подпадают под действие тех законов, которые были ими созданы; это для них новая и непосредственная обязанность, которая побуждает их следить за тем, чтобы они создавали законы для блага общества.

Но так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в непрерывном исполнении или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые созданы и остаются в силе. И таким образом, законодательную и исполнительную власть часто надо разделять.

Существует еще одна власть в каждом государстве, которую можно назвать природной, так как она соответствует той власти, которой по природе обладал каждый человек до того, как он вступил в общество. Ведь хотя в государстве члены его являются отличными друг от друга личностями и в качестве таковых управляются законами общества, все же по отношению к остальной части человечества они составляют одно целое, которое, как прежде каждый из его членов, все еще находится в естественном состоянии по отношению к остальной части человечества. Отсюда следует, что все споры, которые возникают между кем-либо из людей, находящихся в обществе, с теми, которые находятся вне общества, ведутся народом; и ущерб, нанесенный одному из его членов, затрагивает в вопросе о возмещении этого

ущерба весь народ. Таким образом, принимая это во внимание, все сообщество представляет собой одно целое, находящееся в естественном состоянии по отношению ко всем другим государствам или лицам, не принадлежащим к этому сообществу.

Следовательно, сюда относится право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах, равно как и право вести все дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства; эту власть, если хотите, можно назвать федеративной. Лишь бы была понята сущность, а что касается названия, то мне это безразлично. <...>

Хотя, как я сказал, исполнительная и федеративная власть в каждом сообществе в действительности отличается друг от друга, все же их вряд ли следует разделять и передавать одновременно в руки различных лиц. Ведь обе эти власти требуют для своего осуществления силы общества, и почти что невыполнимо сосредоточивать силу государства в руках различных и друг другу не подчиненных лиц или же создавать такое положение, когда исполнительная и федеративная власть будут доверены лицам, которые могут действовать независимо, вследствие чего сила общества будет находиться под различным командованием, а это может рано или поздно привести к беспорядку и гибели.

Глава XIII. О соподчиненности властей в государстве

Хотя в конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем в соответствии со своей собственной природой, т. е. действующем ради сохранения сообщества, может быть всего одна верховная власть, а именно законодательная, которой все остальные подчиняются, и должны подчиняться, все же законодательная власть представляет собой лишь доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей, и поэтому по-прежнему остается у народа верховная власть устранять или заменять законодательный орган, когда народ видит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверию. <...>

В этом последнем случае право созывать законодательный орган обычно дается исполнительной власти и имеет одно из следующих двух ограничений в отношении срока: либо первоначальная конституция требует, чтобы представители собирались и действовали через определенные промежутки, и тогда исполнительная власть не делает ничего, кроме официального издания руководств к их выбору и созыву в соответствии с должными формами, или же благоразумию исполнительной власти предоставляется выносить решение об их созыве путем новых выборов...<...>

Здесь могут спросить: что произойдет, если исполнительная власть, обладая силой государства, использует эту силу, чтобы воспрепятствовать созыву и работе законодательного органа, в то время как первоначальная конституция или народные нужды требуют этого? Я утверждаю, что применение силы в отношении народа без всякого на то права и в противоречие доверию, оказанному тому, кто так поступает, представляет собой состояние войны с народом, который обладает правом восстановить свой законодательный орган, чтобы он осуществлял его власть. <...>

Право созывать и распускать законодательный орган — право, которым обладает исполнительная власть, — не дает исполнительной власти верховенства над законодательной, а является просто доверенным полномочием, данным ей в интересах безопасности народа в том случае, когда неопределенность и переменчивость человеческих дел не могут вынести постоянного установленного правила. <...>

Печатается по изд.: *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т 3. С. 346–348, 348–349, 352, 352–353, 353.

Шарль Луи Монтескьё (1689–1755)

Барон Шарль Монтескьё — известный французский правовед, философ и политолог. Получил юридическое образование в Бордо и Париже. Занимал должности советника и президента парламента (до революции 1789 г. это был судебный орган) в Бордо, затем путешествовал по Европе.

По возвращении на родину написал ряд политико-правовых трактатов. Наибольшую известность из них получило сочинение «О духе законов» (1748). Под духом законов он понимал совокупность политических, правовых, нравственных и религиозных отношений в обществе, которые базируются на естественных законах, обусловленных окружающей природной средой и историческим развитием общества. Отсюда и происхождение государства Монтескьё выводил не из общественного договора, а из постепенно развивающегося «духа нации», который может быть рационально осмыслен и разумно изменен. Для обеспечения свободы и исключения возможности узурпации власти последняя, по мнению Монтескьё, должна быть разделена на законодательную, исполнительную и судебную. Само-

стоятельность последней необходима для сдерживания двух первых, обсуждения и принятия разумных законов.

О духе законов

Книга одиннадцатая. О законах, устанавливающих политическую свободу в ее отношении к государственному устройству

Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга. Возможен такой государственный строй, при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему позволяет. <...>

Глава VI. О государственном устройстве Англии

В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского.

В силу первой власти государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы. В силу второй власти он объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия. В силу третьей власти он карает преступления и разрешает столкновения частных лиц. Последнюю власть можно назвать судебной, а вторую — просто исполнительной властью государства.

Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина.

Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их.

Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем.

Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были

соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц.

В большинстве европейских государств установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладая двумя первыми властями, предоставляют своим подданным отправление третьей. У турок, где эти три власти соединены в лице султана, царствует ужасающий деспотизм. <...>

Поэтому государи, стремившиеся к деспотизму, всегда начинали с того, что объединяли в своем лице все отдельные власти, а многие короли Европы — с того, что присваивали себе все главные должности в своем государстве. <...>

Судебную власть следует поручать не постоянно действующему сенату, а лицам, которые в известные времена года по указанному законом способу привлекаются из народа для образования суда, продолжительность действия которого определяется требованиями необходимости.

Таким образом, судебная власть, столь страшная для людей, не будет связана ни с известным положением, ни с известной профессией; она станет, так сказать, невидимой и как бы несуществующей. Люди не имеют постоянно перед глазами судей и страшатся уже не судьи, а суда.

Необходимо даже, чтобы в случае важных обвинений преступник пользовался по закону правом самому избирать своих судей или по крайней мере отводить их в числе настолько значительном, чтобы на остальных можно было бы уже смотреть как на им самим избранных.

Обе же другие власти можно поручить должностным лицам или постоянным учреждениям ввиду того, что они не касаются никаких частных лиц, так как одна из них является лишь выражением общей воли государства, а другая — исполнительным органом этой воли. <...>

Если исполнительная власть не будет иметь права останавливать действия законодательного собрания, то последнее станет деспотическим, так как, имея возможность предоставить себе любую власть, какую оно только пожелает, оно уничтожит все прочие власти.

Наоборот, законодательная власть не должна иметь права останавливать действия исполнительной власти. Так как исполнительная власть ограничена по самой своей природе, то нет надобности еще как-то ограничивать ее; кроме того, предметом ее деятельности являются вопросы, требующие быстрого решения. <...>

Но если в свободном государстве законодательная власть не должна иметь права останавливать власть исполнительную, то она имеет право и должна рассматривать, каким образом приводятся в исполнение созданные ею законы...<...>

Но к чему бы ни привело это рассмотрение, законодательное собрание не должно иметь власти судить лицо, а следовательно, и поведение лица, отправляющего исполнительную власть. Личность последнего должна быть священна, так как она необходима государству для того, чтобы законодательное собрание не обратилось в тиранию; свобода исчезла бы с того момента, как исполнительная власть подверглась бы обвинению или была бы привлечена к суду. <...>

Итак, вот основные начала образа правления, о котором мы ведем речь. Законодательное собрание состоит здесь из двух частей, взаимно сдерживающих друг друга принадлежащим им правом отмены, причем обе они связываются исполнительной властью, которая в свою очередь связана законодательной властью.

Казалось бы, эти три власти должны прийти в состояние покоя и бездействия. Но так как необходимое течение вещей заставит их действовать, то они будут вынуждены действовать согласованно.

Так как исполнительная власть участвует в законодательстве только посредством своего права отмены, она не должна входить в самое обсуждение дел. Нет даже необходимости, чтобы она вносила свои предложения; ведь она всегда имеет возможность не одобрить заключения законодательной власти и потому может отвергнуть любое решение, состоявшееся по поводу нежелательного для нее предложения. <...>

Армия, после того как она создана, должна находиться в непосредственной зависимости не от законодательной, а от исполнительной власти; это вполне согласуется с природой вещей, ибо армии надлежит более действовать, чем рассуждать.

Печатается по изд.: *Монтескьё Ш. Л. О духе законов.* М., 1999. С. 137, 138–139, 139, 140, 144, 146, 147.

Томас Джефферсон (1743–1826)

Томас Джефферсон — американский политик и политический философ, создатель Демократической партии и президент США. В возрасте двадцати шести лет после войны за независимость (1775–1783)

был избран в 1769 г. членом законодательного собрания колонии Вирджиния, в качестве которого подготовил проект Конституции (1783) штата Вирджиния.

По поручению Континентального конгресса составил проект знаменитой Декларации независимости. После провозглашения Соединенных Штатов Америки Джефферсон был губернатором штата Вирджиния, послом во Франции, государственным секретарем (министром иностранных дел), вице-президентом.

В 1801–1809 гг. дважды избирался президентом США.

Декларация представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на общий конгресс

Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем «прирожденными и неотчуждаемыми» очевидными правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью. Конечно, осторожность советует не менять правительств, существующих с давних пор, из-за маловажных или временных причин. И мы, действительно, видим на деле, что люди скорее готовы терпеть зло до последней возможности, чем восстановить свои права, отменив правительственные формы, к которым они привыкли. Но когда длинный ряд злоупотреблений и узурпации, начатых в известный период и неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает намерение предать этот народ во власть неограниченного деспотизма, то он не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство и на будущее времяверить свою безопасность другой охране. Эти колонии также долго и терпеливо переносили разные притеснения, и только необходимость заставляет их теперь «перечеркнуть», изменить свою прежнюю форму правления. История нынешнего короля Великобритании полна «неослабных» беспрестанных несправедливостей и узурпации «среди которых не было ни одного факта, противоречившего общему направлению остальных, но», прямо клонившихся к тому, чтобы ввести неограниченную тиранию в этих штатах. <...>

В силу всего этого мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшиеся на общий конгресс, от имени и по уполномочию народа этих Штатов отвергаем и не признаем какую бы то ни было зависимость от королей Великобритании и подчинение им, а также от всех других, кто до сих пор мог претендовать на это при их помощи, посредством или по их указанию. Мы полностью расторгаем всякую политическую связь, какая до сих пор могла существовать между нами и народом и парламентом Великобритании. И наконец, мы утверждаем и провозглашаем эти колонии свободными и независимыми Штатами, призывая верховного судию мира в свидетели правоты наших намерений, объявляем от имени и по уполномочию народа, что эти соединенные колонии суть и по праву должны быть свободные и независимые Штаты. <...>

Биль об установлении религиозной свободы

Хорошо понимая, что взгляды и вера людей зависят не от их собственной воли, но невольно подчиняются доказательствам, предложенным их уму, что всемогущий Бог создал ум свободным и выразил своим высшим желанием, чтобы он и впредь оставался свободным, для чего сделал его совершенно невосприимчивым к обузданию; что все попытки воздействовать на ум мирскими наказаниями, или возложением тягот, или лишением гражданской правоспособности приводят лишь к приобретению привычки лицемерить и совершать нечестные поступки, что далеко от намерений Святого Творца нашей религии, Который, являясь господином духа и тела, предпочел, однако, распространять ее не принуждением над тем или другим, что было в Его силах, но распространять ее, воздействуя лишь на разум; что нечестива презумпция законодательной власти и правителей, гражданских и церковных, которые, хотя они могут ошибаться, как простые люди, взяли на себя руководство верой других, выдавая свои собственные взгляды за единственно правильные и безошибочные, начали навязывать их другим, создали и поддерживали ложные религии в большей части мира во все времена; что заставлять человека вносить денежные суммы на распространение взглядов, которых он не разделяет и которые ему ненавистны, — грех и тирания... <...>

...что наши гражданские права не зависят от наших религиозных взглядов, так же как они не зависят от наших взглядов в области физики или геометрии, а поэтому объявлять гражданина недостойным общественного доверия, лишая его возможности занимать ответственное положение и получать за это вознаграждение, если он не исповедует или не признает то или иное религиозное учение, — значит

несправедливо лишать его тех привилегий и преимуществ, на которые он, как и его другие сограждане, имеет естественное право... <...>

...что взгляды людей не подчиняются гражданской власти и не входят в ее юрисдикцию; что позволять гражданским властям вмешиваться в область мировоззрения людей и ограничивать исповедание или распространение принципов, считая их неверными, — опасное заблуждение, которое сразу разрушает всю религиозную свободу... <...>

...что она — верный и надежный противник заблуждения и ей нечего опасаться конфликтов, если только людское вмешательство не лишит ее естественного оружия — свободной дискуссии и спора; что ошибки перестают быть опасными, если разрешается их открыто опровергать, — [хорошо понимая все это] мы, Генеральная ассамблея Вирджинии, утверждаем закон, согласно которому никого нельзя заставить регулярно посещать или поддерживать какое-либо религиозное богослужение, место [культа] или священнослужителя, а также нельзя принуждать, ограничивать, досаждают или причинять ущерб его личности или имуществу или заставлять его как-то иначе страдать по причине его религиозных воззрений или убеждений; закон, согласно которому все люди свободны в исповедании веры и вольны отстаивать с помощью доводов свои взгляды в вопросах религии, и это не должно ни в коем случае уменьшать или увеличивать их гражданскую правоспособность или как-то влиять на нее. <...>

Печатается по изд.: *Шелдон Г. У.* Политическая философия Т. Джефферсона. М., 1996. С. 212–213, 217–218, 218–219.

Жан Жак Руссо (1712–1778)

Жан Жак Руссо — французский просветитель, философ, педагог и политолог. Родился в Женеве в семье ремесленника-гугенота, бежавшего из Франции в Швейцарию от религиозных преследований.

Много занимался самообразованием, работал гувернером в дворянских семьях. Приехав в Париж, встречался с известными просветителями: Вольтером, Дидро, Кондорсе и другими, занимался научной деятельностью. Опубликовал несколько работ, наиболее существенной из которых с точки зрения развития политических идей считается трактат «Об общественном договоре». В нем Руссо не только обосновал принцип народного суверенитета, но и разработал основы непосредственной демократии, в соответствии с которыми на-

род не только имеет право самоуправления, но и может непосредственно участвовать в управлении государством.

Об общественном договоре

Глава VI. Об общественном соглашении

Я предполагаю, что люди достигли того предела, когда силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии. Тогда это изначальное состояние не может более продолжаться, и человеческий род погиб бы, не измени он своего образа жизни.

Однако поскольку люди не могут создавать новых сил, а могут лишь объединять и направлять силы, уже существующие, то у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно.

Эта сумма сил может возникнуть лишь при совместных действиях многих людей; но поскольку сила и свобода каждого человека — суть первые орудия его самосохранения — как может он их отдать, не причиняя себе вреда и не пренебрегая теми заботами, которые есть его долг по отношению к самому себе? Эта трудность, если вернуться к предмету этого исследования, может быть выражена в следующих положениях:

«Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде». Такова основная задача, которую разрешает Общественный договор.

Статьи этого Договора определены самой природой акта так, что малейшее видоизменение этих статей лишило бы их действительности и полезности; поэтому, хотя они, пожалуй, и не были никогда точно сформулированы, они повсюду одни и те же, повсюду молчаливо принимаются и признаются до тех пор, пока в результате нарушения общественного соглашения каждый не обретает вновь свои первоначальные права и свою естественную свободу, теряя свободу, полученную по соглашению, ради которой он отказался от естественной.

Эти статьи, если их правильно понимать, сводятся к одной-единственной, именно: полное отчуждение каждого из членов ассоциа-

ции со всеми его правами в пользу всей общины; ибо, во-первых, если каждый отдает себя всецело, то создаются условия, равные для всех; а раз условия равны для всех, то никто не заинтересован в том, чтобы делать их обременительными для других.

Далее, поскольку отчуждение совершается без каких-либо изъятий, то единение столь полно, сколь только возможно, и ни одному из членов ассоциации нечего больше требовать. Ибо если бы у частных лиц оставались какие-либо права, то, поскольку теперь не было бы такого старшего над всеми, который был бы вправе разрешать споры между ними и всем народом, каждый, будучи судьей самому себе в некотором отношении, начал бы вскоре притязать на то, чтобы стать таковым во всех отношениях; естественное состояние продолжало бы существовать, и ассоциация неизбежно стала бы тиранической или бесполезной.

Наконец, каждый, подчиняя себя всем, не подчиняет себя никому в отдельности. И так как нет ни одного члена ассоциации, в отношении которого остальные не приобретали бы тех же прав, которые они уступили ему по отношению к себе, то каждый приобретает эквивалент того, что теряет, и получает больше силы для сохранения того, что имеет.

Итак, если мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующим положениям. Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого.

Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся, следовательно, в результате объединения всех других, некогда именовалось Гражданскою общиною, ныне же именуется Республикою, или Политическим организмом: его члены называют этот Политический организм Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою — при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти и подданными как подчиняющиеся законам Государства. Но эти термины часто смешиваются, и их принима-

ют один за другой; достаточно уметь их различать, когда они употребляются во всем их точном смысле.

Печатается по изд.: *Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре: Трактаты.* М., 2000. С. 207–209.

Иммануил Кант (1724–1804)

Иммануил Кант — немецкий философ, педагог и политолог. Родился в городе Кенигсберге (в котором практически прошла вся его жизнь) в семье ремесленника. По окончании Кенигсбергского университета работал гувернером, а затем — преподавателем в альма-матер, став в дальнейшем деканом и ректором.

Среди политических работ Канта наиболее известен и актуален сегодня трактат «К вечному миру» (1795), в котором он создает проект поддержания мира и международной безопасности при помощи международного органа. Взгляды Канта на государство и право изложены в «Метафизике нравов» (1797). Государство, по мнению Канта, должно опираться на закон, а его граждане — руководствоваться категорическим императивом, который предполагает не только соблюдение определенных норм и правил, но ведет каждого к моральному идеалу, без которого не может состояться гражданин.

К вечному миру

Раздел первый, который содержит прелиминарные статьи договора о вечном мире между государствами

«Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны».

Ибо иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не мир, который означает окончание всякой вражды. <...>

«Ни одно самостоятельное государство (большое или малое, это безразлично) ни по наследству, ни в результате обмена, купли или дарения не должно быть приобретено другим государством». Дело в том, что государство (в отличие, скажем, от земли, на которой оно находится) не представляет собой имущества. Государство — это общество людей, повелевать и распоряжаться которыми не может никто, кроме его самого. Поэтому всякая попытка привить его, имеющее подобно стволу собственные корни, как ветвь, к другому госу-

дарству означала бы уничтожение первого как моральной личности и превращение моральной личности в вещь и противоречила бы идее первоначального договора. <...>

«Постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть».

Ибо, будучи постоянно готовы к войне, они непременно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их к стремлению превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, что не знает никакого предела, и поскольку связанные с миром расходы становятся в конце концов обременительнее короткой войны, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени. <...>

«Государственные долги не должны использоваться для целей внешней политики».

Поиски средств внутри страны или вне ее не внушают подозрений, если это делается для экономических нужд страны (улучшения дорог, устройства новых населенных пунктов, создания запасов на случай неурожайных лет и т. д.). Но кредитная система как орудие борьбы держав между собою, при которой долги могут непомерно увеличиваться, оставаясь в то же время гарантированными (поскольку кредиторы не предъявляют свои требования одновременно), — остроумное изобретение одного торгового народа в этом столетии — являет собой опасную денежную силу, а именно фонд для ведения войны. <...>

«Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства».

«Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем, в мирное время, как, например, засылка тайных убийц, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т. д.».

Раздел второй, содержащий окончательные статьи договора о вечном мире между государствами

Первая окончательная статья договора о вечном мире

«Гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским».

Устройство, основанное, во-первых, на принципах свободы членов общества (как людей), во-вторых, на основоположениях зависимости всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, на законе равенства всех (как граждан государства), есть устройство республиканское — единственное, приистекающее из идеи

первоначального договора, на которой должно быть основано всякое правовое законодательство народа.

Вторая окончательная статья договора о вечном мире

«Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств».

Народы в качестве государств можно рассматривать как отдельных людей, которые в своем естественном состоянии (т. е. вне зависимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга, и каждый из них в целях своей личной безопасности может и должен требовать от другого совместного вступления в устройство, подобное гражданскому, где каждому может быть обеспечено его право. Это был бы союз народов, который, однако, не должен быть государством народов. Последнее означало бы противоречие, ибо всякое государство содержит в себе отношение высшего (законодателя) к низшему (повинующемуся, т. е. народу). Многие народы в государстве (так как здесь мы рассматриваем право народов по отношению друг к другу, поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство) образовали бы только один народ, что противоречит предположке. <...>

Должен существовать особого рода союз, который можно назвать мирным союзом и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться (подобно людям в естественном состоянии) публичным законам и их принуждению. Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи федерации, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру. <...>

Третья окончательная статья договора о вечном мире

«Всемирно-гражданское право должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства».

Как и в предыдущих статьях, здесь речь идет не о филантропии, а о праве, и гостеприимство означает право каждого чужака на то, чтобы тот, в чью землю он прибыл, не обращался бы с ним как с врагом. <...>

Дополнение первое о гарантии вечного мира

Предварительное установление природы состоит в следующем:

- 1) она позаботилась о том, чтобы люди имели возможность жить во всех местах Земли;
- 2) посредством войны она рассеяла людей повсюду, даже в самые непригодные для хозяйства края, чтобы заселить их;
- 3) войной же она принудила людей вступать в более или менее законные отношения. <...>

Печатается по изд.: *Кант И.* К вечному миру. М.: Московский рабочий, 1989. С. 24, 25, 26, 27, 29, 30, 33, 34, 36, 37, 39, 43.

Алексис де Токвиль

(1805–1859)

Алексис де Токвиль — французский правовед и политолог — родился в аристократической семье, но с пяти лет воспитывался в католическом колледже. В двадцать лет он окончил юридический факультет Сорбонны и несколько лет прослужил судьей-аудитором в Версале. В 1831 г. отправился в Америку, чтобы своими глазами убедиться, что дает демократия и республиканский строй личности, обществу и государству. Результатом этой поездки стало знаменитое исследование «Демократия в Америке» (1835), прославившее де Токвиля в Новом и Старом свете. Вершиной его политической карьеры стал пост министра иностранных дел в кабинете, сформированном в результате победы на выборах Луи Бонапарта. Политические взгляды де Токвиля можно охарактеризовать как либерально-республиканские, ведь после провозглашения Луи Бонапартом империи он немедленно ушел в отставку. Токвиль возвратился к научной деятельности. Он взялся за свою вторую «большую» книгу — «Старый режим и революция», закончить которую помешала смерть.

Демократия в Америке

Глава VIII. Что сдерживает тиранию большинства в Соединенных Штатах?

Отсутствие административной централизации?

Что сдерживает тиранию большинства в Соединенных Штатах? Отсутствие административной централизации?

Большинство не может все делать само. Его суверенную волю в общинах и округах выполняют должностные лица.

Ранее я выделил два вида централизации: правительственную и административную.

В Америке существует только первая, вторая несвойственна этой стране.

Если бы американская государственная власть имела в своем распоряжении оба вида правления и к своему праву всем командовать присоединила бы способность и привычку все исполнять самой; если бы, установив общие принципы правления, она стала вникать в детали его осуществления в жизни и, определив главные нужды страны, дошла бы до ограничения индивидуальных интересов, тогда свобода была бы вскоре изгнана из Нового Света.

Но в Соединенных Штатах большинство, у которого часто вкусы и склонности деспота, пока не владеет самыми совершенными средствами тирании.

Американское правительство всегда занималось только небольшим количеством тех внутренних проблем своих республик, значимость которых привлекала его внимание. Оно никогда не пыталось вмешиваться во второстепенные дела своих штатов. У него даже и намерения такого не было. Большинство, став почти абсолютным, не увеличило функций центральной власти, оно лишь сделало ее всемогущей в пределах отведенной ей сферы деятельности. Деспотизм может быть крайне тяжелым, но он не может распространяться на всех.

Как бы ни увлекали большинство в государстве собственные страсти, с каким бы пылом оно ни бросалось на реализацию своих собственных проектов, оно не сможет добиться того, чтобы везде одновременно и одинаковым образом все жители страны подчинились его желаниям. Издавая приказы, центральное правительство, отражающее его волю, вынуждено полагаться на исполнителей, которые часто от него не зависят и деятельность которых оно не может постоянно направлять. Муниципалитеты и администрация округов, как подводные камни, сдерживают и рассекают волну народной воли. Если закон носит притесняющий характер, свобода отыщет выход в самом исполнении закона, и большинство не сумеет вникнуть в детали и, осмелюсь сказать, в глупости административной тирании. Оно и не представляет себе, что может это сделать, так как у него нет целостного представления о размерах своей власти. Ему известны лишь его природные силы и неведомо, до какой степени умение может развить их.

Следующая мысль заслуживает внимания: если когда-нибудь демократическая республика, подобная Соединенным Штатам, по-

явится в стране, где абсолютная власть уже установила, узаконила и сделала привычной административную централизацию, скажу откровенно, что в такой республике деспотизм будет гораздо невыносимее, чем в любой абсолютной монархии Европы. Только в Азии можно найти что-нибудь подобное.

О законности в Соединенных Штатах и как она служит противовесом демократии

Когда познакомишься с американским обществом, изучишь его законы, то видишь, что власть, данная здесь законоводам, их влияние на правительство служат сегодня самой мощной преградой нарушениям демократии. Это, на мой взгляд, является следствием какой-то общей причины, которую полезно рассмотреть, ибо она может снова появиться в каком-нибудь другом месте. <...>

В Соединенных Штатах практически нет такого политического вопроса, который бы рано или поздно не превращался в судебный вопрос. Вот откуда у политических партий появляется необходимость в своей повседневной полемике пользоваться и идеями, и языком, заимствованными у правоведов. Большинство государственных деятелей — это настоящие или бывшие правоведы, в свою работу они приносят свойственные им обычаи и образ мыслей. Существование суда присяжных приобщает к этому все классы. Юридическая терминология, становясь привычной, входит в разговорную речь. Дух законности, родившись в учебных заведениях и судах, постепенно выходит за эти пределы, проникает во все слои общества, до самых низших, и в итоге весь народ целиком усваивает привычки и вкусы судей.

В Соединенных Штатах законоведы не представляют собой силы, внушающей страх, их едва замечают, у них нет собственного знамени, они легко приспосабливаются к требованиям времени, не сопротивляясь, подчиняются всем изменениям социальной структуры страны. А между тем они проникают во все слои общества, обволакивают его полностью, работают изнутри, воздействуют на него помимо его воли. И все кончается тем, что они лепят это общество в соответствии со своими намерениями.

Суд присяжных в Соединенных Штатах как политическое учреждение

Суд присяжных, который, казалось бы, ограничивает права судебных чиновников, на самом деле является основой их господства. Наибольшим могуществом судьи располагают в тех странах, где часть их прав принадлежит народу.

Именно благодаря суду присяжных американскому судебному ведомству удастся распространять то, что я называю духом законности, на самые широкие слои общества.

Таким образом, суд присяжных, будучи наиболее верным средством осуществления власти народа, в то же время наилучшим образом учит народ пользоваться своей властью.

Печатается по изд.: *Токвиль Алексис де. Демократия в Америке.* М., 1992. С. 204, 205, 209, 213.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Система взглядов, идей, концепций, позволяющая рассматривать реальность под определенным углом зрения, с определенных (классовых, расовых, сословных, религиозных, национальных и др.) позиций, называется политической идеологией.

В разные периоды развития человеческих обществ доминировали различные идеологии. Например, после Великой французской революции в общественном сознании европейцев преобладала идеология либерализма, которой противостояла консервативная система идей. В последней трети XIX в. наступила очередь социалистической идеологии — она считалась восходящей, растущей. Затем после революции 1917 г. в России, получила быстрое распространение коммунистическая идеология, а после захвата власти фашистами в Италии, Испании, Германии — фашистская идеология, век которой оказался недолог. В 90-х гг. XX в. мир стал свидетелем заката коммунистической идеологии. Таким образом, с тех пор, как в XVIII в. французский мыслитель Дестюд де Траси дал определение понятию «идеология», в генезисе самих идеологий можно выделить три основных этапа, каждый из которых характеризуется доминированием или восхождением, т. е. быстрым распространением одной из систем идей:

- ◆ либеральный этап (XVIII в. — 70-е гг. XIX);
- ◆ социалистический этап (70-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в.);
- ◆ тоталитарный этап (коммунистическая, фашистская, популистская идеологии) (20-е гг. XX в. — 90-е гг. XX в.).

В настоящее время (несмотря на то, что некоторые ученые предсказывают доминирование либерально-демократической идеологии) наступил плюралистический этап, когда в общественном сознании сосуществуют анархизм, коммунизм, социал-демократизм, демократизм, либерализм, консерватизм, национализм. Среди этих наиболее распространенных, так называемых мировых идеологий наибольшим влиянием пользуются либерализм, консерватизм и социализм.

ЛИБЕРАЛИЗМ

Иеремия Бентам (1748–1832)

Иеремия Бентам — английский правовед, философ и политолог, один из основоположников либерализма и основателей теории утилитаризма.

Бентам родился в Лондоне, в семье крупного землевладельца. Окончил Оксфордский университет (1765). С двадцати лет работал адвокатом. Много путешествовал по Европе, бывал в России. В 1815 г. Бентам предложил Александру I свое участие в составлении кодекса законов для России, но император поручил кодификацию М. М. Сперанскому.

Учение о нравственности И. Бентама зиждется на принципе утилитарности, полезности. Во «Введении в основы нравственности и законодательства» (1789) он рассматривает индивидуальные интересы в качестве единственно реальных и действенных, определяющих поведение людей. Общественные интересы у него выступают как совокупность индивидуальных. Отсюда мораль, нравственность тоже подразделяется на индивидуальную и общественную. Так как не все члены общества соблюдают моральные требования, необходимы позитивные законы, которые, впрочем, должны иметь целью пользу для наибольшего количества граждан, но не должны ограничивать их свободу. По мнению Бентама, только в либеральном государстве, возможно гармоничное сочетание индивидуальных и общественных интересов.

Принципы законодательства

Глава I. Принцип пользы

Предметом законодательства должно быть общественное благо: общая польза должна быть основой всякого рассуждения в области законодательства. Наука состоит в том, чтобы знать, в чем заключается благо данного общества, искусство в том, чтобы найти средства для осуществления этого блага.

Будучи выражен в общей и неопределенной форме, принцип пользы редко оспаривается: на него смотрят даже как на некоторого рода общее место морали и политики. Но это единодушное согласие — только кажущееся. С этим принципом не всегда связывают одинако-

вые идеи; не всегда придают ему одно и то же значение; он не служит источником определенной системы рассуждения — последовательной и однообразной.

Чтобы дать ему всю ту силу, которую он должен иметь, другими словами — чтобы сделать из него основу общей теории, надо выполнить три условия.

Первое условие состоит в том, чтобы связать со словом «польза» понятия ясные и точные, которые могли бы оставаться совершенно одинаковыми у всех, кто им пользуется.

Второе состоит в том, чтобы установить единство и независимость этого принципа, строго выделив все, что ему чуждо. Для этого надо только принять его в его общей форме; не следует допускать никаких исключений.

Третье условие состоит в том, чтобы найти метод моральной арифметики, при помощи которой можно было бы прийти к однообразным результатам.

Природа подчинила человека власти удовольствия и страдания. Им мы обязаны всеми нашими идеями, ими обусловлены все наши суждения, все наши решения в жизни. Тот, кто утверждает, что он свободен от этой зависимости, тот не знает, что говорит: стремиться к удовольствию и избегать страдания составляет его единственную задачу даже в ту минуту, когда он отказывается от величайших удовольствий или берет на себя самые сильные страдания. Эти вечные и непреодолимые чувства должны быть главным предметом исследования как для моралиста, так и для законодателя. Принцип пользы подчиняет всё этим двум двигателям.

Польза есть понятие отвлеченное. Оно выражает свойство или способность какого-нибудь предмета предохранить от какого-нибудь зла или доставить какое-нибудь благо. Зло есть боль, страдание или причина страдания. Благо есть удовольствие или причина удовольствия. Все, что соответствует пользе или интересу индивидуума, способно увеличить общую сумму его благосостояния. Все, что соответствует пользе или интересу общества, увеличивает общую сумму благосостояния индивидуумов, из которых оно состоит. <...>

Глава X. Анализ политических благ и зол

Всякое правительство подобно врачу; все дело его заключается в выборе зла; всякий закон есть зло, потому что всякий закон есть нарушение свободы; но, повторяю, задача правительства заключается только в выборе зла. Как же должен действовать законодатель при этом выборе? Он должен убедиться:

- 1) в том, что каждый случай, который он старается предупредить, есть действительно зло, при каких бы обстоятельствах он ни произошел; и
- 2) что это зло более значительно, чем то, которым он хочет воспользоваться для его предупреждения.

Таким образом, надо принять во внимание две вещи: зло преступления и зло закона — вред болезни и вред лекарства. <...>

Печатается по изд.: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. С. 556–557, 558–559.

Иммануил Валлерстайн

(род. 1930)

Иммануил Валлерстайн — современный американский социолог. Родился в 1930 г. Окончил Колумбийский университет. Преподавал в Колумбийском, Мак-Гильском, Бирмингемском, Йельском университетах. Руководил Центром Фернана Броделя по изучению экономики, исторических систем и цивилизаций при Бингемптонском университете. В 1994–1998 гг. был президентом Международной социологической ассоциации.

Валлерстайн — автор мир-системного анализа, в соответствии с которым существуют мировая экономика (политико-экономическая система, базирующаяся преимущественно на торговых отношениях) и мировая империя, в основе которой лежит политико-силовое единство. История по Валлерстайну представляет собой конкурентную борьбу различных региональных мировых систем. В частности, согласно его взгляду, в XVI в. в Западной Европе на смену мировой империи пришла мировая экономика капиталистического типа. Путем колониальной экспансии она к XIX в. подавила все другие мировые империи и мировые экономики. Современная мировая экономика в структурном отношении подразделяется на страны ядра (высокоразвитые страны), страны полупериферии (среднеразвитые страны) и страны периферии (слаборазвитые страны).

В подобной системе за счет неравномерного торгового обмена преимущество имеют страны ядра (над всеми другими) и страны полупериферии (над слаборазвитыми странами). Отсюда вина за отсталость и многие другие глобальные проблемы человечества, связанные с индустриализацией, лежит на развитых странах.

После либерализма

Часть II. Становление и триумф либеральной идеологии

Глава 5. Либерализм и легитимация национальных государств: историческая интерпретация

До Французской революции, как и при других исторических системах, в рамках господствующего мировоззрения капиталистической мироэкономики нормальным положением вещей считалась политическая стабильность. Суверенитет принадлежал правителю, а право правителя на правление определялось неким набором правил, связанных с получением власти, обычно по наследству. Против правителей, конечно, часто плелись заговоры, иногда их даже свергали, но новые правители, занявшие место смещенных, всегда проповедовали ту же веру в естественность стабильности. Политические перемены были явлениями исключительными, и оправдывались они в исключительном порядке; и это происходило вовсе не для того, чтобы создать прецедент для дальнейших перемен.

Политические перемены, начатые Французской революцией, — перемены, которые были ощутимы во всей Европе и за ее пределами, — изменили этот менталитет. Теперь сувереном стал народ. И все усилия, предпринимавшиеся «реакционерами» с 1815 по 1848 гг., даже в малой степени не смогли пробить брешь в новом взгляде на жизнь. После 1848 г. никто даже не пытался выступить всерьез с новыми попытками таких перемен¹, по крайней мере, до сего дня. И действительно, перемены, — любые перемены, включая политические, — стали «нормальным» явлением. Именно потому, что этот новый взгляд на мир распространился так быстро, и возникли идеологические течения. Они представляли собой политические программы, за выполнение которых надо было бороться в условиях нормальности политических перемен и с учетом распространения идеи народного суверенитета.

¹ «К 1830-м годам революционеры-романтики почти буднично говорили о *le peuple*, *das Volk*, *il popolo* или *lud*, как о некоей возрождающей жизненной силе истории человечества. Новые монархи, пришедшие к власти после революции 1830 г., — Луи-Филипп и Леопольд I, скорее искали поддержки «народа» как короли «французов» и «бельгийцев», чем как правители Франции и Бельгии. Даже реакционный царь Николай I три года спустя после подавления польского восстания 1830–1831 гг. заявил о том, что его собственная власть зиждется на «народности» (а также самодержавии и православии), причем слово, которое он использовал, — «народность», также означающее «дух народа», было точным переводом польского термина *narodowosc*». *Billington James H. Fire in the minds of Men: Origins of Revolutionary Faith. London: Temple Smith, 1980. P. 160.*

Вполне логично, что первой реакцией на изменившееся положение вещей стал консерватизм. Сегодня мы относим к числу классических две работы основоположников консервативного мировоззрения: «*Considerations sur la France*» («Размышления о Франции») (1789) Жозефа де Местра и «*Reflections on the Revolution in France*» («Размышления о революции во Франции») (1790) Эдмунда Бёрка, написанные в самый разгар первых дней революции. В целом противники Французской революции стремились доказать, что результатом узаконения нормальности изменений могут стать одни лишь социальные беды. Тем не менее, вскоре они поняли, что отсутствие гибкой позиции в отношении к общественной жизни невозможно. В период с 1789 по 1848 г. позиция консерваторов эволюционировала от полного отрицания нового мировоззрения к тому, что можно назвать господствующей на протяжении последних 150 лет консервативной идеологии: «нормальные» изменения должны проводиться настолько медленно, насколько это возможно и только в тех случаях, когда в результате всестороннего рассмотрения они были сочтены необходимыми для того, чтобы предотвратить еще большее расстройство общественного порядка. <...>

Во всемирной революции 1848 г. на самом деле было только два лагеря — партия порядка и партия движения, представлявших, соответственно, консервативную и либеральную идеологии, или, если использовать другую терминологию, восходящую корнями к Французской революции, — правых и левых. И только после 1848 г. возник социализм как самостоятельное идеологическое течение, которое на деле отличалось от либерализма и противостояло ему. Именно тогда миросистема вступила в эпоху господства идеологического спектра, состоящего из трех идеологических течений, с которыми мы все хорошо знакомы. Либерализм стал представлять центр политического полукруга, заняв, таким образом, и центральное положение на политической арене (мы намеренно ставим на этом акцент, слегка изменив метафору).

В период расхождения двух идейных течений основное различие между либерализмом и социализмом состояло не в желательности или даже неизбежности изменений (или прогресса). По сути дела, такой подход к переменам их не разделял, а объединял. Различия же носили скорее идеологический характер; точнее говоря, различия наблюдались в их политических программах. Либералы полагали, что ход общественных изменений к лучшему был или должен был быть постепенным и основываться он должен как на разумной оценке

специалистами существующих проблем, так и на непрерывных сознательных усилиях политических лидеров, руководствующихся этими оценками в своей деятельности, направленной на проведение разумных социальных реформ. В программе социалистов весьма скептически расценивалась возможность осуществления реформистами каких-либо значительных преобразований лишь на путях разума и доброй воли и без чьей-либо помощи. Социалисты стремились продвигаться вперед быстрее и доказывали, что без значительного давления со стороны народных масс этот процесс не увенчается успехом. Движение по пути прогресса неизбежно настолько, насколько неизбежно давление масс. Сами специалисты сделать ничего не могут.

Всемирная революция 1848 г. стала поворотным пунктом в развитии политической стратегии всех трех идеологических течений. Из поражений 1848 г. социалисты сделали вывод о том, что достижение каких бы то ни было положительных результатов через спонтанное политическое восстание или массовые действия весьма сомнительно. Государственные структуры были слишком прочными, применять репрессивные меры было несложно, и они оказывались весьма действенными. Лишь после 1848 г. социалисты стали всерьез относиться к созданию партий, профсоюзов и рабочих организаций в целом, взяв курс на долгосрочное политическое завоевание государственных структур. В период после 1848 г. зародилась социалистическая стратегия двух этапов борьбы. Эту стратегию разделяли два основных течения в социалистическом движении — Второй интернационал, объединявший социал-демократов, и Третий коммунистический интернационал, который возник позднее. Сущность этих двух этапов была достаточно проста: на первом этапе обрести государственную власть; на втором воспользоваться государственной властью, чтобы трансформировать общество (или прийти к социализму).

Консерваторы также извлекли урок из событий 1848 г. Восстания рабочих стали реальной политической возможностью, и, несмотря на то, что в 1848 г. они были сравнительно легко подавлены, будущее представлялось теперь не столь безоблачным, как раньше. Более того, консерваторы обратили внимание на то обстоятельство, что социальные и национально-освободительные революции, будучи на деле далеко не одинаковыми явлениями, могли развиваться в опасном направлении дополнения и усиления друг друга в рамках миросистемы в целом. Отсюда следовало, что необходимо было предпринять какие-то шаги для предотвращения такого рода восстаний до того, как они могли вспыхнуть.

Эти шаги можно было бы назвать построением более интегрированных национальных обществ.

Если внимательнее приглядеться к этим новым стратегиям социалистов и консерваторов, можно увидеть, что каждая из них, по сути дела, все более сближалась с либеральным подходом к понятию развития как управляемых, разумных и нормальных перемен. В чем состояла в то время стратегия либералов? Либералы в те годы искали подходы к воплощению в жизнь двух основополагающих идей, направленных на проведение управляемых, разумных и нормальных перемен.

Очевидная для всех основная проблема состояла в том, что индустриализация Западной Европы и Северной Америки влекла за собой неизбежные процессы урбанизации при долговременной тенденции к превращению бывшего сельского населения в городской пролетариат. Социалисты предлагали организовать этот пролетариат, и события 1830-х и 1840-х гг. свидетельствовали о том, что такая задача была достижима.

Решение, которое мог предложить либерализм в ответ на эту угрозу общественному порядку, а потому и рациональному общественному развитию, сводилось к предоставлению рабочему классу ряда уступок — к ограниченному допуску его к политической власти и передаче ему определенной доли прибавочной стоимости. Проблема, тем не менее, состояла в том, на какие уступки рабочему классу было достаточно пойти, чтобы удержать его от разрушительных действий, учитывая при этом, что эти уступки не должны были быть настолько значительными, чтобы создать серьезную угрозу процессу непрерывного и все более расширяющегося накопления капитала, являющемуся *raison d'être* капиталистической мироэкономики и главной заботой правящих классов.

В период между 1848 и 1914 гг. о Либералах — Либералах с большой буквы «Л», которые воплощали идеи либерализма как идеологии с маленькой буквы «л», — можно было сказать, что все это время они находились в постоянном смятении, поскольку никогда не знали, как далеко они осмелятся зайти, никогда не были уверены в том, что уступок было сделано слишком много или слишком мало. Политическим результатом этого смятения стала утрата политической инициативы Либералами с большой буквы «Л» в ходе того процесса, который привел либерализм с маленькой буквы «л» к окончательной победе в качестве господствующей идеологии миросистемы. <...>

Очевидно, все три идеологические направления предлагали различные объяснения враждебности к государству. С точки зрения консерваторов, государство представлялось актором настоящего, т. е. при проведении в жизнь каких-либо новшеств, предполагалось, что оно выступает против традиционных оплотов общества и социального порядка — семьи, общины, церкви и, конечно, монархии. Наличие в этом перечне монархии уже само по себе было молчаливым признанием господства идеи народного суверенитета; если бы король был истинным сувереном, его правление было бы узаконено к настоящему времени. <...>

Теоретическая враждебность либерализма к государству настолько существенна, что большая часть авторов считает определяющей характеристикой либерализма его роль ночного сторожа доктрины государства. Их главный принцип — *laissez-faire*. Все знают, что либеральные идеологи и политики постоянно и настойчиво выступают с заявлениями о том, насколько важно не допускать государственного вмешательства в рыночные отношения, а иногда, хотя и не так часто, они призывают государство воздерживаться от посягательств на принятие решений в социальной сфере. Основанием для серьезного недоверия государству является первоочередное внимание, уделяемое личности, и подход, в соответствии с которым суверенный народ состоит из личностей, обладающих «неотъемлемыми правами».

И, наконец, мы знаем, что социалисты всех направлений всегда выступали с позиций защиты потребностей и воли общества от тех действий государства, которые они считали деспотическими (и продиктованными классовыми интересами). Тем не менее, в равной степени важно подчеркнуть, что на практике все три идеологические течения выступали за реальное усиление государственной власти, эффективности процесса принятия решений и государственное вмешательство, что в совокупности составляло историческую траекторию развития современной миросистемы в XIX и XX столетиях. <...>

Печатается по изд.: *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003. С. 95–96, 96–98, 99–100.

Иэн Шапиро

Современный американский политолог, профессор кафедры политических наук Йельского университета.

Введение в типологию либерализма

Ключевые либеральные приверженности

Либерализм — это прежде всего идеология Просвещения. Этот факт находит свое отражение в том, что сторонники либерализма разделяют две обязательные основополагающие установки. Первая из них заключается в признании свободы личности наиболее значимой моральной и политической ценностью. И действительно, другие ценности часто имеют для либералов лишь инструментальное значение как средства достижения, расширения или поддержания данной свободы. Даже такой либерал-утилитарист как Дж. Ст. Милль принимал лишь те аспекты теории утилитаризма, которые, по его мнению, способствовали защите свободы личности. <...>

Другая установка — это непоколебимая вера либералов в способность науки постепенно разрешать социальные проблемы. Такая вера прослеживается на протяжении всей истории либерализма: ее можно найти и у Ф. Бэкона в XVII в., и у И. Бентама — в XIX в., и у Дж. Дьюи — в XX в. На протяжении этих веков либералы выказывали огромный оптимизм по поводу тех прогрессивных изменений, которые наука привнесет в организацию социальной и политической жизни.

Восходящие к Просвещению приверженности — к научному подходу в решении социальных проблем и к верховенству свободы личности над всеми остальными ценностями — с трудом уживаются друг с другом. Большинству научных подходов присущ детерминизм, и потому их использование ведет к подрыву (а в пределе — даже к отрицанию возможности) подлинной свободы. Различные либеральные мыслители по-разному пытались разрешить это противоречие. У Т. Гоббса, например, противоречащие друг другу установки были разведены: о свободной воле говорилось применительно к сфере моральной философии, в то время как научный детерминизм был отнесен к области психологии. Дж. Дьюи снимал упомянутое противоречие иным образом — путем демократизации идеи науки: каждый должен научиться решать свои проблемы по-научному. О. У. Холмс же полагал, что как только научные законы, определяющие деятельность общественных институтов, будут окончательно познаны, люди смогут от них освободиться, впервые за всю историю человечества обретя подлинную свободу, — это своеобразная либеральная версия гегелевской и марксовской концепции конца истории. Но каким бы образом тот или иной мыслитель ни пытался справиться с противоречием между описанными выше установками, отличительной чертой

либералов является преданность им обеим. Тот факт, что Руссо категорически отвергал присущую Просвещению приверженность научному прогрессу, свидетельствует о том, что он скорее относится не к либеральными мыслителям, а к досовременным романтикам.¹

Разновидности либерализма

Несмотря на наличие характерных ключевых приверженностей, либерализм предлагает множество вариантов их трактовки в собственно политической жизни. Выбор того или иного варианта зависит от конкретных путей разрешения противоречия между основными приверженностями, а также представлений о причинностных основах мирового устройства и других ценностных установок.

Позитивные и негативные либертарианцы

Отличительной особенностью одного из течений в либерализме является настороженное отношение к власти «других», особенно когда она осуществляется государственными институтами. В XIX в. подобная позиция наиболее отчетливо прозвучала в работе Дж. Ст. Милля «О свободе», ее современное толкование можно найти в трудах таких негативных либертарианцев, как И. Берлин, Ст. Холмс и Дж. Шкляр. Для приверженцев данного направления — иногда его называют «либерализмом страха» — свобода означает «свободу от...», требование, в первую очередь относящееся к государственным институтам, оставить человека в покое.

В то же время в либеральной традиции есть и позитивные либертарианцы, рассматривающие свободу в терминах, открывающих разнообразие возможностей условий, или как «свободу для...». Государство пугает их меньше, чем то, что могут сделать со свободой личности лишены какого-либо контроля извне гражданские и рыночные институты. «Нищие в равной степени свободны ночевать под парижскими мостами», — саркастически замечал А. Франс, отстаивая позитивную либертарианскую позицию в противовес негативной. С этой точки зрения, государство нередко может быть союзником в деле обеспечения большей свободы людей или, по крайней мере, в создании условий, при которых люди сами могут сделать себя свободными. Это относится как к области мирских дел, например, к выработке правил торговли (что в каких-то конкретных случаях может подавлять свободу конкретных индивидов, но в целом увеличивает свобо-

¹ Гоббс Т. Левиафан. Избранные произведения: В 2 т. М., 1965. Т. 2; Holmes O. W. The Common Law. Cambridge (Mass.), 1963; Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938.

ду всех), так и к тем сферам, где рынок бессилён. Позитивные либертарианцы часто испытывают не меньший страх перед организованной властью «других», чем негативные, но отличаются от последних тем, что для них не существует априорных причин бояться государства больше, чем других форм организованной власти. Они открыты для восприятия идеи о том, что государство вполне успешно может защищать индивида от различного рода более или менее организованных форм социальной и экономической власти. Эта разновидность либеральных воззрений о природе и роли государства нашла свое классическое выражение в гоббсовском «Левиафане», где сильное государство рассматривалось в качестве важнейшего условия поддержания минимального социального мира. В более сглаженной форме те же взгляды пронизывают аргументацию либеральных фабианцев XIX в. и испытавших на себе влияние Кейнса теоретиков нашего столетия. Несмотря на все отличия, мыслители подобного плана разделяют представление о том, что нерегулируемые социальные отношения в катастрофической степени анархичны и, как следствие, пагубны для человеческой свободы. Поэтому согласно позитивной либертарианской либеральной точке зрения государство должно взять на себя роль регулировщика, чтобы предотвратить или предупредить подобный исход.

По своим взглядам либеральные позитивные либертарианцы чем-то напоминают романтиков и социалистов, но в то же время отличаются от них. Хотя и те, и другие видят позитивную роль государства в обеспечении человеческой свободы, для первых это его косвенная обязанность, тогда как для вторых — прямая. По мнению либеральных позитивных либертарианцев, государство должно создавать условия, при которых индивиды могут пользоваться собственной свободой, и активно защищать их, когда эти условия оказываются под угрозой. Но в либеральном дискурсе нет аналога фразе Руссо о том, что «человека надо заставить быть свободным».

Широкое и узкое понимание политики

Другое измерение, по которому делятся либералы, определяется их представлениями о границах политического и, соответственно, о пределах полномочий государства. Классические либералы, такие как Дж. Локк, придерживались широкого взгляда на политику, относя к сфере политического определение прав собственности и их границ, основ социальной справедливости, а также регулирование религиозной практики. Но уже в XVII в. в либерализме имелась альтернативная традиция, развивавшая идеи Дж. Гоббса из второй части

«Левиафана», где он предостерегал монарха, убеждая ограничиться решением узко очерченного круга задач. Странники гоббсовского подхода пытаются возвести стену между политикой и «частной сферой», заключив политику в рамки того, что они называют «публичной сферой». Было приложено немало усилий, чтобы определить природу различий между «публичным» и «частным», но, как показывает весьма плодотворное обсуждение данной проблемы в главе I трактата Дж. Ст. Милля «О свободе», сделать это крайне сложно. <...>

У либералов нет принимавшегося бы всеми единого ответа на вопрос, нужно ли вообще отделять публичное от частного, и как это сделать. Мало кто из них согласился бы с тезисом о том, что политика охватывает собою все, — большинство стремится хоть в какой-то мере следовать старой поговорке: «дом англичанина — его крепость». Тем не менее лишь немногие либералы придерживаются сегодня точки зрения, что политикой называется только то, что проводится через государственные институты. Слишком много власти осуществляется в современном мире при посредстве частных и гражданских институтов, чтобы с этим можно было согласиться. Экономика, семья, гражданские объединения и т. п. — видимо, все это неизбежно является политическими институтами, вне зависимости от того, политизированы ли данные сферы, т. е. рассматриваются ли действующими в них людьми в качестве политических или нет. Как далеко должна зайти политизация гражданского общества — один из тех вопросов, который вызывает наибольшее число споров среди либералов, разделяя их на либертарианцев, вроде Р. Нозика, ратующих за минимальное государство, и тех, кто, оставаясь в рамках классически локкианской традиции, более расширительно трактует обязанности либерального государства.

Ресурсный подход и концепция субъективного благосостояния

Третье измерение, по которому делятся либералы, определяется шкалой ценностей, лежащей в основе их различающихся представлений о справедливом распределении. Согласно утилитаристской традиции, начало которой было положено И. Бентамом в XVIII столетии, полезность чего-либо для индивида определялась как удовольствие, или счастье. Предполагалось, что своими действиями индивиды максимизируют эту полезность, а на государство возлагалась обязанность обеспечить достижение «наибольшего счастья наибольшего числа людей». Хотя в рамках утилитаристской традиции имеется немало разногласий и ведутся постоянные споры относительно того, являются ли понятия «счастья» и «удовольствия» сино-

нимами и можно ли, не впадая в софизм, как охарактеризовал это явление Дж. Е. Мур, отождествить их с «полезностью», утилитаристы всех оттенков согласны с тем, что степень благоденствия того или иного индивида обусловлена в первую очередь его субъективным психологическим настроем.

Напротив, сторонники ресурсного подхода проявляют достаточно мало интереса к психологическому настрою индивидов, либо полагая, что ориентация на этот фактор не позволяет достичь справедливости в распределении, либо считая ее нравственно неприемлемой. Взамен они стремятся сфокусировать внимание государства на пакете базовых ресурсов, в которых, по их мнению, нуждаются все люди, вне зависимости от специфических субъективных вкусов и потребностей каждого отдельного индивида. Основное соображение, которым они при этом руководствуются, становится ясным из замечания Э. Сена, писавшего о том, что если мы озабочены справедливостью в распределении продовольствия, нас интересует, насколько сыты люди, а не сколь много «полезности» может извлечь из принятия пищи конкретный индивид. В отстаивании своей точки зрения, сторонники ресурсного подхода используют также прагматические доводы, доказывая, что было бы непредусмотрительно и опасно плодить надежды на то, что государство возьмет на себя заботу о субъективных переживаниях индивидов. Государство, с их точки зрения, должно быть скорее обеспокоено тем, чтобы определенные основные ресурсы, в которых нуждаются все люди, распределялись справедливо, оставив за каждым конкретным человеком возможность самому выбирать, как распорядиться этими ресурсами. Дж. Роулс, внесший наибольший вклад в возрождение интереса к ресурсному подходу в либеральной традиции, к числу основных ресурсов или «предметов первой необходимости» относил свободу, доход, благосостояние и социальные основы чувства собственного достоинства. У других адептов ресурсного подхода, таких как Э. Сен, Р. Дворкин и Дж. Коэн, понятие «основных ресурсов» имеет иное наполнение. Что у них общего, так это убежденность в том, что имеется некий базовый набор вещей, в которых мы все нуждаемся (скорее более, чем менее) вне зависимости от наших индивидуальных планов и жизненных целей. Таким образом, сторонники ресурсного подхода придерживаются плюралистического взгляда на человеческие цели и признают, что у людей могут быть различные устремления и ценности. Но они не плюралисты по отношению к средствам. Чтобы иметь возможность жить и процветать, любому человеку нужны определенного рода ре-

сурсы, считают они, и видят обязанность государства в том, чтобы обеспечивать справедливое распределение таких ресурсов либо посредством прямых действий с его стороны, либо с помощью регулируемых рыночных механизмов.

Альтернативные принципы распределения

Помимо разногласий относительно шкалы ценностей, лежащих в основе либеральных представлений о справедливом распределении, среди либералов есть расхождения и по вопросу о принципах справедливого распределения, идет ли речь о благосостоянии или ресурсах. Некоторые, такие как Р. Нозик, полагают, что распределение должно быть отдано на волю рынка за исключением тех крайне редких случаев, когда последний оказывается несостоятельным. Большинство же, однако, проявляет приверженность эгалитаризму того или иного рода; есть в их числе и такие, кто, подобно Э. Сэну, утверждает, что либеральную идею нельзя постигнуть вне идеи равенства. В то же время в понятие «равенства» зачастую вкладывается абсолютно различный смысл. Наиболее распространенным является противостояние концепций «равенства возможностей» и «равенства результатов». Первая концепция (ее иногда называют концепцией «равных стартовых условий» — *starting-gate conception*), постоянно использующая метафору о выравнивании «игрового поля», требует равенства распределения активов на старте: когда же он пройден, различиям в уровне таланта и интенсивности прилагаемых усилий, превратностям рынка и удачи и другим факторам должно быть позволено порождать неравенство. Иногда подобный подход обосновывается соображениями эффективности, но он отстаивается и как нравственный принцип: люди должны иметь право лишь на равный жизненный старт, а затем сами нести ответственность за то, как каждый распорядился своими талантами и способностями, «интернализировав издержки» собственных провалов.

В рамках либеральной традиции трудно найти сторонников действительного равенства результатов — те, кто отстаивает подобную точку зрения, относятся скорее к социалистам, чем к либералам. Тем не менее многие либералы отвергают и концепцию «равных стартовых условий», считая, что она не выдерживает сколько-нибудь серьезного анализа. Как правило, против нее выдвигаются аргументы двоякого рода. Первое возражение, сформулированное Дж. Роулсом, заключается в том, что концепция «равных стартовых условий» произвольна в нравственном отношении. Различия, позволяющие некоторым людям более эффективно, нежели другим, использовать рав-

ные для всех ресурсы — например, различия в уровне таланта — это следствие удачи в генетической «лотерее» или благоприятных социо-экономических условий, в которых человеку случилось родиться. Эти различия сами по себе не связаны с прилагаемыми тем или иным индивидом усилиями, и непонятно, почему одни должны быть вознаграждены, а другие наказаны неравенством, проистекающим из различий в таланте или способностях.

Это подводит нас ко второму возражению против концепции «равенства стартовых условий». Суть этого возражения состоит в том, что в концепции не определено, как далеко нужно зайти в уравнивании стартовых условий, чтобы действительно разровнять «игровое поле». Несомненно, зайти пришлось бы значительно дальше, чем к этому предрасположено большинство либералов и — чем это происходит в современной практике многих либеральных государств. <...>

Либералы, отвергающие концепцию «равных стартовых условий», одновременно склонны выступать и против идеи равенства результатов. С 1960-х гг. большинство западных либеральных проектов связано с поиском «серединного» подхода, который предполагал бы некие формы перераспределения, осуществляемого государством с тем, чтобы смягчить наихудшие проявления порождаемого рынком неравенства, но при этом признавал бы необходимость сохранения многих видов неравенства, являющихся неизбежным следствием действия рыночной системы. Возможно, как это доказывал Бентам еще много лет тому назад, для создания стимулов к экономическому росту действительно необходимо неравенство, но государство должно нести ответственность за наиболее тяжкие для людей издержки этого процесса. Потому такие либералы, как Дж. Роулс, и настаивают на том, что неравенство следует допускать при условии, что оно работает на благо наименее преуспевающих слоев общества; однако для достижения этой цели на государство должна быть возложена обязанность в случае необходимости осуществлять перераспределение посредством налогообложения. Это — один из классических аргументов в пользу государства всеобщего благосостояния, который приводится либералами со времен Локка и который, по-видимому, будет выдвигаться и в дальнейшем. Пытаясь его опровергнуть, приверженцы свободного рынка обычно ссылаются на то, что в связи с имманентно присущими ему пороками внутренней организации и бюрократизмом, государство не способно рациональным образом достичь поставленной перед ним ограниченной цели, так что лекарство окажется страшнее самой болезни. Это утверждение спорно, и в лю-

бом случае в нем не содержится решения той проблемы, на которую пытается ответить государство всеобщего благосостояния. Поэтому, вероятно, либералы различных направлений будут продолжать поиски обоснований необходимости соблюдения определенной доли равенства, а также механизмов его достижения в рамках современной рыночной экономики.

Печатается по изд.: *Шapiro И.* Введение в типологию либерализма // Полис. 1994. № 3. С. 7–12.

КОНСЕРВАТИЗМ

Эдмунд Бёрк (1729–1797)

Эдмунд Бёрк, известный британский политик и публицист, один из основоположников консерватизма родился в Ирландии (в г. Дублине), входившей в то время в состав Британской империи. Его отец — адвокат, католик, перешедший в протестантскую веру (католикам запрещалось тогда заниматься адвокатской практикой), а мать осталась католичкой. Э. Бёрк получил юридическое образование, но не пошел по стопам отца, а занялся публицистикой. С 1759 г. — в политике. В 1776 г. Э. Бёрк становится членом парламента от партии вигов и занимает это место вплоть до 1794 г.

Однако с развитием французской революции, и особенно после якобинского террора, Бёрк отходит от либеральных идей. Он осуждает крайности французских революционеров, их попытки сокрушить основополагающие общественные институты, политическую систему. Он отрицает абстрактные рассуждения либералов о свободе, равенстве и братстве, считает их оторванными от жизни и ведущими к анархии, а затем — к тирании.

Размышления о революции во Франции

<...> Английский народ прекрасно понимает, что идея наследования обеспечивает верный принцип сохранения и передачи и не исключает принципа усовершенствования, оставляя свободным путь приобретения и сохраняя все ценное, что приобретается. Преимущества, которые получает государство, следуя этим правилам, оказываются схваченными цепко и навсегда. В соответствии с конституцией, выработанной по подобию законов природы, мы получаем, поддерживаем и передаем наше правительство и привилегии точно так же, как получаем и передаем нашу жизнь и имущество. Политические институты, блага фортуны, дары Провидения переданы потомству, нам и для нас в том же порядке и в той же последовательности. Наша политическая система оказывается в точном соответствии с мировым порядком, она существует по правилам, предписанным для функционирования постоянного органа, состоящего из временных частей, этот порядок по закону великой, поразительной мудрости предусматривает слияние воедино огромных таинственных челове-

ческих рас, которые по неизменному закону постоянства стремятся вперед в общем процессе вечного угасания, гибели, обновления, возрождения и нового движения. Так универсальный закон природы преломился в жизни государства, в котором мы усовершенствуем то, что никогда не бывает полностью новым, и сохраняем то, что никогда полностью не устаревает. Придерживаясь таких принципов по отношению к предкам, мы ведомы не древними предрассудками, а идеей философской аналогии. Принимая престолонаследие, мы основываем правление на кровных связях, а законы страны увязываем с семейными узами и привязанностями, храня в памяти с любовью и милосердием наше государство, домашние очаги, могилы предков и алтари. <...>

Правительство создается не для защиты естественных прав человека, которые могут существовать и существуют независимо от него, сохраняя свое в высшей степени абстрактное совершенство; но это абстрактное совершенство — их практический недостаток. Имея право на все, люди хотят получить все. Государство — это мудрое изобретение человечества, предназначенное для обеспечения человеческих желаний. Люди имеют право на то, чтобы эта мудрость была направлена на удовлетворение их потребностей, но государство требует, чтобы они сдерживали свои страсти и желания. Общество требует не только ограничения потребностей индивидуумов, но чтобы и в массе посягательства людей пресекались, их воля управлялась, а страсти сдерживались. Все это возможно только при наличии Власти, стоящей вне их, которая при выполнении своих функций не будет подвержена тем же страстям и желаниям, которые сама обязана подавлять и подчинять. В этом смысле ограничение так же, как свобода, должно быть включено в число прав человека. <...>

Как видите, сэр, в этот век Просвещения мне хватило смелости признаться, что мы люди, обладающие естественными чувствами, что вместо того, чтобы отбросить все наши старые предрассудки или стыдиться их, мы их нежно любим именно потому, что они предрассудки; и чем они старше и чем шире их влияние, тем больше наша привязанность. Мы боимся предоставить людям жить и действовать только своим собственным умом, потому что подозреваем, что ум отдельного человека слаб и индивидууму лучше черпать из общего фонда, хранящего веками приобретенную мудрость нации. Многие из наших мыслителей вместо того, чтобы избавляться от общих предрассудков, употребляют все свои способности на обнаружение скрытой в них мудрости. Если они находят то, что ищут (их ожидания

редко оказываются обманутыми), то считают, что умнее сохранить предрассудок с заключенной в нем мудростью, чем отбросить его «одежку» и оставить голую истину. Предрассудки полезны, в них сконцентрированы вечные истины и добро, они помогают колеблющемуся принять решение, делают человеческие добродетели привычкой, а не рядом не связанных между собой поступков.

Мы знаем, более того, мы чувствуем душой, что религия — основа гражданского общества, источник добра и утешения. <...>

Мы знаем и гордимся знанием, что человек религиозен изначально; что атеизм противен не только нашему разуму, но и нашим инстинктам. <...>

<...> В отличие от тех, кто враждебно относится к привычным для всех государственным институтам, мы к ним чрезвычайно привязаны, мы остались им верны. Мы решили поддержать церковь, монархию, аристократию, демократию такими, как они существуют, ничего не добавляя. <...>

Мы освящаем государство, чтобы избежать всех опасностей, связанных с непостоянством и неустойчивостью; мы освящаем его, чтобы один человек не осмелился слишком близко подойти к изучению его недостатков, не приняв предварительно достаточные меры предосторожности; чтобы никому не пришло в голову, что реформы следует начинать с общего переворота; чтобы к ошибкам государства относились с таким же благоговением и трепетом, как к ранам отца. <...>

Общество — это действительно договор, но договор высшего порядка. Его нельзя рассматривать как коммерческое соглашение о продаже перца, кофе и табака или любой подобный контракт, заключенный из практической выгоды или для осуществления незначительных, преходящих интересов, который может быть расторгнут по капризу одной из сторон. Государство требует уважения, потому что это — объединение, целью которого не является удовлетворение животных потребностей или решение ничтожных и скоротечных задач. Это общество, в котором должны развиваться все науки и искусства, все добродетели и совершенства. Такая цель может быть достигнута только многими сменяющимися друг друга поколениями — поэтому общественный договор заключается не только между ныне живущими, но между нынешним, прошлым и будущим поколениями. <...>

Бог, который сотворил нас для совершенствования в добродетелях, своей волей создал и необходимое условие для этого — государство и пожелал связать его с высшим источником и архетипом всякого совершенства. <...>

Мы рассматриваем церковь как нечто присущее, главное для государства, а не как нечто добавленное к нему для удобства, что можно легко отделить от него, отбросить или сохранить в зависимости от сиюминутных идей или настроений. Мы считаем ее фундаментом всего государственного устройства, с каждой частью которого она состоит в нерасторжимом союзе. Церковь и государство в наших представлениях неделимы, и редко одно упоминается без другого.

Наше образование построено так, что подтверждает и закрепляет этот принцип — оно практически полностью находится в руках церковников, и это действительно для всех ступеней обучения — от раннего детства до возмужания. <...>

<...> История открывает нам свою книгу, которая должна сделать нас мудрее, которая предлагает нам избегать несправедливости и прежних ошибок, совершенных человечеством. Но если ее извращать и использовать как склад оружия, как средство, воскрешающее распри и злобу, то она становится горючим, которое подбрасывают в огонь гражданской нетерпимости. В большей своей части история рассказывает о несчастьях, которые принесли в мир гордость, честолюбие, скупость, мстительность, похоть, соблазн, лицемерие, неуправляемые страсти. Эти пороки являются причинами всех бурь. Религия, мораль, законы, прерогативы, привилегии, свободы, права человека — это предлоги. <...>

Когда люди вели определенный образ жизни и делали это в рамках существующих законов, которые защищали их занятия как легитимные, когда они сообразовали с ними все свои мысли, привычки, обычаи, их репутация основывалась на соблюдении определенных правил, а отклонение от них несло с собой бесчестие и даже наказание. Я уверен, что несправедливо новым законодательным актом вынуждать их отказаться от привычного положения и условий жизни и клеймить стыдом и позором те обычаи и привычки, которые ранее являлись для них мерилom чести и благополучия. Если к этому добавить выдворение из своих жилищ и конфискацию всего имущества, то я не возьмусь определить, чем этот деспотический акт, совершенный над чувствами, сознанием, привычками и имуществом людей, отличается от абсолютной тирании. <...>

Осторожность, осмотрительность, нравственность были руководящими принципами наших праотцов даже в момент самых решительных действий. Давайте подражать их осторожности, если мы хотим удержать полученное наследство, и, стоя на твердой почве британской конституции, удовлетворимся восхищением и не бу-

дем пытаться подражать безнадежным полетам французских аэронавтов.

Печатается по изд.: *Бёрк Эдмунд*. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. С. 52, 71, 86, 88, 89, 90, 91–92, 113, 116, 143.

Гюнтер Рормозер

(род. 1938)

Современный немецкий политолог консервативного направления, профессор Штутгартского университета.

Кризис либерализма

Крах идеологий и их мировоззрений. Возвращение религии как политический фактор

Либерализм идентичен в принципе по постановке целей марксизму и социализму. Различия между ними существуют лишь в методах достижения цели. Марксизм обрел свою значимость в XIX в. прежде всего благодаря тому, что Карл Маркс сравнил действительность, созданную либерализмом, со всеми его обещаниями, т. е. с утопиями, и пришел в результате к убийственному выводу, что естественный ход экономического процесса отнюдь не приведет человечество к бесклассовому обществу равных и свободных граждан. Это могла бы сделать только революция, которая должна использовать верный рычаг, устранив частную собственность на средства производства. Маркс и Энгельс понимали социализм не как утопию, а как науку. Сегодня же речь идет более об утопическом социализме, об идее социализма. Вчерашние социалисты вроде Йошки Фишера, политика партии «зеленых», признаются, что модели социализма, которую можно было бы оперативно претворить в действительность, более не существует.

За отношением социализма к утопии и скрывается вопрос решающего значения. Ибо нельзя отрицать, что Карл Маркс исходил в своем мышлении из великого философского наследия Просвещения, из новейших теорий политэкономии и из философии немецкого идеализма. Проблемы современного общества в целом он понимал как проблемы отчуждения индивида и общества, противоречий между индивидуальными и общими интересами.

С крушением социализма предметом дискуссии становится судьба эпохи Нового времени в целом. Социализм — не один из многих кризисных феноменов этой эпохи, а нечто большее: это воплощение самой логики эпохи Нового времени в целом.

Возникает вопрос: может ли эпоха Нового времени дать после крушения социализма еще какой-то ответ в отношении перспектив будущего, который воодушевил бы людей? Где взять духовные силы для будущего и какие именно силы? — этот вопрос остается открытым. Или можно поставить вопрос совсем просто: что составляет теперь цель, если социализм перестал быть целью?

Что вообще означает социализм, если не обобществление собственности на средства производства? Мы называем социализмом общество, основанное на принципе солидарности, а также миролюбивое общество. Социалистическим мы называем все, что нам хотелось бы иметь. В этом смысле почти все влиятельные политические силы неизменно остаются при прежней цели — стремлении к осуществлению социализма, пусть и по сниженной цене и в урезанном виде, что касается экономической основы.

Подлинный вызов времени состоит именно в этом: если не социализм, то что тогда? Что должно занять место социализма?

Если почитать последнюю книгу Хайнера Гайсслера, известного деятеля партии ХДС, представителя ее либерального крыла, то можно найти в этой книге все, что обещал социализм. Обоснование дается не марксистско-ленинское, а со ссылками на христианский образ человека, представленный автором в весьма сомнительном виде и в собственной интерпретации. В книге говорится о том, что мы можем достичь свободы и равенства для всего человечества, устранить нужду и нищету во всем мире и что социальное государство ФРГ отлично подходит для того, чтобы помочь наиболее нуждающимся людям на планете. Однако если мы трезво взглянем на происходящие в мире события, станет ясно, что все это не что иное, как мечтательные пожелания и идеологические призывы. Политику невозможно заменить морализированием.

Так что же должно занять место социализма после его крушения? Я вновь хотел бы напомнить о словах Маркса, что первой формой критики должна быть критика религии. Надо отдать должное Марксу: в этой оценке роли и значения религии он далеко превосходит большинство своих нынешних критиков или бездумных соратников, мыслящих только социально-экономическими категориями. Карл Маркс никогда не считал, что можно подавить религию путем разо-

блечения ее идеологического характера. Нет, он был того мнения, что теоретически религию упразднить вообще невозможно.

Даже предпринятая всеми возможными средствами попытка устранения христианства посредством теоретического разъяснения, какие мрачные источники породили его, ничего не меняет в том отношении, считал Маркс, что конец религии — дело не религии, а практики. Если не устранить революционным путем социальные корни самоотчуждения человека, то мир всегда будет оставаться раздвоенным или даже отчужденным. Во всяком случае, в условиях отчуждения, раздвоения, просто страданий потребность в религии неустранима.

Что из этого следует? Следует отсюда, быть может, самое важное для нас понимание природы социализма, потерпевшего ныне крушение: там, где социализм утверждался как официальная власть, он всегда брал на себя роль религии и выполнял все ее функции. Социализм достиг своего положения не в результате критики капитализма. Какое впечатление могла произвести критика капитализма в ФРГ в шестидесятые или семидесятые годы? Цель марксизма, полная интеграция рабочих в так называемое капиталистическое общество, была достигнута. Немецким рабочим никогда еще в истории рабочего класса не жилось так хорошо, как в условиях социальной рыночной экономики, созданных после 1945 г. Нигде не было такой совершенной государственной системы социальной безопасности. Обо всем этом народные массы в социалистических странах могли только мечтать.

Утвердился социализм исключительно благодаря своей способности принять на себя функции религии. Социализм был эрзац-религией. Он принял облик религии, заняв место старой, христианской религии. Основу составляла попытка осуществить царство, обещанное в потустороннем мире, прямо здесь, на земле и земными средствами. Конкретно речь шла об осуществлении великой мессинской надежды. Религиозные корни марксизма восходят скорее даже к иудаизму, чем к христианству.

Для России, к примеру, основной вопрос будет состоять в том, сможет ли занять место этой религии социализма возрожденное наследие православного христианства. Преодоление нравственного разложения невозможно в России без религии. Поэтому восстановление соответствующего облика православного христианства имеет решающее значение для будущего России.

Идеологический вакуум возникает и на Западе. Если будут по-прежнему отсутствовать духовные ориентации и продолжаться рас-

пад христианской веры, это грозит эрозией обществу в целом, поскольку исчезают интегративные силы.

Поэтому нам необходим духовный поворот. Минимальной целью его было бы ослабить почти тотальную зависимость политики от экономики и от партикулярных притязаний общественных групп, от давления с их стороны. Место отработанных идеологий постепенно занимает во всем мире религия. Важнейшим примером возвращения религии, в том числе и как политического фактора, можно назвать возрождение ислама. В различных регионах мира ислам уже стал силой, определяющей расстановку политических сил. Общее соотношение сил на мировой политической арене существенно изменяется.

Религия возвращается не просто в политику, она возвращается в мировую политику. Нам нужно задуматься над тем, готовы ли мы к этой новой ситуации, когда религия становится политическим фактором. Наше политическое мировоззрение остается в плену старых, отживших представлений и образов. Нам не хватает языка и категорий, чтобы воспринять и оценить происходящие перемены.

В самой Германии мы переживаем за последнее десятилетие невероятное ускорение процесса дехристианизации. Это не означает, что христианство вообще исчезает. Под вопросом оказывается состояние и судьба нашей культуры, иначе говоря историческое влияние и значимость христианства. Вся наша культура, в том числе и понятие социального прогресса, возникла из христианского наследия. Даже эпоха Нового времени и Просвещение уходят корнями в христианство.

Тезис мой состоит в том, что с утратой понимания роли христианства в создании и становлении нашей культуры будет исчезать и сама эта культура. Классический либерализм тоже не продержится долго, если погибнут его теологические корни, идущее от Лютера разделение властей между государством и церковью, учение о различии между политикой и религией.

Что же займет место либерализма? Этого никто точно не знает, но можно себе приблизительно представить, куда идет дело, наблюдая дискуссии о мультикультурализме. Такая дискуссия была бы немыслима в обществе с какой-либо другой религией, кроме христианства. Я вспоминаю о том, как во время войны в Персидском заливе жители Саудовской Аравии не хотели принимать грузовики Красного Креста, потому что на машинах было изображение креста. Туда срочно прибыли американцы, чтобы спасти местных жителей от чрезвычайной опасности, но на машинах Красного Креста они не могли про-

ехать, так как для жителей Саудовской Аравии сам вид креста невыносим.

На Западе совсем другая картина. Именно в Риме была открыта недавно одна из самых крупных мусульманских мечетей, словно это нечто совершенно само собой разумеющееся. Можно ли представить себе, чтобы в каком-нибудь государстве, переживающем возрождение ислама, было возможно основать христианскую церковь или построить хотя бы самый скромный храм?

Нашу дискуссию о мультикультурализме можно понять только на фоне происходящей всеобщей дехристианизации. Нигилизм и индифферентность проникли в немецкое общество настолько глубоко, что всякого, кто настаивает на своих убеждениях, клеймят как фундаменталиста. Либеральность понимается как принципиальная всеядность. Но если либерализм приведет к полному релятивизму и если мы в нашем нейтральном отношении к ценностям достигнем уровня Веймарской республики, то не следует ожидать готовности граждан приносить какие-либо жертвы ради защиты нашей системы.

У нас появляется все больше оснований говорить о наступающем конце исторической эпохи христианства. Никогда еще дехристианизация общества не заходила так далеко, как сегодня. Христианская вера потеряла влияние, позволявшее ей участвовать в определении и формировании истории, а тем самым судьбы человечества.

Мы не должны забывать о том, что христианство было и остается основой и предпосылкой также и либерализма. Либерализм, правовое государство, успешная рыночная экономика продержатся у нас до тех пор, пока мы храним это христианское наследие и черпаем духовные силы, обращаясь к христианским корням нашей культуры. Иначе капитализм логикой своего собственного развития разрушит этос, из которого он возник. Последние оплоты западноевропейского рационализма, которые тоже христианского происхождения, окажутся под угрозой. Либеральному порядку и его основам грозит потрясение.

Печатается по изд.: *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М., 1996. С. 203–207.

АНАРХИЗМ

Пьер Жозеф Прудон (1809–1865)

Пьер Жозеф Прудон — французский экономист, философ и политолог, один из основоположников анархизма, родился в семье ремесленника. В молодости был наборщиком, затем хозяином небольшой типографии. Разорившись, работал секретарем. Постоянно занимался самообразованием. После революции 1848 г. некоторое время был депутатом Национального собрания. Как политик, публицист и мыслитель занимал непримиримую леворадикальную позицию. В своих работах «Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти» (1840), «Бедность как экономический принцип», «Система экономических противоречий или философия нищеты» (1846) он утверждал, что «собственность это кража», что «на основе собственности невозможно никакое правительство», экономическая и политическая система, что будущее коммунистическое общество неизбежно будет безгосударственным обществом равенства мелких ремесленников. В этом, т. е. в уничтожении государства и собственности, по мнению Прудона, и состоит идеал равенства и свободы, освобождение личности.

Что такое собственность?

Или исследование о принципе права и власти

Определение третьей формы общества. Выводы

Итак, на основе собственности невозможно никакое правительство, никакое общественное хозяйство, никакая администрация.

Общность (коммунизм) стремится к равенству и к закону; собственность, порожденная автономией разума и чувством личного достоинства, стремится прежде всего к независимости и пропорциональности.

Но коммунизм, приняв однообразие за закон и уравнение за равенство, становится несправедливым и тираническим; собственность, благодаря своему деспотизму и своим вторжениям, скоро оказывается стеснительной и антиобщественной.

То, чего хотят коммунизм и собственность, хорошо, к чему они оба ведут, дурно. Почему? Потому что и тот и другая исключительны и не признают, каждый со своей стороны, двух элементов общества.

Коммунизм отрицает независимость и пропорциональность, собственность же не удовлетворяет требованиям равенства и закона.

И вот если мы себе представим общество, покоящееся на этих четырех принципах: равенстве, законности, независимости и пропорциональности, то мы найдем:

- ◆ что равенство, заключающееся только в равенстве условий, средстве, но не в равенстве благосостояния, которое при равных средствах должно быть делом рук рабочего, нисколько не нарушает справедливости;
- ◆ что закон, выведенный из знакомства с фактами и, следовательно, опирающийся на необходимость, никогда не вредит независимости;
- ◆ что обоюдная независимость индивидуумов, или автономия личного разума, вытекающая из различия талантов и способностей, без опасности может существовать в пределах законов;
- ◆ что пропорциональность, осуществляемая только в сфере ума и чувства, но не в сфере материальных благ, может быть соблюдаема без нарушения социального равенства и справедливости;

Эту третью форму общества, синтез общности и собственности, мы назовем свободой.

Дать успешное определение свободы мы могли бы, следовательно, только отделив коммунизм от собственности, в противном случае это было бы нелепым эклектизмом. Мы найдем путем аналитического метода, что в каждом из этих двух явлений есть истинного, соответствующего требованиям природы и законам общественности, мы исключим из них все враждебное последним и в результате получим выражение, адекватное естественной форме человеческого общества, иными словами — свободу.

Свобода есть равенство, ибо свобода возможна лишь при социальном строе, а социальный строй, общество невозможно без равенства.

Свобода есть анархия, безвластие, ибо она не признает власти воли, но только власть закона, т. е. необходимости. <...>

Я исполнил задачу, которую я себе поставил: собственность побеждена, она никогда не оправится от моих ударов. Всюду, куда бы ни проникла эта книга, проникнет также и зародыш смерти собственности; всюду, где она появится, привилегии рабства, рано или поздно, погибнут, деспотизм воли уступит место царству разума. Никакие софизмы, никакие даже самые упорные предубеждения не могут устоять перед простотою этой аргументации. <...>

Необходимыми условиями торговли являются: свобода вступающих в сделку лиц и равноценность обмениваемых продуктов; но так

как ценность вещи выражается в сумме времени и затрат, которых она стоила, и так как свобода ненарушима, то награждение рабочих, так же как их права и обязанности, равно для всех. <...>

Свободная ассоциация, свобода, довольствующаяся охраной равенства средств производства и равноценности обмениваемых продуктов, есть единственная справедливая, истинная и возможная форма общества.

Печатается по изд.: Прудон П. Ж. Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время. М., 1998. С. 196–197, 200, 201.

Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921)

Петр Алексеевич Кропоткин — русский анархист и профессиональный революционер — родился в Москве в княжеской семье генерал-майора. Окончил Пажеский корпус (1862). Некоторое время занимался исследованием Дальнего Востока и создал теорию ледникового периода. В 1872 г. выехал в Европу, где изучал социалистические теории. Вступил в I Интернационал, где примкнул к Юрской секции, выражавшей взгляды романской части Швейцарии и придерживавшейся теории анархического социализма. По возвращении в Россию примкнул к народникам и был арестован по делу «чайковцев» (1874). Бежал из-под следствия и эмигрировал в Европу, где после смерти Прудона (1865) и Бакунина (1876) стал наиболее авторитетным теоретиком анархизма. В своих работах «Речи бунтовщика» (1885), «Хлеб и воля» (1892), «Современная наука и анархия» (1892), «Поля, фабрики и мастерские» (1898), «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1902), «Великая французская революция» (1909) он развивает идеи коллективистского анархизма, ставя на первое место среди факторов эволюции общества социальный закон взаимопомощи, солидарности людей. Но справедливости, свободы и равенства только с помощью эволюционного развития, т. е. постепенного совершенствования науки, промышленности, социального и нравственного прогресса, добиться невозможно. Необходимы, по мнению Кропоткина, социальные революции, которые кардинально и скачкообразно изменяют положение классов. Коммунистическая революция уничтожит классовое государство и установит анархию или

федерацию — безгосударственное, бесклассовое, «безначальное» общество, в котором все вопросы производства, обмена, потребления будут решать свободные общины. В этом суть основного теоретического построения Кропоткина — концепции анархического коммунизма.

Современная наука и анархия

I. Происхождение анархии

<...> Как и социализм вообще и как всякое другое общественное движение, анархизм родился среди народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу только до тех пор, пока он будет оставаться народным.

Во все времена в человеческих обществах сталкивались в борьбе два враждебных течения. С одной стороны, народ, народные массы вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной, — чтобы поддержать мир, улаживать ссоры и оказывать друг другу помощь во всем, что требует соединенных усилий. Родовой быт у дикарей, затем, позднее, сельская община и, еще позднее, промышленная гильдия и средневековые вольные города — республики вечаевого строя, которые положили первые основания международного права, — все эти и многие другие учреждения были выработаны не законодателями, а творческим духом самих народных масс.

С другой стороны, во все времена существовали колдуны, маги, вызыватели дождя, оракулы, жрецы. Они были первыми обладателями знания природы и первыми основателями различных религиозных культов (культ солнца, сил природы, предков и т. д.), так же как различных обрядностей, помогавших поддерживать единство союзов между отдельными племенами. <...>

Наконец, были также временные начальники боевых дружин, владевшие, как предполагалось, колдовскими чарами, при помощи которых они могли обеспечить победу; они владели также тайнами отравления оружия и другими военными секретами.

Эти три категории людей всегда, с незапамятных времен составляли между собой тайные общества, чтобы сохранять и передавать следующему поколению (после долгого и тяжелого периода посвящения) тайны их специальностей; и если иногда они боролись друг с другом, они всегда кончали тем, что приходили к взаимному соглашению. Тогда они спланивались между собой, вступали в союз и поддерживали друг друга, чтобы господствовать над народом, держать

его в повиновении, управлять им — и заставлять его работать на них. Очевидно, что анархизм представляет собой первое из этих двух течений — т. е. творческую созидательную силу самого народа, вырабатывавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства. Именно силою народного творчества и народной созидательной деятельности, опирающейся на всю мощь современной науки и техники, анархизм и стремится теперь выработать учреждения, необходимые для обеспечения свободного развития общества, — в противоположность тем, кто возлагает всю свою надежду на законодательство, выработанное правительством, состоящим из меньшинства и захватившим власть над народными массами при помощи суровой жестокой дисциплины.

В этом смысле анархисты и государственники существовали во все времена истории. <...>

<...> Анархизм родился из того же протеста, критического и революционного, из которого родился вообще весь социализм. Только некоторые социалисты, дойдя до отрицания капитала и общественного строя, основанного на порабощении труда капиталом, остановились на этом. Они не восстали против того, что составляет, по нашему мнению, истинную силу капитала, — государства и его главных оплотов: централизации власти, закона (составленного всегда меньшинством и в пользу меньшинства) и суда, созданных главным образом ради защиты власти и капитала.

Что касается анархизма, то он не останавливается на одной критике этих учреждений. Он поднимает свою святотатственную руку не только против капитала, но также против его оплотов: государства, централизации и установленных государством законов и суда.

X. Анархия

<...> Первым изложил политические и экономические положения анархизма англичанин Уильям Годвин в 1793 г. в своем «Исследовании относительно Политической Правды и ее влияния на общую нравственность и счастье». Он не употреблял слова анархия, но очень хорошо излагал ее основные положения, нападая на законы, доказывая ненужность государства и говоря, что только с уничтожением судов будет достигнуто настоящее правосудие — единственное настоящее основание всякого общества. Что касается собственности, то он прямо требовал коммунизма.

Прудон первый употребил слово «анархия» в смысле общественного строя без правительства и первый подверг строгой критике

тщетные усилия людей дать себе правительство, которое мешало бы богатым угнетать бедных и вместе с тем оставалось бы под контролем управляемых. <...>

Прудон был врагом всяких форм государственного социализма; коммунисты же того времени (30–40-х гг. XIX в.) являлись одною из разновидностей государственного социализма; а потому Прудон беспощадно разбирал и отрицал все планы подобной революции. <...>

В Соединенных Штатах то же направление было представлено Джошуа Уорреном (Joshua Warren), который, бывши сначала членом колонии Оуэна «Новая Гармония», сделался противником коммунизма и основал в 1826 г. в Цинциннати «склад», где продукты обменивались на основании ценности, измеряемой часами труда и «чеками труда» (трудовыми марками). Подобные учреждения существовали еще в 1865 г. под названием справедливых складов, справедливых домов и справедливых деревень.

Ту же мысль об обмене произведенных полезностей, измеряя ценность каждой из них количеством труда, потребного для ее производства, проповедовали в Германии в 1843–1845 г. Моисей Гесс и Карл Грюн, а в Швейцарии — Вильгельм Марр. Они, таким образом, боролись против учения о государственном коммунизме, которое проповедовал Вейтлинг в своих кружках, очевидно, являвшихся преемниками французских последователей Бабёфа (бабувистов).

С другой стороны, в Германии, в противовес государственному коммунизму Вейтлинга, находившему довольно многочисленных сторонников среди рабочих, один немецкий гегелианец, Макс Штирнер (его настоящее имя было Иоанн Каспар Шмидт), опубликовал в 1845 г. свою работу «Единственный и его достояние», которая несколько лет тому назад была, так сказать, вновь открыта Маккаем (Маскау) и произвела большой шум в наших анархических кругах, где некоторые смотрели на нее как на своего рода манифест анархистов-индивидуалистов.

Работа Штирнера представляет собой возмущение против государства и новой тирании, которая установилась бы, если бы государственному коммунизму удалось восторжествовать. Рассуждая как истый метафизик-гегельянец, Штирнер проповедовал возрождение человеческого «Я» и «Главенство» отдельной личности. Таким образом он приходил к проповеди «а-морали», т. е. отсутствия нравственности, и «сообщества эгоистов». <...>

Печатается по изд.: *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 244–246, 248–249, 292–293.

Даниэль Герен (1904–1988)

Французский политолог анархистского направления (сам он себя называл либертаристом), один из организаторов так называемой «революции 1968 г.».

Анархизм

Смотря как сказать

Слово «анархия» старо как мир. Оно составлено из греческих слов αν (ан) αρχе (архе) и означает отсутствие централизованной власти, правительства. Тысячелетиями, однако же, считалось, что человеку обязательно требуется либо одно, либо другое, и под анархией в чисто отрицательном смысле понимались беззаконие, хаос и смута.

Пьер Жозеф Прудон, известный своими парадоксами (такими, например, как «частная собственность — это воровство»), не обошел своим вниманием и слово «анархия». Как будто задавшись целью шокировать, в 1840 г. он опубликовал такой диалог с «Филистимлянином»:

«— Вы — республиканец.

— Да, республиканец, ну и что? Res publica означает “государство”; таким образом, выходит, что и короли — республиканцы!

— А, так вы — демократ!

— Нет.

— Как! Может, вы монархист?

— Нет.

— Конституционалист?

— Упаси Бог.

— Тогда вы — аристократ?

— Вовсе нет!

— Значит, вы выступаете за смешанную форму правления?

— Это еще дальше от истины.

— Тогда кто же вы?

— Я — анархист».

Иногда, дабы сбить со следа толпы своих идеологических противников, он писал слово «анархия» как «ан-архия» и под этим термином подразумевал все что угодно, но только не беспорядок. Как мы увидим, несмотря на кажущуюся противоречивость, Прудон был скорее созидателем, нежели разрушителем. Он полагал, что ответственность за разлад и беспорядок несет правительство и что только в обществе, лишенном правительства, возможно восстановить есте-

ственный порядок вещей и достичь социальной гармонии. Прудон утверждал, что в языке нет термина более подходящего для обозначения такого состояния, чем «анархия», и что этому слову следует вернуть его исходное и строго обоснованное этимологически значение. Удивительно, впрочем, что в полемическом пылу он упрямо и настойчиво использовал это слово вдобавок еще и в отрицательном смысле — как обозначение беззакония и хаоса, таким образом внося еще большую неразбериху в и без того запутанную терминологическую систему. В этом отношении его ученик Михаил Бакунин пошел по стопам своего учителя.

Сознательно не делая явных различий между двумя ипостасями этого термина, Прудон и Бакунин извлекали извращенное удовольствие из игры с определениями. Для них анархия означала как высшую степень неорганизованности, колоссальный общественный разлад, так и следующую за ним стадию развития общества — строительство нового стабильного и рационального порядка, в котором приоритет был бы отдан свободе и добровольному единению.

Непосредственные последователи двух отцов-основателей анархии не хотели использовать настолько эластичное слово, ведь для непосвященных оно несло бы лишь отрицательный заряд и само по себе способствовало бы возникновению раздражающей терминологической путаницы на пустом месте. Даже сам Прудон к концу своей недолгой карьеры стал более осторожен и принялся называть себя «федералистом». Его мелкобуржуазные последователи предпочитали термину anarchisme (анархизм) слово mutuellisme (мютюэлизм — от слова mutuel «взаимный»); в социалистической линии наследования принято было название collectivisme (коллективизм), позже уступившее место термину socialisme (социализм). В конце XIX в. во Франции Себастьян Фор выбрал для названия своего журнала слово, придуманное в 1858 г. неким Жозефом Дежаком, — «Le Libertaire» («Либертарианец»); сегодня термины «анархист» и «либертарианец» стали вполне взаимозаменяемы.

Однако большинство этих названий страдает вполне определенным недостатком: они недостаточно точно передают суть тех доктрин, которые призваны характеризовать. Слово «анархизм» на самом деле синонимично слову «социализм», ведь анархист — это социалист, чьей приоритетной задачей является устранение эксплуатации человека человеком. Анархизм — лишь одно из течений социалистической мысли, такое, в котором главным является стремление к свободе и желание отменить государство. <...>

Некоторые анархисты считают себя наиболее логичными социалистами, цветом этого движения, но они либо добровольно навесили на себя такой же ярлык, как и террористы, либо позволили это сделать другим. Из-за этого их нередко принимают за своеобразное инородное тело в социалистическом семействе, что в свою очередь приводит к зачастую бесполезным словесным баталиям и длинной череде недопониманий. Многие современные анархисты попытались разрешить это недоразумение путем отождествления себя с либертарианским социализмом или коммунизмом.

Внутреннее восстание

В первую очередь анархизм — это внутреннее восстание. Анархист — это революционер, целиком отрицающий как существующее общество, так и его хранителей. Макс Штирнер утверждал, что анархист освобождает себя от всего священного и производит масштабную операцию по снятию священного ореола. Эти «бродяги от интеллекта», эти «плохие люди» «отказываются принять за правду, пусть неосязаемую, те вещи, в которых тысячи находят себе отдушину и утешение, а вместо того перескакивают через барьеры традиций и дают неограниченную свободу своей дерзкой критике».

Постоянная неудовлетворенность существующим положением вещей роднит анархиста с нонконформистами и отступниками и позволяет ему понять осужденного и парию. По мнению Бакунина, Маркс и Энгельс в высшей степени несправедливо отзывались о люмпен-пролетариате, о «пролетариате в лохмотьях», «поскольку дух и сила грядущего социального переворота за ним и только за ним, а не за той прослойкой рабочего класса, которая стала сродни буржуазии». <...>

Государство-чудовище

Для анархиста государство — самый фатальный предрассудок из всех, что ослепляли человека на протяжении веков. <...>

В чем же, по мнению анархистов, заключается главный порок государственности?

Штирнер выразил его такими словами: «Государство и я — злейшие враги». «Каждое государство — тирания, будь то тирания одного человека или группы людей». Каждое государство непременно (как мы бы сказали сейчас) тоталитарно: «у государства всегда лишь одна цель — ограничить, подчинить, проконтролировать проявления личности и определить ее на службу одной общей цели. Посредством цензуры, надзора, с помощью полиции государство пытается затруд-

нить всякую свободную деятельность и в этом видит свое единственное предназначение, поскольку такого отношения требует его инстинкт самосохранения». «Государство не позволяет мне раскрыть всю ценность мысли и передать ее другим людям... если только это не его мысль. В противном случае оно затыкает мне рот».

В том же духе высказывался и Прудон: «Когда человек управляет человеком — это порабощение». «Тот, кто своей рукой пытается мною управлять, — узурпатор и тиран. Я объявляю его своим врагом» <...>

С точки зрения Бакунина, государство есть «абстракция, пожирающая жизнь народа», «огромное кладбище, где все истинные порывы, стремления и жизненные силы страны в щедром беспамятстве сходят в могилу во имя этой абстракции».

Как писал Малатеста, «нельзя говорить о государстве, творящем энергию; напротив, методы его таковы, что гигантский потенциал расстрачивается, парализуется и бесцельно распыляется».

Враждебность анархистов к буржуазной демократии

Анархист осуждает лживость буржуазной демократии даже еще более решительно, чем авторитарный социалист. Буржуазно-демократическое государство, окрещенное «нацией», пугало Штирнера не меньше, чем государство старое и абсолютистское. «Монарх... был очень бедным человеком в сравнении с новой “суверенной нацией”. В либерализме мы имеем только продолжение древней концепции “Я” (Самости)». «Безусловно, многие привилегии были устранены с течением времени, но только ради выгоды Государства... а вовсе не для того, чтобы усилить мое “Я”».

По мнению Прудона, «демократия — это не что иное, как конституционный тиран». «Трюк» наших праотцев объявил народ повелителем. На деле же он является королем, чья власть чисто символическая. Народ царствует, но не правит, осуществляя свое царствование посредством периодического участия во всеобщем голосовании, подновляющем его власть каждые три или пять лет. <...>

Анархист не верит в освобождение посредством голосования. Прудон был абстинентом (воздерживался от голосования), по крайней мере в теории, он думал, что «социальная революция может быть серьезно скомпрометирована, если она воплощается в жизнь посредством политической революции». Голосование — это противоречие, это акт слабости и соглашения с коррумпированным режимом. «Мы должны воевать со всеми старыми партиями, вместе взятыми, используя парламент как законное поле боя, но оставаясь вне его». «Всеобщее избирательное право — это контрреволюция», и, для того

чтобы конституироваться как класс, пролетариат должен сначала «отколотиться» от буржуазной демократии. <...>

Необходимо заметить, что, несмотря на свои яростные атаки на буржуазную демократию, анархисты признали, что она относительно прогрессивна. Даже Штирнер, самый упорный из всех, иногда позволял себе произносить слово «прогресс». А Прудон пришел к такому заключению: «Когда народ переходит от монархического государства к демократическому, налицо некий прогресс». Бакунин говорил: «Не надо думать, что мы хотим... критиковать буржуазное правительство в пользу монархии... Самая несовершенная республика в тысячу раз лучше, чем самая просвещенная монархия... Демократическая система постепенно обучает массы жить общественной жизнью». <...>

Критика авторитарного социализма

Все анархисты были солидарны в своей жесткой критике авторитарного социализма. <...>

<...> Современному читателю следует знать, что уже в 1870 г. Бакунин поднял тревогу по поводу отдельных идей, касающихся организации рабочего движения и пролетарской власти, — именно тех, которым значительно позже было суждено извратить завоевания российской революции. Иногда несправедливо, а иногда и обоснованно Бакунин утверждал, что видит в марксизме зародыш того, что потом превратилось в ленинизм и уже позднее в злокачественную опухоль сталинизма. <...>

Печатается по изд.: Герен Д. Анархизм // Анархия. Антология современного анархизма и левого радикализма: В 2 т. М., 2003. Т. 1. Без государства. Анархисты. С. 35–45, 48.

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Эмманюэль Мунье (1905–1950)

Эммануил Мунье — французский философ, основатель течения персонализма, ставшего наряду с течением христианского социализма (работы Ф. де Ламенне, Ф. Д. Мориса, Ч. Кингски) философской основой идеологии христианской демократии.

На становление самого Мунье как социального философа и персоналиста большое влияние оказали идеи Сократа и Цицерона, Канта и Руссо, Прудона и Маркса, Бердяева и Достоевского. Основными сочинениями Мунье, заложившими основы персонализма и продолжившими отношения персонализма и христианской демократии стали работы «Персоналистская и общественная революция» (1935), «Манифест персонализма» (1936), «От собственности капиталистической к собственности общечеловеческой» (1936), «Персонализм и христианство» (1939), «Персонализм» (1949), «Надежда отчаявшихся» (1953).

С точки зрения Мунье (а также персонализма и доктрины христианской демократии), современное общество должно развиваться по третьему (не капиталистическому и не социалистическому) пути. Для этого экономическая сфера общества должна базироваться на принципах примата труда над капиталом, примата личной ответственности над анонимным аппаратом, примата социальной службы над прибылью, примата органической организации над механической. Это, по мнению Мунье, позволит создать плюралистическое общество, синтезирующее принципы либерализма и коллективизма и децентрализованное государство персоналистской демократии, разделенное на сообщества народов (небольшие государства делить нет необходимости). Эти сообщества народов, а не государства-нации, считает Мунье, и будут играть основную роль в будущем международном сообществе.

Манифест персонализма

Современный мир против личности

Буржуазно-индивидуалистическая цивилизация

Буржуазно-индивидуалистическая цивилизация, совсем недавно господствовавшая в западном мире, все еще прочно укоренена в нем.

Даже общества, которые официально отказались от нее, остаются полностью пропитанными ею. Тесно связанная с основами христианства, разложению которого она способствовала, смешанная с пережитками военно-феодалного времени, с первыми ростками социализма, она образует специфическую смесь тех и других, рассмотрение разновидностей которой здесь заняло бы слишком много места. Мы ограничимся анализом последнего исторического этапа и выявлением его доминант, стремясь отвлечься от всего того, что привносится в него отдельными удачливыми индивидами, случаем или людскими судьбами.

Для обозначения этой цивилизации мы избрали весьма значимое выражение — буржуазно-индивидуалистическая, — но мы не хотели включить в его содержание ничего такого, что не имело бы никакого основания. Известная манера карикатурно изображать любую буржуазию, шаблоны, выходящие из-под пера левой прессы, нередко более вульгарны, чем сами модели; мы, со своей стороны, вовсе не отрицаем того, что некоторым привилегированным слоям буржуазного общества все еще свойственны определенные добродетели. Мы не игнорируем также того факта, что животворный смысл свободы и человеческого достоинства может придавать жизненность некоторым защитительным речам в пользу индивидуализма и делать это более глубоким образом, чем заблуждения, которые они же пропагандируют. Однако, поскольку мы берем буржуазную цивилизацию в обобщенном виде, все несущественные виды сопротивления тонут в общем потоке, а именно они-то и составляют ее тираническую действительность.

В данном отношении буржуазная цивилизация является завершающим этапом той более обширной цивилизации, которая развивается со времени Возрождения до наших дней. В ее истоке лежит бунт индивида против социального механизма, ставшего слишком тяжеловесным, и против закостеневшего духа, также превратившегося в механизм. Этот бунт отнюдь не был целиком и полностью беспорядочно-анархическим. В нем содержались законные требования личности. Но эта концепция быстро превратилась в ограниченную концепцию индивида, что уже с самого начала грозило ей гибелью. То, что главное внимание уделяется отдельному человеку, само по себе еще не грозит социальному сообществу разрушением, как это иногда считают, но опыт показывает, что всякое разложение социальных обществ базируется на ослаблении личностного идеала, предлагаемого каждому из их членов. Индивидуализм является в первую оче-

редь упадком индивида и лишь во вторую очередь — его изоляцией; он изолировал людей как раз в той мере, в какой обесценил их.

Упадок индивида: от героя к буржуа

Индивидуалистические времена начались с героической фазы. Их первым идеалом человека был герой, т. е. человек, в одиночку сражающийся против чудовищных сил и в этой своей борьбе испытывающий пределы человечности. Его представители были мужественные люди: конкистадор, тиран, реформатор, Дон Жуан. Его добродетели: дух приключенчества, отвага, независимость, гордость, а также ловкость, но лишь в той мере, в какой она умножает отвагу. Постепенно все это приобрело цивилизованные формы: защита инициативы, риска, соперничества — последние приверженцы либерализма еще пытаются похваляться своим генеалогическим древом. Они могут делать это, только скрывая тот факт, что буржуазное общество обрекло эти ценности на вымирание. В самом деле, в течение какого-то времени капитаны индустрии — читай: некоторые финансовые авантюристы — продолжали в своих операциях широкомасштабные традиции, чего и мы не запрещаем. Поскольку они боролись с вещами и с людьми, т. е. с сопротивляющейся живой материей, они закаляли в этом бесспорную добродетель, состоящую из смелости и (зачастую) аскетизма. Распространяя свое влияние на все континенты, индустриальный капитализм предоставил им временное право на авантюрное развитие. Но когда его Деньги заработали, как машины, финансовый капитализм открыл мир легкой жизни, из которой всякая напряженность готова была вот-вот улетучиться. Вещи с их особым ритмом, сопротивляемостью, длительностью растворяются в нем под воздействием бесконечно умножаемой мощи, которую естественным силам придает не размеренный труд, а спекулятивная игра, игра прибыли, добытой без соответствующих (реальных) усилий, т. е. по типу, на который стремится равняться капиталистическая прибыль как таковая. Тогда страсть к приключению постепенно уступает место страсти к комфорту, к обезличенному механически добываемому благу и чувству удовлетворенности, не знающему меры, не ощущающему опасности: тому самому чувству, которое распределяют машина и рента. Стоило цивилизации вступить на этот нечеловеческий и сам себя проторяющий путь, как она перестала творить и побуждать людей к творчеству; даже ее творения производятся все больше для того, чтобы сковать людей и подчинить инерции. <...>

Именно таким образом замена индустриальной прибыли спекулятивным барышом, ценностей творчества — ценностями комфорта

мало-помалу развенчала индивидуалистический идеал и открыла сначала для правящих классов, а затем и для народных масс дорогу к тому, что мы называем буржуазным духом, который представляется нам наиболее ощутимым антиподом всякой духовности. <...>

Бесплотный дух

<...> По мере того как человек, заботясь о своих удобствах, все более и более эксплуатировал материю, он забывал о жизни духовной, а затем и просто пограл ее, в итоге мир вновь утратил свое единство. Эксплуатация шаг за шагом отбрасывала на задворки человечества класс людей, прочно связавших себя с трудом, но утративших величие труда, которое заключается в мастерстве, творчестве, в осуществлении человеческого промысла; в итоге было погрено достоинство человека, и это гораздо более жестоко, чем его ущемление в том, что касается средств существования, культуры, свободной жизни, тихой радости труда; многие люди оказались выброшенными из жизни и отчужденными от самих себя.

Духовность, лишенная своих основ, становится воздушным шариком, парящим над этим грубым миром, чтобы наблюдать за ним со стороны, а иногда и развлекать его. <...>

Раскол сообщества

Отделив человека от его духовных привязанностей и лишив материальной пищи, либеральный индивидуализм тем самым расколол естественные сообщества. <...>

Фашистские цивилизации

Так и хочется объединить как принадлежащие к одному типу фашистскую, национал-социалистскую и коммунистическую концепции, несмотря на их заметные расхождения. С точки зрения требований человеческой личности, суждение которой в конечном итоге и является единственно законным, даже самые глубокие расхождения этих учений исчезают, поскольку их общей целью является подчинение личностей с их своеобразными судьбами временной централизованной власти, которая, уже присвоив себе все виды технико-технологической деятельности нации, претендует сверх того на установление своего духовного господства повсюду, вплоть до самых интимных сторон жизни людей. <...>

Фашизм как факт

Мы нередко слышим, как фашистскими именуются все движения, которые отличны от коммунистических или капиталистических, а антифашистскими — все объединения, враждебные любым видам диктатуры за исключением крайне левой.

В самом прямом смысле слова фашизмом называется только тот режим, который в 1922 г. установился в Италии. Но в обычной жизни важно использовать это слово для более широкого обозначения совершенно определенного послевоенного феномена, который кратко можно описать так. В какой-то изнуренной и истощенной стране, во всяком случае стране, одержимой неотвязным чувством отсталости, совершается сговор между пролетариатом, потерявшим надежду как в экономическом, так и идеологическом плане, и средними классами, испытывающими тревогу по причине возможной пролетаризации (которую они связывают с успехами коммунизма). Благодаря интуиции некоего руководителя выкристаллизовывается определенная идеология, апеллирующая к попраным добродетелям: честность, национальное примирение, патриотизм, служение делу, преданность человеку, революционность, привлекающая к себе экстремистски настроенную молодежь и (чтобы умерить ее пыл) мелкобуржуазный мистицизм, престиж нации, «попятное движение» (к земле, к ремесленничеству, к корпоративности, к историческому прошлому), культивирование образа спасителя, любовь к порядку, уважение к власти. Созданное таким образом движение является более или менее консервативным и выступает под национальными знаменами и волей-неволей объединяет рядом стоящие силы застарелых националистов, армию, денежных магнатов (отождествлять его с последними было бы несправедливо, хотя они нередко и становятся его заложниками). <...>

Верховенство иррационального и силы

При первом же знакомстве с фашизмом видно, что он противопоставляет примату духовного начала верховенство силы. Когда я слышу слово «дух», говорил как-то Геринг, я хватаюсь за пистолет. Фашизм любит выражать свой прагматизм в нарочито вызывающих терминах. Он славится тем, что единственной целью его является само движение. «Наша программа? — заявляет Муссолини. — Мы просто хотим править Италией».

А одному депутату, который наивно попросил Муссолини уточнить его концепцию государства, тот ответил: «Уважаемый Гронки попросил меня определить государство, я же довольствуюсь тем, что правлю им».

Привлекательная сторона этих каламбуров состоит в революционном отрицании буржуазного рационализма, республики профессоров, тех, кто, как однажды сказал один из них, признавали, что «деятельность носит творческий характер». <...>

Но фашистская идеология идет дальше. Сам поиск истины, осуществляемый с помощью мятущегося духа, который противопоставляет тезис и антитезис, соотносит его с бесплодным либерализмом, отравляющим ум народов. Разум разъединяет, теоретическая и юридическая абстракции лишают человека и жизнь движения, он — это еврей и его подрывная диалектика, это механизм, убивающий душу и множащий нищету, это марксизм, разрушающий сообщество, это интернационализм, расчленяющий родину. Но и этого мало. Молодого фашиста учат отождествлять рационализм с интеллектом и духовностью до такой степени, что любая нормальная реакция против буржуазного рационализма оборачивается недоверием ко всякому применению ума, если речь идет о деятельности, и отвержением во имя «разума» какого бы то ни было руководства политикой со стороны всеобщих ценностей.

Верно то, что фашизм претендует на совершение духовной революции. <...> Тот, кто без предвзятого мнения посещал страны, где правит фашизм, и вступал в контакты с их организациями, с их молодежью, не мог не поразиться действительно духовному подъему, которым охвачены эти люди, насильственно вырванные из состояния буржуазного разложения, обретшие рвение, веру и смысл жизни. <...>

Мы упрекаем фашизм не за пренебрежение духовным (началом) или за его отрицание, а за то, что он ограничил дух, требуя от него лишь опьянения жизнью, и тем самым незаметно устранил высшие ценности, а на их место поставил самые что ни на есть опошленные «духовности» и двусмысленную «мистику». Римский фашизм, в соответствии с имперской традицией, упивается излишне жестокой государственной дисциплиной, в то время как государство подвергается поэтизации. Национал-социализм, воспринимающий историческое наследие германского романтизма, выдает себя за метафизику, надстраивающуюся над земными силами и мрачными сторонами жизни. <...> Почва, кровь, нация являются для него новым Lebensraum, новым органическим жизненным пространством. И ему кажется тогда, что он уже не затерялся, что он не изолирован, что он среди таких же одиноких, как и он сам. Он может коснуться этого жизненного пространства своими руками, может измерить его собственным взглядом, присоединиться к нему своим трудом и почувствовать, как оно бьется в нем, соответствуя ритму, с каким бьется в нем его чисто германская кровь.

Такая грубая реакция темных сил не так уж и удивительна после долгого и мрачного периода разложения буржуазного идеализма. Ее

неистовство можно понять, если оно носит временный характер. Но опасность состоит в том, что эти инстинктивные импульсы стремятся превратиться в систему. Тогда можно наблюдать, как вопреки намерениям их авторов рождается новый рационализм, более жесткий, чем старый. <...>

Примат национального коллектива

Одновременно с антиинтеллектуализмом фашизм проповедует антииндивидуализм. И мы могли бы только приветствовать его, если бы фашизм, отбрасывая индивидуализм, вместе с тем не попирает неотчуждаемые свойства человеческой личности, а стремясь восстановить социальное сообщество, не делал бы этого с помощью угнетения. <...>

Откроем «Хартию труда», являющуюся Декларацией прав итальянского фашизма. Мы находим в ней (статья 1) индивида, подчиненного нации, «наделенной существованием, обладающей целями и средствами высшей силы и продолжительности»; при этом нация отождествляется с фашистским государством, в котором «она осуществляется целостным образом». <...>

В высказываниях Муссолини и многих его комментаторов разоблачать надо не только строго юридический этатизм; следует понять, что их формулировки вдохновляет настоящий религиозный пантеизм, в прямом смысле этого слова. Государство мне внутренне ближе, чем я сам; настоящая свобода — это присоединение к нему и полное слияние с его волей, которая включает в себя мою волю и воодушевляет ее; цель индивида — это отождествление с государством. <...>

Национал-социализм питается не столько кесаревыми, сколько вагнеровскими концепциями национального сообщества. В нем первичной реальностью, мистической субстанцией является уже не государство, а «сообщество народа», Volkstum, Volksgemeinschaft¹, понятие органического государства, противостоящего статическому понятию (как и показывает его название) о государстве. <...>

Земля, кровь, единство народа — вот три составляющие, посредством которых можно охарактеризовать такую уплотненную и опасную в своей неопределенности реальность, как Volkstum. <...>

Весьма близка к этой позиции трактовка женщины, по природе более, чем мужчина, предназначенной жить в соответствии с тайными ритмами жизни; отсюда вытекает то значение, которое ей отводит

¹ Народный дух, народная общность (нем.)

режим: он не считает нужным способствовать ее освобождению или развитию как личности, рассматривая ее исключительно в связи с ее функцией деторождения.

Что касается расы, то мы уже, кажется, сказали все. Значительность, с какой разворачивается пропаганда расизма, в то время как мировая наука, если говорить о ней вне ее отношения к идеологии, не может дать содержательное понятие чистой расы, а многие немецкие ученые сами незаметно спасовали перед расизмом, свидетельствует о религиозном характере этой пропаганды, претендующей на научность. <...>

Марксистский гуманизм

Долгое время официальный марксизм при обосновании социализма откладывал на завтрашний день рассмотрение проблемы человека. Ранее его позиция в этом вопросе состояла даже в утверждении невозможности ее решения до тех пор, пока не созданы условия, которые должны вызвать рождение нового человека. «В течение ближайших пятидесяти лет, — писалось тогда, — проблемы человека не будут поставлены». И если мы, со своей стороны, пытались выявить тогда метафизику советских достижений, нас могли упрекать в попытках превращения в систему чего-то временного и в движении в сторону неизвестного, чего мы и сами опасались.

Ситуация изменилась, как только марксизм отказался от позиции воздержания и, вернувшись к своим первоисточкам, начал уточнять свой взгляд на человека. Напомним главное в этом отношении.

Материалистическая диалектика

Вслед за Гегелем Маркс мыслит историю как продукт диалектики, как развивающееся взаимообогащение идеи и природы. Отметим, что основной вопрос марксизма ставится в категориях, в которых человеческая личность как первичная экзистенциальная реальность вообще не имеет места. Не столь уж важно то, что Маркс, в чем он сам горделиво поздравляет себя, перевернул гегелевскую диалектику, которую он, по его словам, поставил с головы на ноги, и что он вернул природе ее всемогущество и предсуществование по отношению к идее. На самом деле из природы, а именно из природы, преобразованной человеком в экономику, рождаются идеологии, которые, погружаясь вновь в природу (материя и промышленность), обогащаются сами и обогащают ее, вызывая новый этап человеческого прогресса. Вся драма проходит через поколения, для которых человек в качестве личности остается только свидетелем и орудием.

Новый марксистский гуманизм, родившийся приблизительно в 1935 г., выделяет три стороны этого учения, которыми до тех пор пренебрегали.

1. Он не является фатализмом или абсолютным детерминизмом, апологией пассивности, если речь идет о деятельности. <...>
2. Диалектика не является философией, обосновывающей всеобщее потрясение, абсолютную прерывность истории, «революцию» в подлинном понимании этого слова. В слове «aufheben», обозначающем переход к синтезу, выявляется тройкий смысл уничтожения (революционный элемент), сохранения и поступательного развития. <...>
3. Диалектическая философия в противоположность буржуазному идеализму и, в частности, идеализму гегелевскому, превращающему действительность в «перевоплощение идеального», является философией деятельности и конкретного человека. Известны знаменитые формулировки: «Сова Минервы начинает свой полет только в сумерках», «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Такова основа «социалистического реализма», стоящего в центре нового гуманизма. Он радикальным образом противостоит буржуазному рационализму. <...>

Положение человека

Каково место человека-личности в таком развитии истории?

Согласно марксизму, его существование целиком коренится в экономическом базисе. Но сам человек пока не подозревает об этом, а его идеологически извращенное сознание мистифицирует истинное положение дел. Существует только два класса людей: эксплуататоры и эксплуатируемые, — и любой человек может быть исчерпывающе объяснен своей принадлежностью к тому или иному классу. Эксплуататор черпает свою силу из субстанции эксплуатируемого и называет силой духа омерзительное обожание идеологий, которые он придумывает, чтобы оправдать себя и угодить себе. Эксплуатируемый в свою очередь попадает в сети мистификаций, которые составляет эксплуататор. <...> При таком строе все индивиды оказываются как бы опустошенными, «отчужденными» от самих себя: буржуа попадает в такое положение по собственной воле, ибо он сам избавляет себя от труда и в своей идеологии отвергает всякую человечность; трудящийся — сначала вопреки своей воле, когда у него отнимают его труд, являющийся его субстанциальной сущностью, а затем по собственному согласию, когда, опустошенный таким образом,

он пытается спастись с помощью мистификаторских идеологий (дух, внутренняя жизнь, Бог), вырывающих его из его конкретной судьбы и отвращающих от революционного осознания его угнетенного положения. Социалистический реализм не ставит проблему внутреннего преобразования буржуа систематическим образом, он просто обращает против него свое оружие: классовую борьбу. <...>

Новый человек

Когда коммунистов упрекают в том, что они не ставят проблему суверенного человека, человека-личности, они, особенно в последнее время, напоминают о том, что коллективная диктатура пролетариата — это только временная необходимость и что марксизм всегда ставил высшей целью революции «освобождение индивида», «царство свободы» и исчезновение государства. <...>

В основе марксизма в самом деле лежит кардинальное отрицание духовности как самостоятельной, первичной, творческой реальности. Это отрицание имеет две формы. Во-первых, марксизм отбрасывает вечные истины и ценности, существующие в пространстве и времени, трансцендентные по отношению к индивиду; другими словами, в сущности, уже своим исходным постулатом он отвергает не только христианство и веру в Бога, но и любую форму духовного реализма. В духовной реальности он видит только «идеологическое отражение», по меньшей мере вторичное состояние бытия. Далее, в своем видении мира и его организации он не оставляет никакого места той высшей форме духовного существования, которой является личность, и ее собственным ценностям: свободе и любви. Конечно, он допускает воздействие духовного начала, идеологии и воли на диалектически осуществляемый прогресс истории. Но если идеи и волеизъявления, которые они приводят в движение, и «оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое», тем не менее они «находятся под господствующим влиянием экономического развития». <...>

<...> Марксистский гуманизм в самом деле возникает как высшая философия определенной исторической эры, которая жила под влиянием физико-математических наук и соответствующего им специфического и чрезмерно узкого рационализма, бесчеловечной, централизованной формы промышленности, временно воплощающей их технические применения. <...>

Истина и ложь коммунизма

<...> Самым опасным в марксизме является сочетание коренных заблуждений с частично правильными и бесспорно плодотворными

взглядами, плюс заблуждение относительно причин страдания, которые окружают нас со всех сторон. Заблуждение уничтожают не насилием или другим заблуждением, а истиной. <...>

II. Что такое персонализм?

1. Принципы персоналистской цивилизации

Персоналистская цивилизация — это цивилизация, структуры и дух которой направлены на то, чтобы каждый из составляющих ее индивидов мог реализовать себя как личность. Она признает их реальность и целевые установки, отличающие их от простой суммы индивидуальных интересов и имеющие верховенство над интересами индивидов, взятых в материальном плане. Тем не менее их конечная цель состоит в том, чтобы дать каждому человеку возможность жить в качестве личности, т. е. возможность развивать максимум инициативы, ответственности, духовной жизни. <...>

Что такое личность?

Личность — это духовное существо, конституируемое как такое способом существования и самостоятельностью в своем бытии; она поддерживает это существование посредством принятия некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей, посредством ответственного включения в деятельность и постоянно осуществляемого обращения; таким образом, она осуществляет свою деятельность в свободе и сверх того развивает посредством творческих актов свое призвание во всем его своеобразии. <...>

Личность и индивид

Как мы уже сказали, не бывает спонтанного опыта личности. Когда впервые я пытаюсь постичь себя, то сначала схватываю себя в качестве расплывчатого образа на поверхности своей жизни и передо мною предстает скорее некоторая множественность. Я получаю о себе неопределенные, меняющиеся образы, которые дают мне разрозненные акты посредством многократного их отображения, и я наблюдаю, как в них циркулируют различные персонажи, в которых я утопаю, рассеиваюсь или ускользаю от себя. Я с удовольствием хотел бы овладеть всеми ими в этом распылении, что представляется мне своего рода фантазией, легкой и возбуждающей. Это распыление, это растворение личности в материи, этот движущийся во мне поток неупорядоченной и безликой девственности материи, объектов, сил, влияний — именно это мы называем индивидом. <...>

Личность и призвание

<...> Цель личности ей каким-то образом присуща внутренне: личность — это непрерывное следование собственному призванию.

Отсюда вытекает, что цель воспитания должна состоять не в том, чтобы формировать ребенка по меркам какой-то функции или же придавать ему какой-либо устоявшийся облик, а в том, чтобы способствовать его созреванию и вооружать (а иногда и разоружать) его наилучшим образом, чтобы открыть то призвание, которое составляет самую его сущность и единый центр его человеческой ответственности. <...>

Личность сама находит свое призвание и сама строит свою судьбу. Никто другой — ни человек, ни коллектив — не может брать на себя этот груз ответственности. Любой конформизм и духовное угнетение находят в этом себе приговор. <...>

Личность и автономия

Мир объективных отношений и детерминизма, мир позитивной науки — это одновременно самый безликий, самый бесчеловечный и самый отдаленный от существования мир. Личности в нем нет места, потому что в перспективе, которую этот мир получает от реальности, он никак не считается с тем новым измерением, которое приходит в него вместе с личностью: речь идет о свободе. Мы говорим здесь о духовной свободе. Ее следует тщательно отличать от свободы буржуазного либерализма. <...>

Фашизм и марксизм правы, когда разоблачают иллюзорность и несостоятельность такой свободы. Свобода личности состоит в том, чтобы самой обрести свое призвание и свободно находить средства для его реализации. Это не свобода уклонения от действия, а свобода вовлечения в действие. <...> Она не только не исключает материальное принуждение, как таковое, но в самых существенных своих проявлениях требует дисциплины, являющейся неременным показателем ее зрелости.

Свобода личности — это вовлечение. Однако вовлечение является собственно личностным только в том случае, если оно оказывается вновь и вновь возобновляемым включением в действие, добровольным согласием вести освободительную духовную жизнь, а не просто связью, устанавливаемой силой, или энтузиазмом, вызываемым общественным конформизмом. Недопущение анархии в закрытой авторитарной системе не означает организации свободы.

Следовательно, извне личность не может получить ни духовную свободу, ни сообщество. Все, что может, и все, что должен сделать

для личности институциональный строй, — это уравнивать между собой определенные препятствия внешнего характера и способствовать движению личности по определенным направлениям. Это означает:

- 1) уничтожить любую форму угнетения личности;
- 2) обеспечить личности независимость частной жизни, которая дала бы ей возможность и гарантию выбора деятельности в системе социальных принуждений;
- 3) организовывать все социальные механизмы на основе принципа личной ответственности, так чтобы его автоматическое действие было направлено на расширение выбора каждого индивида.

Вот таким образом можно достичь в принципе негативного освобождения человека. Что же касается подлинной духовной свободы, то ее надлежит завоевывать каждому самостоятельно. Нельзя, не впадая в утопию, путать сокращение материальной тирании с «царством свободы». <...>

2. Персоналистская цивилизация

Принципы общностной цивилизации

Итак, совершенно определенным образом выявляется невозможность основать сообщество, игнорируя личность, даже на базе так называемых человеческих ценностей, дегуманизированных уже потому, что они обезличены. Поэтому мы сохраняем название «сообщество» только для подлинного, прочного сообщества, сообщества персоналистского, которое не только символически представляет собою личность личностей.

Если было бы необходимо обрисовать его далекое будущее, мы описали бы сообщество, где каждая личность реализует себя во всей полноте своего призвания и где сопричастность целостности является живым результатом ее особенного самоосуществления. Каждая личность в нем была бы незаменимой, и в то же время она гармонировала бы с ним как с целым. Первичной и основной связью в нем была бы любовь, а не какое бы то ни было внешнее принуждение, экономический или жизненный интерес. Каждая личность нашла бы в нем, в его общих ценностях, трансцендентных по отношению к месту и времени, специфичную для себя связь, которая объединяла бы все личности. <...>

Формирование Мы в самом деле не может обойтись без формирования Я. <...>

За плюралистский статут школы

При разнообразии семей и их духовного состояния только плюралистская структура школы может спасти нас и от опасностей «нейтральной» школы, и от угрозы школы тоталитарной.

Государство не имеет права монопольно навязывать какое-либо учение и какую-либо форму воспитания. Право на эффективные средства, необходимые для воспитания ребенка, по своему выбору имеет каждая семья, которая частным образом обеспечивает его на месте <...>

Примат труда над капиталом

Этот примат основывается на двух постулатах.

1. Капитал (будем понимать под этим денежный капитал) является не производительным благом с его автоматической результативностью, а только обменной материей и удобным, но бесплодным орудием производства. Персоналистская экономика уничтожает самоприбыльность денег во всех ее формах. Она ликвидирует постоянный фиксированный процент при даче в заем и ренте. Она уничтожает любую форму спекуляции и отводит биржам ценных бумаг и товаров только регулятивную роль. Она коллективно регламентирует кредит, распоряжение которым изымает из ведения банков и паразитических кредитных компаний.
2. Капитал-деньги как таковой не имеет никакого права на продукт труда, в создании которого он участвовал. <...>

Речь, как видите, идет не об «уничтожении капитала», а о восстановлении главного ценностного отношения: капитал — это всего лишь экономический «материал». Этот материал не управляет и сам по себе не умножается. Труд является единственным собственно личностным и плодотворным агентом экономической деятельности; ответственность может принадлежать только трудящимся. <...>

Персонализм утверждает верховенство труда над капиталом в его собственной сфере, т. е. сфере экономической. Это верховенство сводится к трем законам.

1. Труд является всеобщей обязанностью. Кто может трудиться, но не трудится, тот не ест. Исключение из этого закона, кроме особых призваний, подлежащих определению, составляют только физически немощные люди любых категорий.
2. Труд является не товаром, а личной активностью.
3. Право на труд — это неотчуждаемое право личности. Самой элементарной собственностью является собственность на профессию. Общество обязано обеспечить это право каждому человеку при любых условиях.

4. По всем позициям экономической жизни: прибыль, ответственность, власть — труд обладает неотчуждаемым приоритетом по отношению к капиталу. <...>

Таким образом, это требование является не только протестом против подчинения трудящихся капиталистическому аппарату. Оно является требованием эмансипации (в собственном смысле) трудящихся, их перехода из разряда орудий в разряд ассоциированных членов предприятия, одним словом — признания их экономической зрелости. <...>

В отличие от капиталистической собственности экономическое управление принадлежит не безответственной наследственной касте, а людям, лично заслужившим это, постоянно выделяемым из элиты трудящихся и выбираемым ею. <...>

Примат социальной службы над прибылью

<...> Если прибыль и не может исчезнуть, то приоритет прибыли в экономическом механизме и в экономическом стимулировании должен быть уничтожен, а прибыли отведено подобающее ей вторичное место, она должна служить другим человеческим интересам, в частности, укреплять чувство социального служения, которое освобожденная экономика может породить у любого трудящегося. <...>

Примат организмов над механизмами

<...> В противоположность коллективистской (в классическом смысле) экономике, огосударствление которой является присущим ей движением, а планы смешанной экономики на «переходный период» являются только временными задержками базового движения, персоналистская экономика является экономикой, децентрализованной вплоть до личности. <...>

Международное сообщество

Борьба за мир <...> имеет своей целью:

1. Крушение государства-нации в любой его форме: фашистской, коммунистической или так называемой демократической. <...>
2. Отделение мира и его институтов от беспорядка, царящего в современной цивилизации: от капиталистического беспорядка, от военных пактов, от тайных альянсов. <...>
3. Всеобщее контролируемое разоружение, сопровождаемое постепенной отменой воинской повинности. <...>
4. <...> Поэтапное утверждение правового сообщества наций, обладающего гибким организмом, способным к адаптации и изменениям. При силовом строе, основывающемся на несправедливости,

«право» теряет свою авторитетную власть, потому что оно оказывается лишь декларативным правом, порожденным силой и поддерживаемым ею. Только при справедливом порядке, наделенном необходимыми органами для постоянного приведения международного положения в соответствие с живой справедливостью и историческим развитием, незыблемость данного слова будет обладать авторитетной властью надо всеми, кто ему противится.

В этой новой перспективе субъектами сообщества в международном сообществе будут не суверенные государства, а живые сообщества народов, непосредственно представленные вне и наряду с государствами. Международное право, которое уже сейчас имеет тенденцией признание своими субъектами личностей, а не государства, становится формой защиты личности от произвола государств посредством определения международного статуса личности, обладающего плюралистическим характером. <...>

Печатается по изд.: *Мунье Э.* Манифест персонализма. М., 1999. С. 274–276, 278–279, 281–287, 290–295, 300–303, 305–306, 309–311, 315, 326–327, 364–366, 368, 370, 372.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Декларация принципов Социалистического интернационала, принятая на 1-м конгрессе, состоявшемся во Франкфурте-на-Майне 30 июня — 3 июля 1951 г.

Преамбула

1. Начиная с XIX в. капитализм развил огромные производительные силы. Одновременно он лишил громадное большинство народа возможности оказывать влияние на производство. Он поставил права собственности выше прав человека. Он создал новый класс наемных рабочих, которые не имели ни собственности, ни социальных прав. Он обострил борьбу между классами.

Хотя мир и располагает ресурсами, которые могли быть использованы для обеспечения достойной жизни каждому, капитализм оказался не в состоянии удовлетворить элементарные нужды человечества. Он показал свою неспособность функционировать без опустошительных кризисов и массовой безработицы. Он породил необеспеченность и огромные контрасты между богатыми и бедными. Он прибег к империалистической экспансии и эксплуатации колоний, обострив тем самым еще больше конфликты между нациями и расами.

В некоторых странах с помощью крупного капитала варварство прошлого вновь подняло свою голову в форме фашизма и нацизма.

2. Социализм возник в Европе как движение протеста против пороков, присущих капиталистическому обществу. Поскольку наемные рабочие больше всего страдали от капитализма, социализм начинался как движение рабочих. Также и другие — крестьяне и ремесленники, конторские работники, служащие и мелкие торговцы, люди свободных профессий, ученые, художники и писатели — все больше и больше начинают понимать, что их будущее — в социализме. Социализм апеллирует ко всем людям, которые видят, что эксплуатация человека человеком должна быть преодолена.

3. Социализм стремится к освобождению народов от их зависимости от меньшинства, которое владеет средствами производства или распоряжается ими. Он ставит своей целью предоставление всему народу права распоряжаться экономикой. Он стремится к созданию общества, в котором свободные люди могли бы взаимодействовать как равные.

4. Социализм стал мощной силой в мировой политике. От фазы агитации за свои идеи, он вступил в фазу их воплощения. В некоторых странах уже заложен фундамент социалистического общества. Там пороки капитализма исчезают, и общество развивает новые жизненные силы. Социализм доказывает свою созидательную силу.

5. Во многих странах неконтролируемый капитализм вытесняется формами экономики, где государство вмешивается в экономику как регулирующий фактор, и растущая по масштабам общественная собственность на средства производства сужает сферу деятельности частного капитала. Все большее количество людей начинает распознавать необходимость планирования. Социальное обеспечение и демократизация экономики реализуются в возрастающей степени. Это результат многолетней социалистической и профсоюзной борьбы. В странах, где действуют влиятельные социалистические партии, создается новый общественный строй.

6. Народы в экономически более слаборазвитых районах мира начинают усматривать в социализме духовное оружие в их борьбе за национальную свободу и более высокий уровень жизни. Различные условия борьбы обуславливают развитие различных форм демократического социализма.

В этих районах социалисты борются против паразитических форм эксплуатации со стороны местных финансовых олигархий, как и против колониальной эксплуатации со стороны иностранных капиталистов. Они борются за политическую и экономическую демократию, за повышение уровня жизни народных масс путем земельной реформы и индустриализации, социальных реформ, расширения коллективной собственности и развития производственных потребительских кооперативов.

7. В то время как социализм охватывает весь мир, возникли новые силы, которые угрожают развитию к свободе и социальной справедливости. Со времени большевистской революции в России коммунизм расколол международное рабочее движение и тем самым претворение в жизнь социализма во многих странах отбросил на десятилетия.

8. Коммунисты необоснованно ссылаются на социалистические традиции. В действительности они исказили эти традиции до неузнаваемости. Коммунизм превратился в косную догму, которая находится в несовместимом противоречии с критическим духом марксизма.

9. В то время как социалисты путем преодоления капиталистического классового общества стремятся претворить в жизнь свободу

и справедливость, коммунисты пытаются обострять классовое разделение общества, и только для того, чтобы установить диктатуру одной партии.

10. Международный коммунизм является инструментом нового империализма. Везде, где он пришел к власти, он уничтожил свободу и лишил народ возможности добиться ее. Он опирается на военную бюрократию и террористическую полицию. Он создал новое общество с кричащими контрастами во владении имуществом и в привилегиях. Важным фактором его экономики является принудительный труд.

11. Демократический социализм является международным движением, которое ни в коей мере не требует единообразия взглядов. В равной мере руководствуются ли социалисты в своих убеждениях результатами марксистского или какого-нибудь другого социального анализа, или религиозными или гуманитарными принципами, все они стремятся к общей цели: к общественному строю социальной справедливости, высокого благосостояния, свободы и мира во всем мире.

12. Развитие науки и техники дало человечеству возможность уничтожить себя или повысить свое благосостояние. Вот почему производство не может быть предоставлено свободной игре экономических сил. Оно должно планироваться. Такое планирование должно обеспечивать фундаментальные права отдельной личности. Социализм стремится соединить свободу и планирование как в национальных, так и в международных рамках.

13. Осуществление социализма не является неизбежным. Его превращение в жизнь требует усилий всех его сторонников. В отличие от тоталитарных систем, которые навязывают народу пассивную роль, социализм опирается на активное участие народа в его осуществлении. Тем самым он становится высшей формой демократии.

1. Политическая демократия

1. Социалисты стремятся создать общество свободы демократическими средствами.

2. Без свободы нет социализма. Социализм может быть осуществлен только через демократию, демократия может быть полностью реализована только через социализм.

3. Демократия — это правление народа, осуществляемое народом для народа. Оно обеспечивает:

- а) каждому человеку защиту его личной жизни от незаконного вмешательства со стороны государства;

- б) политические свободы, такие, как свобода мнения, печати, учебы и преподавания, свобода коалиций и собраний, право на забастовки, свобода религиозных вероисповеданий;
- в) представительство народа путем проведения свободных выборов на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании;
- г) правление большинства и уважение прав меньшинства;
- д) равенство перед законом всех граждан, независимо от их происхождения, вероисповедания, пола, языка или расы;
- е) право на культурную автономию для групп, имеющих собственный язык;
- ж) независимое судопроизводство, при котором человек имеет право на беспристрастный суд. Судьи подчиняются только закону.

4. Социалисты всегда боролись за соблюдение прав человека, Всеобщая декларация прав человека, принятая Организацией Объединенных Наций, должна быть осуществлена во всех странах.

5. Демократия требует права на существование более чем одной партии и права на существование оппозиции. Однако демократия обязана защищать себя от тех, кто злоупотребляет ее возможностями для того, чтобы уничтожить ее. Защита политической демократии является жизненно важной для народа, ее сохранение является условием осуществления экономической и социальной демократии.

6. Политика, основанная на защите капиталистических интересов, не может развивать и объединять силы народа, необходимые для защиты демократии от тоталитарных нападков. Демократию можно защищать только с помощью рабочих, судьба которых неразрывно связана с существованием демократии.

7. Социалисты выражают свою солидарность с народами, страдающими под игом фашистской или коммунистической диктатуры, в их усилиях завоевать свободу.

8. Любая диктатура, где бы она ни была, представляет собой опасность для свободы всех народов и тем самым для мира во всем мире. Любой вид эксплуатации, будь это принудительный труд, будь это нарушение элементарных прав человека, будь это в пользу частнокапиталистической прибыли, будь это в интересах политической диктатуры, угрожает материальному и моральному уровню жизни всех народов.

2. Экономическая демократия

1. Социализм стремится преодолеть капиталистическую систему экономическим строем, при котором интересы общества стоят выше

интересов прибыли. Непосредственными экономическими целями социалистической политики являются следующие: полная занятость, увеличение производства, постоянное повышение благосостояния, социальное обеспечение и справедливое распределение доходов и собственности.

2. Для достижения этих целей необходимо в интересах народа планировать производство. Такая плановая экономика несовместима с концентрацией экономической власти в руках немногих; она требует действенного демократического контроля над экономикой.

Демократический социализм, таким образом, вступает в острое противоречие как с монопольным капитализмом, так и с любой формой тоталитарного планирования экономики, поскольку эти формы экономической организации исключают общественный контроль над производственным процессом экономики и не обеспечивают справедливость распределения результатов производства.

3. Социалистическое планирование может обеспечиваться различными методами. Размеры общественной собственности и формы планирования зависят от структуры, существующей в той или иной стране.

4. Коллективная собственность может быть создана путем национализации частнокапиталистических концернов и предприятий или путем создания новых общественных концернов или муниципальных предприятий, потребительских и производственных кооперативов.

Эти разнообразные формы коллективной собственности не самоцель. Они должны служить как инструменты общественного контроля над основными отраслями промышленности, от которых зависит жизнь и благосостояние общества, как средство рационализации технически отсталых отраслей промышленности и лишения капиталистических монополий и картелей возможности эксплуатировать народ.

5. Социальное планирование не предполагает коллективизации всех средств производства, оно совместимо с существованием частной собственности в важных областях, например, в сельском хозяйстве, в ремесленном производстве, в мелкой торговле и в малой и средней промышленности. Государство должно препятствовать тому, чтобы частнокапиталистические собственники злоупотребляли своей властью. Оно может и должно помогать им вносить свой вклад в увеличение производства и умножение благосостояния в рамках общего планирования.

6. Профсоюзы и организации производителей и потребителей являются необходимыми факторами демократического общества; они не должны превращаться в орудие центральной бюрократии или корпоративной системы. Эти экономические союзы при полном сохранении конституционных прав парламента должны участвовать в формировании экономической политики.

7. Социалистическое планирование экономики не означает, что все экономические решения принимаются только правительством или центральными властями. Экономическая власть, насколько это совместимо с целями экономического планирования, должна быть децентрализована.

8. Все граждане через свои союзы или по своей индивидуальной инициативе должны принимать участие в производственном процессе и тем самым препятствовать разрастанию государственной или частной бюрократии. Должно быть обеспечено демократическое участие рабочих в управлении отраслями.

9. Демократический социализм расширяет индивидуальную свободу на основе экономической и социальной обеспеченности и постоянно умножающегося благосостояния.

3. Социальная демократия и культурный прогресс

1. Главный побудительный мотив капитализма — извлечение личной прибыли; социализма — удовлетворение жизненных потребностей людей.

2. Социальный продукт должен распределяться в соответствии с элементарными жизненными потребностями всех. Это не должно сковывать потребности отдельного человека к высшей производительности. Социалисты признают как нечто само собой разумеющееся право индивидуумов на получение вознаграждения в соответствии с результатами их труда. Однако они считают, что существуют и другие стимулы, например, чувство удовлетворения по поводу хорошо сделанной работы, солидарность и чувство товарищества, которые могут усилиться, если люди работают во имя общих интересов.

3. Социализм выступает не только за основные политические права, но также за экономические и социальные права индивида. Это следующие права:

- ◆ право на труд;
- ◆ право на врачебное обслуживание и охрану материнства;
- ◆ право на отдых;
- ◆ право на социальное обеспечение в преклонном возрасте, в связи с безработицей или инвалидностью;

- ◆ право детей на заботу о них, и также право молодежи на получение образования в соответствии с индивидуальными способностями;
- ◆ право на достойное человека жилище.

4. Социалисты борются за устранение всех видов юридического, экономического и политического неравенства между мужчинами и женщинами, между социальными слоями, между городом и деревней, а также между регионами и расовыми группами.

5. Демократический социализм стремится к гораздо большему, чем новый экономический и социальный строй. Экономический и социальный прогресс имеет моральную ценность лишь в той степени, в какой он служит освобождению и развитию человеческой личности.

6. Демократический социализм выступает против капитализма не только из-за его экономического несовершенства и из-за материального подавления масс, но и потому, что он направлен против его нравственной основы. Он отвергает любую тоталитарную систему, поскольку она оскверняет человеческое достоинство.

7. Демократический социализм борется за освобождение людей от страха и тревог, которые сопутствуют всем формам политической и экономической неустойчивости.

Это освобождение откроет путь к духовному развитию людей, сознающих свою ответственность, и к культурному развитию совершенной личности.

Демократический социализм является мощной движущей силой этого культурного развития.

8. Социализм хочет открыть людям все области искусства и науки с тем, чтобы они поднимались ко все более высоким ступеням культуры. Он оплодотворяет все творческие стремления человеческого духа. Сокровища искусства и науки, созданные за столетия, должны быть доступны для всех людей.

Международная демократия

1. Социализм с самого начала был движением международным.

2. Он является международным потому, что ставит своей задачей освобождение всех людей от любой формы экономического, духовного и политического рабства.

3. Он является международным потому, что он признает, что ни один народ не может разрешить своих экономических и социальных проблем в одиночку.

4. Система неограниченного национального суверенитета должна быть преодолена.

5. Новый мировой порядок, за который борются социалисты, может плодотворно развиваться в условиях мира только в том случае, если он основан на добровольном сотрудничестве между нациями. Для этого нужна демократия в международном масштабе, основанная на международном праве, которое гарантировало бы свободу народов и уважение прав человека.

6. Демократический социализм рассматривает создание Организации Объединенных Наций как важный шаг на пути к международному сообществу, он требует строгого претворения в жизнь принципов ее устава.

7. Демократический социализм борется против любой формы империализма. Он борется против угнетения и эксплуатации любого народа.

8. Одного лишь сопротивления империализму недостаточно.

В огромных районах мира миллионы людей страдают от крайней нищеты, неграмотности и болезней. Бедность в одной части мира является угрозой благосостоянию в других частях. Бедность является препятствием на пути развития демократии. Демократия, благосостояние требуют перераспределения богатств всего мира и увеличения производительности труда в слаборазвитых районах. Все народы заинтересованы в поднятии материального и культурного уровня жизни в этих районах. Их экономическое, социальное и культурное развитие должно быть вдохновлено идеями демократии, чтобы они не подпали под новые формы угнетения.

9. Демократический социализм видит в сохранении мира во всем мире высшую задачу нашего времени. Мир может быть обеспечен только с помощью системы коллективной безопасности. Эта система создаст предпосылки для всемирного разоружения.

10. Борьба за сохранение мира неразрывно связана с борьбой за свободу. Именно угроза или насилие над народом являются непосредственной причиной, порождающей опасность войны в наше время.

Социалисты борются за обеспечение мира и достижение свободы, за такой мир, в котором не было бы эксплуатации и порабощения человека человеком и народа народом, за мир, в котором развитие личности является предпосылкой плодотворного развития человечества.

Они призывают к солидарности всех трудящихся в борьбе за эти великие цели.

Энтони Гидденс

(род. 1938)

Современный английский социолог и политолог.

Социальная справедливость в программной дискуссии европейской социал-демократии

<...> Не может быть общества без какого-либо понятия социальной справедливости, каким бы извращенным или коррумпированным это понятие ни было. И социальной справедливости не может быть без перераспределения, даже если оно осуществляется нежелательным образом. Социальная справедливость, независимо от того, как ее определять, является универсальным свойством приличного общества. Постановка социал-демократами социальной справедливости во главу угла абсолютно оправдана. Социальная справедливость — это доминирующая черта, разделяющая левых и правых. Я задаюсь вопросом, почему ныне в Европе так много левоцентристских партий находится у власти. Население отклоняет бессилие левых перед лицом глобализации рынков, оно хочет социальной защиты против неравенства, против новых рисков, которые современное общество привносит в жизнь. Мне кажется, что понятие социальной справедливости довольно легко разъяснить и для этого не нужно далеко отходить от классического представления левых о справедливости.

Позвольте предложить свое краткое определение. Для меня социальная справедливость предполагает эгалитарное общество, т. е. такое общество, где акцент делается на равенстве; при этом равенство рассматривается в качестве условия свободы и самоопределения, которые, в свою очередь, обуславливают солидарность. Общество, в котором существует слишком много неравенств, не может быть солидарным. Таким образом, между социальной справедливостью и солидарностью существует глубокая взаимосвязь. Социальная справедливость включает в себя заботу о безопасности социально слабых людей, и не только о них, но и обо всех нас в том случае, если мы станем уязвимыми из-за снижения степени защищенности. Таким образом, солидарность и защита социально слабых являются, как мне представляется, базовыми ценностями социальной справедливости, и если вы социал-демократ, вы должны что-то предпринять, чтобы выработка этих ценностей не стала прерогативой патрульного полицейского. Правительство должно активно защищать эти ценности. Глубокие изменения, происходящие в нашем обществе, требуют

принципиальной дискуссии о социальной справедливости. В то же время нельзя вести дискуссию по этой теме, не осознавая в полной мере драматизм, скорость и последовательность этих изменений.

Все мы знаем, что в настоящее время наше общество подвергается коренной трансформации в связи с тремя фундаментальными изменениями.

Первое изменение — это глобализация, дискуссия о воздействии которой на общество продолжается уже несколько лет. Многие представители левых еще недавно отрицали сам феномен глобализации, хотели доказать, что на самом деле он не существует, или же считали, что этот процесс не является необратимым, поскольку некоторые аспекты глобализации связаны с политикой государства и, следовательно, государство может повернуть обратно. Я полагаю, что эта позиция разделяется сегодня немногими, так как она не выдерживает критики. Посмотрите на влияние, оказываемое интернетом. Интернет стал развиваться как осознанный проект. Это был проект правительства Соединенных Штатов в период «холодной войны»; затем интернет распространился на университеты и в конечном итоге стал универсальным феноменом, охватившим все сферы жизни общества. Таким образом, тот факт, что какой-либо процесс иногда начинается в рамках осознанного политического курса, вовсе не означает, что его можно просто остановить, — повернуть назад ход времени невозможно. В настоящее время дискуссия о глобализации переходит в другую плоскость, она уже идет не между теми, кто относится к глобализации скептически, и теми, кто считает ее необратимым феноменом, — спор идет о последствиях глобализации; об этом свидетельствуют и демонстрации протеста во время встречи в Сиэтле.

Второе изменение — технологические инновации. Когда мы думаем о технологических инновациях, на ум сразу приходят информационные технологии, особенно в свете «интернет-мании» в США и Европе. Однако на самом деле процесс носит более глубокий характер. Использование информационных технологий в производстве насчитывает уже четверть века. Они уже трансформировали промышленное производство, и сквозное воздействие интернет будет оказывать прежде всего на так называемую старую экономику, а не на новую. Восемьдесят процентов нового интернет-бизнеса вращается теперь вокруг сделок без посредников между юридическими лицами (business-to-business). Некоторые считают — и я тоже так думаю — что через 10–15 лет производство будет напоминать сельское хозяйство. В прошлом в сельском хозяйстве было занято примерно 40%

населения, в настоящее время — только 2%. Вполне вероятно, что примерно через 15 лет только 5% населения будет занято в обрабатывающей промышленности, и эти 5% будут производить столько же, сколько занятые в этой отрасли сегодня. В Германии все еще более 22% заняты в обрабатывающей промышленности. При сопоставлении с другими странами ЕС, где эта пропорция составляет 15–17%, становится ясно, как важна для Германии новая экономика знаний.

Третье фундаментальное изменение касается повседневной жизни. Перемены в повседневной жизни нельзя недооценивать. Наша жизнь больше не зависит исключительно от судьбы, традиций и обычаев. Теперь нам придется выстраивать свою жизнь гораздо более открыто. Это повлияет на браки, на семью, на роль женщин и мужчин в обществе, а также и на политику. Нельзя более рассчитывать на то, что легитимация политики будет гарантирована сама собой. Социал-демократам следует рассматривать легитимацию как постоянный процесс — и не для того, чтобы прийти к власти, а для того, чтобы сохранить ее. Им придется постоянно добиваться легитимации, поддержки власти у скептически настроенной публики. Все это коренным образом отличается от политической ситуации, существовавшей несколько лет назад. Таким образом, главная проблема для нас заключается в том, как удовлетворить требование социальной справедливости в период фундаментальных перемен. Из-за этого вопроса произошел, как известно, раскол левого движения, и не только в Европе, но во всех странах мира — между теми, кого называют «традиционалистами», и сторонниками модернизации. <...>

В настоящее время в европейской социал-демократии происходит нечто весьма интересное. Диалог между левоцентристскими партиями продвигается к единой программе, которую я хочу назвать новой европейской социальной моделью. Я хотел бы, чтобы мы защищали европейскую социальную модель, и, если возникнет такая необходимость, защищали наступательно. Это не означает, что мы выступаем за общество, которое просто подстраивается под перемены. Европейская социальная модель, как и прежде, сохраняет свою основную цель, но ее следует наполнить новым содержанием. Новая социальная модель впитывает в себя изменения, вносимые левоцентристскими партиями в Европе. Я хотел бы коротко охарактеризовать ключевые черты новой европейской социальной модели.

Во-первых, эта модель по-прежнему включает в себя перераспределение доходов и имущества, ибо без такового социальная справедливость невозможна. Социал-демократы и впредь должны выступать

за перераспределение, но акцент следует изменить. В пассивном перераспределении доходов и богатств нет ничего хорошего. Новая европейская социальная модель должна включать в себя в первую очередь то, что я называю эгалитаризмом на основе распределения возможностей. Мы хотим перераспределять знания, умения таким образом, чтобы тот потенциал, которым обладают даже самые бедные люди, предоставил им возможности для активной деятельности в нашем обществе. При пассивном распределении доходов в обществе нет места для тех, кто не может прочесть инструкции на флаконе с лекарством. Поэтому необходимо связать перераспределение со способностью человека включиться в широком смысле слова в жизнь общества; это означает обязательное инвестирование в человеческий капитал. Такой принцип подходит каждому человеку, вне зависимости от его статуса на рынке труда.

Во-вторых, новая социальная модель предполагает новый подход к налогообложению. Левые должны отбросить простую идею, что высокие налоговые ставки — это путь к социальной справедливости. Необходимо, чтобы в каждом обществе была сниженная налоговая база, привязанная к перераспределению. Кроме того, левые должны гораздо более тесно, чем раньше, увязывать фискальную политику с социально-экономической. Снижение налогов иногда обеспечивает социальную справедливость, а не противоречит ей, поскольку стимулирует создание новых рабочих мест и помогает беднякам включиться в рынок труда. Главный признак новой социальной демократии — или новой европейской социальной модели — более продуманный подход к налогообложению.

В-третьих, новая европейская социальная модель, как я ее вижу, предусматривает полную занятость. Полная занятость больше уже не считается утопичной целью, и ее не следует рассматривать как акт предательства по отношению к социальным целям, так как в Европе хорошо известны страны, для которых характерны и полная занятость, и одновременно приверженность целям социального благосостояния и перераспределения. Это такие страны, как Ирландия, Дания, Нидерланды, Австрия, Португалия и во все большей степени, как я надеюсь, Соединенное Королевство. Однако мы сможем приблизиться к ситуации в названных странах только в том случае, если сумеем согласовать социальную справедливость с полной занятостью. Полная занятость в настоящее время уже не означает того, что она означала в прошлом. Теперь полная занятость включает в себя разделение труда между полами, между домом и работой, она предпола-

гает гораздо более дифференцированный рынок труда, чем раньше. Новая европейская социальная модель подразумевает гибкий рынок труда. Рынок труда уже не может быть неподвижным. Гибкость заходит с черного входа в виде теневой экономики, уклонения от налогов, формирования новых отношений между людьми вне рынка труда. Гибкость будет существовать независимо от того, хотите вы этого или нет. То, чего мы хотим, — это умеренно контролируемая, регулируемая гибкость, и осуществить это возможно. Примером является Дания с ее экономикой, основанной на принципе переговоров. Отсюда следует, что новая европейская социальная модель должна состоять из двух компонентов: регулируемой гибкости с приличным уровнем минимальной зарплаты и того, что я назвал бы гарантией человеческого капитала (*human capital guaranty*). Гарантия человеческого капитала имеет огромное значение, поскольку отличает европейскую модель гибкости от американской, которая такую гарантию не предусматривает. Гарантия человеческого капитала предоставляется прежде всего правительством, что требует от него проведения постоянной политики профессиональной переподготовки и возвращения безработных на рынок труда. Такой принцип успешно осуществляется в ряде стран. Действительно интересный феномен — это центральноевропейские экономики; кроме того, возникает кольцо успешно развивающихся экономик, которое охватывает Данию, Ирландию, Португалию, Испанию, Нидерланды, где безработица очень быстро сокращается, и даже Грецию, где наблюдается ускорение экономического развития. Европейским странам с сильными в прошлом экономиками следует обратить внимание на эти модели, чтобы попытаться повысить уровень занятости в своих странах, создать «поколение занятых» (*job generation*). Общество социальной справедливости предполагает квоту занятости около 70%. В Дании и Соединенном Королевстве квота занятости составляет 78%, в Германии — 64, в Италии — 50%. При высокой квоте занятости правительство может вкладывать деньги туда, где это необходимо. Людям же необходимы прежде всего здоровье и образование. Если большинство работоспособных людей будет обеспечено работой при приличных условиях труда, появится возможность увеличить расходы на эти классические цели государства благосостояния.

В-четвертых, новая социальная модель предполагает новый общественный договор. Новый общественный договор нужно создавать на основе двух компонентов — «возможность и ответственность». Я предпочитаю термин «ответственность» термину «обязанность»,

поскольку ответственность предусматривает активный конструктивный подход. При реорганизации системы социального благосостояния акцент переносится именно на возможность и ответственность, что имеет кардинальное значение для социал-демократов, которые приходят к власти и стремятся ее удержать. Во всех европейских странах большинство населения поддерживает расходы на здравоохранение, образование и в определенной степени на пенсии, но не поддерживает роста расходов на улучшение жизни бедных.

Такая ситуация создает проблему для социал-демократов, так как для социал-демократии важную роль играет улучшение условий жизни наименее привилегированных. Как это сделать, если вы должны формировать новый общественный договор, позволяющий выстраивать консенсус между наименее привилегированными и новым средним классом, владеющим информационными технологиями? Представители этого среднего класса в общем и целом готовы принять программу социальной справедливости, если речь идет о равенстве возможностей, но не поддерживают увеличение социальных выплат людям, которые пассивно пользуются ими.

Далее, нам нужно справиться с новыми формами социальной исключенности. Многим не нравится замена термина «неравенство» термином «исключенность». Но эта замена не является концептуальной, хотя исключенность представляет собой во многих отношениях нечто новое. Наиболее заметные формы социальной исключенности вызваны «новой экономикой знаний», при которой люди с низкой квалификацией на рынке труда не нужны. В результате по всему миру происходит новое разделение общества снизу вверх на два класса, усугубляемое недостатками государства благосостояния.

В крупных государствах вне Европы наблюдаются худшие формы социальных лишений. Необходимы целевые программы как часть политики социальной справедливости по устранению этих явлений.

Я убежден, что социал-демократы не могут действовать изолированно друг от друга. Все говорят о глобализации. Но нет возможности реагировать на связанные с глобализацией проблемы только на национальном или региональном уровне. Необходима глобальная реакция как на новые виды неравенства, возникающие из-за глобализации, так и на требования, касающиеся управления мировой экономикой. Социал-демократические партии и их лидеры должны работать вместе, чтобы установить более эффективный мировой порядок.

В Великобритании тоже есть страстные приверженцы Европейского Союза, и я принадлежу к ним. Европейский Союз не является

традиционной ассоциацией национальных государств. Он непохож ни на ООН, ни на другие международные организации. Это первый случай в истории, когда государства объединяют свои ресурсы и готовы пожертвовать частью суверенитета. Разве такой Европейский Союз, не будучи поражен евросклерозом, не может послужить моделью для остального мира? Я думаю, ЕС может быстро утвердить себя в новой экономике. Это потребует политического мужества от политических деятелей левого центра, принятия политического курса, который не вписывается в традиционную левую идеологию. Если эти факторы будут налицо, а именно они были лейтмотивом Лиссабонского саммита, мы снова сможем увидеть чрезвычайно успешную, динамичную Европу, Европу полной занятости, которая станет конкурентоспособной частью мировой экономики. При этом ключевую роль будет играть социальная справедливость. Высокий уровень равенства возможностей будет конкурентным преимуществом стран ЕС в мировой экономике.

Печатается по изд.: Социал-демократия сегодня. М., 2002. С. 8–11, 12–16.

ФАШИЗМ

Пьер Милза

Современный французский политолог, исследователь фашизма.

Что такое фашизм?

Едва появившись в политическом лексиконе, слово «фашизм»¹ стало служить для обозначения самых различных режимов, движений, коллективных и индивидуальных действий и образов мышления. До самого последнего времени, особенно в странах либеральной демократии, фашизмом порой назывались любые проявления правой политики. Правые же, наоборот, с фашизмом отождествляли красный тоталитаризм. При этом ни в том, ни в другом лагере не могли четко объяснить, где кончается правая политика и где начинается тоталитаризм. Такая практика уподобления не нова. Еще в довоенный период движения и режимы, реакционные в весьма классическом смысле, легко причислялись к фашистским.

Три классические интерпретации фашизма, принадлежащие трем большим идеологическим антифашистским семьям, играли и продолжают играть важную роль в историографии проблемы.

Первая из этих интерпретаций — теория «нравственной болезни» Европы. Наиболее разработанная версия данной теории принадлежит итальянскому философу Б. Кроче. Он считал, что фашизм — это реакция в большинстве европейских стран против общей тенденции осуществления идеалов, унаследованных от философии Просвещения. Таким образом, фашизм не вписывается в поток истории, не вытекает из данной политической ситуации, а напротив, является помехой, паузой в распространении «сознания свободы» в западных обществах, болезнью, привитой здоровому организму.

Тезис о фашизме как «необыкновенном отклонении», отрыве от восходящей линии, которой следовала с XVIII в. европейская цивилизация, поддерживали и развивали другие западные исследователи либерального толка в послевоенный период. Все они рассматривали

¹ От итальянского *fascio di combattimento* — «боевая связка». Термин был заимствован итальянскими националистами у крайне левых, он связан с революционаристской традицией («связки» сицилийских трудящихся в 1893–1894 гг.). Фашистским назвало себя общенациональное собрание сторонников Муссолини, собравшееся 23 марта 1919 г. в Милане.

фашизм как «реакционный инцидент», обусловленный массовым стремлением к материальным благам вкупе с компенсаторной потребностью найти паллиатив утрате традиционных, особенно религиозных, идеалов. Этот инцидент мог лишь на время изменить нормальное продвижение европейской цивилизации и не имел подлинных корней в прошлом. Либеральные исследователи обычно указывают на сродство между фашизмом и коммунизмом. Кроче писал, что ни один социальный класс специально не думал о фашизме, не желал его, не поддерживал его.

Вторая интерпретация фашизма — радикальная, первоначально появившаяся в левых немарксистских кругах. Ее сторонники делают упор на ответственность итальянской и немецкой буржуазии за приход фашизма и национал-социализма. По мнению радикалов, фашизм является логическим и неизбежным результатом длительной эволюции, следствием врожденных пороков исторического развития определенных стран, в первую очередь Италии и Германии.

Среди сторонников излагаемой теории существуют значительные расхождения относительно корней фашизма. Одни видят их в глубине истории (деспотизм и коррупция в итальянских государствах XVII в., лютеранская Реформация в Германии), другие ищут истоки фашизма ближе к современности. Если речь идет о Германии и Италии, то это десятилетия их развития после общенационального воссоединения и начала процесса индустриализации. В той и другой стране правящий класс оказался не способным восстановить равновесие, нарушенное быстрым промышленным ростом, политически сплотить массы и привести в действие механизмы действительно демократического режима. Таким образом, фашизм лишь обнаружил глубокий кризис общества. Обращается также внимание на невключенность масс в политическую жизнь, над которой господствовала «парламентская диктатура». В рамках данной теории существует еще одна, более сбалансированная, тенденция, представители которой стремятся выявить в предыстории фашизма зерна будущей тоталитарной диктатуры. Они отмечают, что до самого последнего момента фашистский исход не является «фатальным», «предопределенным», вместе с тем прецеденты националистического поведения могут обратиться мощными факторами фашистского влияния.

Третья классическая интерпретация фашизма принадлежит марксистам. Ее основу составляют следующие положения: фашизм можно объяснить лишь в рамках социоэкономических структур капиталистического общества, находящегося на стадии монополистической

концентрации и империализма. Фашизм одновременно выражает их противоречия и является специфической для XX в. формой антипролетарской реакции.

Эта общая схема претерпевала изменения, которые можно проследить по документам III Интернационала. Со времени V конгресса Коминтерна (1925 г.) его руководители сходятся в том, что фашизм есть проявление катастрофического экономического кризиса, в котором капитализм оказался после войны. А этот кризис может завершиться в перспективе лишь победой пролетариата. Данный тезис приводил к идее о том, что в какой-то степени фашизм является позитивным явлением, ибо он ускоряет процесс загнивания капитализма и приближает пролетариат к революции. В 1931 г. на пленуме ИККИ Д. Мануильский заявил, что фашизм органически вырастает из буржуазной демократии. На этой идее основывалась тактика «класс против класса», которая доминировала в действиях компартий вплоть до 1935 г. Драматические последствия этого очевидны. Лишь после того, как гитлеровский режим обнаружил свои агрессивные устремления, в коминтерновскую формулировку были внесены существенные коррективы. Это означало, в частности, отход от тезиса о «социал-фашизме», признание того, что существует нефашистская, более того — антифашистская буржуазия, с которой возможно сотрудничество. Еще в 20-е гг. ряд марксистских теоретиков пытались скорректировать догматические концепции Коминтерна. Среди этих теоретиков выделяется А. Грамши, который интерпретировал фашизм не как завершение капитализма, а напротив, как форму организации молодого капитализма; фашизм не является прямым и простым выражением классового господства финансового капитала, но есть результат равновесия между различными классами и социальными категориями, которые образуют «правящий блок».

Следует также упомянуть о работах неортодоксальных марксистов и марксистов-диссидентов, появившихся в межвоенный период. Среди них — Л. Троцкий, который «плавал» между определением фашизма как диктатуры крупного капитала и идеей о том, что маргинализирующаяся и пролетаризирующаяся мелкая буржуазия сыграла фундаментальную роль в пришествии фашизма. Философ Э. Блох объяснял фашизм сосуществованием в одном и том же обществе коллективных ментальных структур, соответствующих настоящему состоянию капиталистической экономики, и структур, относящихся к давно прошедшему времени. Такая «неодновременность» характерна в особенности для крестьянства и мелкой буржуазии.

Помимо трех названных выше классических интерпретаций фашизма следует назвать и теории второстепенного для науки значения. К ним относятся апологетические трактовки фашизма, которые формулировали сами его сторонники, а также историки с весьма консервативными взглядами. Первые подчеркивали революционные аспекты фашизма, требующего возвращения к источникам долиберальных ценностей, которым угрожали одновременно и деградация парламентской демократии, и подъем коммунизма. Вторые, напротив, делали ударение на консервативных элементах в фашизме, представляя его как оплот, который стихийно образовался ради спасения западного общества в тот момент, когда его грозит захлестнуть подрывная деятельность марксизма.

Более интересны теории некоторых католических мыслителей, в частности француза Ж. Маритена. В этих теориях принимается в известной мере тезис о «нравственной болезни». Но свою главную задачу их авторы видят в том, чтобы объяснить истоки цивилизационного кризиса, породившего эти два тоталитарные феномена — фашизм и коммунизм.

Среди социолого-политических исследований фашизма отметим в первую очередь разработанную американскими учеными либерального толка и немецкими социологами из франкфуртской школы с ее промарксистскими влияниями теорию тоталитаризма. Еще перед Второй мировой войной в общую категорию тоталитарных режимов стали включать немецкую, итальянскую и советскую диктатуры. Теория тоталитаризма воскресла и развилась вместе с холодной войной. Для ее сторонников фашизм вместе с коммунизмом — формы, которые принимает тоталитаризм, рассматриваемый как феномен XX в. У истоков данного феномена находится кризис современного общества, восходящий к XIX в. и проявляющийся в переходе либерально-национального государства в империалистическую стадию, в крушении системы классовых ценностей и особенно в атомизации общества. Разрыв связей и распад традиционных социальных групп в результате промышленной революции ведут к освобождению индивидуумов вместе с нивелированием общества и культуры, которые обрекают людей на изолированность и однообразие. Так создаются «массы», эти «осколки атомизированного общества» (Х. Арндт), лишённые специфически классового сознания и определенных политических целей, а потому оказывающиеся легкой добычей демагогов всех мастей.

К. Фридрих и З. Бжезинский дают перечень основных критериев тоталитаризма. Это «глобальная» идеология, единственная партия,

система физического и психологического террора, монополия на средства информации и военный аппарат, бюрократический контроль над экономикой. Тоталитаризм интегрирует обычно апатичные и аполитичные массы в новую социополитическую систему и реструктурирует социальный организм в интересах «элиты» мелкобуржуазного происхождения, в которой первое время преобладают «маргинальные» элементы.

Теорию тоталитаризма породили определенные обстоятельства. Думается, в ней возникает политическая подоплека, когда ее представители больше стремятся подчеркивать то, что сближает фашизм и коммунизм, чем то, что их различает, противопоставляя этим двум формам тоталитаризма либерально-демократическое общество, к которому не пристаёт никакая зараза, освобожденное от ответственности. Ни условия взятия власти, ни игра социальных сил, создающая почву для прихода диктатуры, особого внимания теоретиков тоталитаризма не вызывают. В разрабатываемых ими моделях фашизм и нацизм появляются из небытия во всех доспехах.

Другие социологи не приходили к подобным заключениям, но также подчеркивали в своих объяснениях генезиса фашизма роль атомизации общества и появления в нем неорганизованных масс. Уже в 1929 г. немецкий исследователь К. Маннгейм описывал фашизм как вторжение на политическую сцену масс, не включенных в существующий социальный строй и руководимых деклассированными интеллектуалами. Последние составляют ядро «замещающей элиты», о которой говорил еще В. Парето.

Третья группа социологических интерпретаций фашизма на первый план среди объяснительных факторов выдвигает действия средних классов. Складывание взглядов этой группы началось в 30-е гг. (работы американца Г. Д. Лассуэлла и других). Отметим здесь исследования С. М. Липсета. Он полагал, что каждая из трех больших политических семей, рожденных Французской революцией, покоится на определенной социальной базе: первым взглядам соответствуют различные фракции буржуазии, левым социалистическим — промышленные рабочие и самая бедная часть крестьянства, наконец, центристским — средние классы. (Хотя, конечно, имеются отдельные рабочие с правыми взглядами и отдельные буржуа — с левыми.) Каждая из трех названных социальных сил политически делится на две антагонистические тенденции — демократическую (или умеренную) и экстремистскую. В этой перспективе фашизм есть не что иное, как экстремистское крыло центристов, а радикализм (во французском

понимании этого термина, обозначающего радикальное движение) представляет демократическое их крыло. Такой подход позволяет Липсету отличать собственно фашизм от авторитарных движений и режимов, являющихся экстремистскими вариантами двух других социополитических семейств: у правых это реакционные диктатуры хортистского и салазаровского типа, у левых это, конечно, коммунизм, но также феномены, подобные перонизму. В то же время данный подход имеет немало слабых сторон. Особо отметим то, что никак не учитывается вмешательство крупных частных интересов в эволюцию движений и режимов фашистского типа.

Большое значение вклада американских социологов 60-х гг. в том, что они заставили историков (по крайней мере, некоторых из них) пересмотреть отношения между фашизмом и средним классом, переводя внимание с активистов и кадрового состава партий на их рядовых членов и избирателей, т. е. на социальную базу движения. А она оказывалась во множество раз менее маргинальной и атомизированной, чем это полагали теоретики «тоталитарной» школы. Основываясь на исследованиях по электоральной социологии, Липсет составил портрет-робот избирателя, поддержавшего в 1932 г. в Германии нацистов: самостоятельный представитель средних классов, проживающий на ферме или в местечке, протестант, ранее голосовавший за какую-то центристскую или регионалистскую партию, враждебно относящийся к крупной промышленности.

Наряду с социологическими развитие получили и социально-экономические интерпретации фашизма. Заслуга представителей этого направления состоит в том, что они стремились найти точки соприкосновения между фашизмом 30-х гг. и некоторыми авторитарными режимами, утвердившимися в третьем мире в наши дни. Одна из наиболее значительных работ принадлежит американцу А. Ф. К. Органски, не считающему фашизм идеологическим продуктом мелкой буржуазии. Этот автор выделяет четыре этапа экономического роста современных обществ (во многом следуя схеме У. Ростоу): фашизм может появиться лишь на второй стадии — в начале индустриализации, первоначального накопления. Но европейский фашизм не был единственным ответом на эти проблемы, их решали и либерально-буржуазный режим, и сталинизм. Самое интересное в исследованиях Органски — то, что он вполне убедительно показывает: фашизм есть один из ответов на проблемы индустриализации; переход на этот уровень в наше время отставших в своем экономическом развитии стран реально воспроизводит условия, похожие на те, что существо-

вали в Европе 20-х гг. А это может обусловить новый всплеск фашизма в мире.

Социально-экономическое объяснение фашистского феномена предлагают также социологи марксистской формации, но исповедующие леворадикальные взгляды. Речь идет о Г. Маркузе, М. Хоркхаймере, Т. Адорно, Ю. Хабермасае и вообще об участниках и приверженцах франкфуртской школы. Они смотрят на фашизм не как на «несчастный случай» с капитализмом, а как на «продукт исторической констелляции¹, имеющей глубокие корни в эволюции нашего социального порядка». На монополистической стадии современных экономик возникает фундаментальное противоречие между инфраструктурами, которые более не являются конкурентными, и идеологией, официально остающейся либеральной. В этом расхождении кроется угроза для монополистического капитализма. Для того чтобы уйти от нее, в межвоенное время и был использован фашизм. Ныне этой же цели служит «одномерное общество»; Маркузе и его ученики понимают под ним социум, который ради абсолютной стабильности исключает всякую дискуссию, ориентируется на политическое единство, используя для его поддержания средства массовой информации и пропаганды. Иначе говоря, для социологов франкфуртской школы фашизм и неокapитализм — два аспекта одной социально-экономической реальности; современные развитые общества прекрасно могут поддерживать и укреплять свои структуры, не прибегая к такому чрезвычайному средству, каким являлась фашистская диктатура.

Говоря о франкфуртской школе, мы подходим к еще одной интерпретации фашизма — психосоциальной. Обнаружив разрыв между монополистическими структурами и либеральными надстройками, Хоркхаймер показал, что этот разрыв ведет к развитию иррациональных тенденций, которые проявляются, например, в антисемитизме. Э. Фромм сделал вывод о том, что в деструктурированном обществе XX в. человек, лишившийся своих традиционных групповых связей, оказывается изолированным и отчужденным. Отсюда — ощущение беспомощности, от которого индивид пытается избавиться с помощью «механизмов бегства». Это авторитаризм, «разрушительность», конформизм. Они составляют опору фашизма. Фромм отнюдь не отрицает его экономическую и политическую базу. Но главное для ученого — объяснить, почему фашизм смог овладеть душами миллионов людей, не встретив сопротивления. По Фромму, в опре-

¹ Имеется в виду совпадение целого ряда факторов исторического развития.

деленных социально-экономических условиях (инфляция, увеличивающая власть монополий) особенно резко проявляются некоторые черты характера средних классов, начиная с садомазохистских тенденций. Их перехватывает и усиливает национал-социалистическая идеология, превращая в экспансионистскую силу. Сравнивая фашизм и сталинский коммунизм, Фромм признает одну их общую фундаментальную черту: они предоставляют атомизированному индивиду убежище и новую безопасность.

Для социоисторического объяснения фашизма довольно широко привлекаются понятия психоаналитической теории. По этому пути первым пошел австрийский психолог В. Райх: фашизм представляет собой главным образом девиантную (отклоняющуюся) и садомазохистскую реакцию на отчуждение в современном обществе, на сексуальное и властное подавление. Любопытна его психоаналитическая интерпретация выбора политической ориентации: общая структура характера обычного человека представляет собой три «концентрических» круга. На уровне внешнего слоя человек этот сдержан, вежлив, толерантен, сознает свой долг и владеет собой; ему психологически соответствует политический либерализм. Средний слой — это бессознательное, по Фрейду, — жестокие, садистские, похотливые, алчные, завистливые побуждения; фашизм ориентирован именно на такие импульсы. «На уровне третьего слоя («глубинного биологического ядра») человек снова добр, полон любви и т. д.; ему соответствует «чисто революционных дух». Райх пытался выяснить, почему женщины, молодежь, мелкие буржуа более подвержены влиянию фашизма. <...>

Печатается по изд.: Милза П. Что такое фашизм? // Полис. 1995. № 2. С. 156–163.

ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Политические партии, т. е. современные организации, имеющие целью борьбу за власть, появились только во второй половине XIX в., хотя борьба за власть и влияние между сословными, социальными, этническими, религиозными, аристократическими кланами и придворными камарильями, очевидно, ведется с тех пор, как существует человеческое общество. Если менялись условия борьбы, то изменялись и ее формы. В Древней Греции и Риме партийная борьба велась открыто и демократично, хотя и там порой приобретала вооруженный характер. В закрытых обществах Древнего Востока партийная борьба шла подспудно, тайно в форме интриг, заговоров, расправ, убийств, угроз, щедрых посулов, обещаний и т. д. Только в XVII–XVIII вв. ведущие политические мыслители поняли, что лучше легализовать партийную борьбу, придав ей открытый, соревновательный характер, чем запрещать политические партии. С этого времени партии становятся составной частью политики: они дифференцируют электорат, предлагая свои программы и помогая каждому избирателю в его политической идентификации, они создают правительства и реализуют свои программные требования. Партийные фракции образуют парламенты — специальные органы для принятия законов и обсуждения бюджетов. Партийные организации помогают населению политически социализироваться, готовят кадры для государственной службы. Как выразился Т. Джефферсон: «...политические партии существенно необходимы демократии».

Совокупность политических партий данного общества составляет его партийную систему. Но на партийную систему можно смотреть по-разному. Ее могут составлять буквально все партии страны — и партии-гиганты, и партии-карлики. Но когда политологи говорят о партийной системе, они имеют в виду в первую очередь совокупность парламентских партий, т. е. партий, получивших с помощью выборов право создать свои парламентские фракции. Партийная система в целом, кроме отмеченных функций отдельных партий, обладает свойством стабилизировать общество, ибо придает борьбе легитимный, открытый, цивилизованный характер.

Макс Вебер (1864–1920)

Макс Вебер родился в Эрфурте, в состоятельной семье крупного деятеля Национально-либеральной партии. С детства Макс и его младший брат Альфред (тоже ставший известным социологом и экономистом) живо интересовались вопросами политики и партийной работы. Этот интерес они сохранили на всю жизнь.

М. Вебер окончил юридический факультет Гейдельбергского университета и преподавал в Берлинском (1892–1894), Фрайбургском (1894–1896), Гейдельбергском (с 1896) университетах.

Затем М. Вебер вместе с Вернером Зомбартом в 1904 г. начинают редактировать научный журнал «Архив социальной науки и социальной политики». Именно в этом издании выходит всемирно известная «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), а также статьи «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904), «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906).

Для политологии наиболее ценны исследования Вебера в области типов господства (легальное, традиционное, харизматическое), его анализ и оценка бюрократии, роли религиозной этики в социально-экономической деятельности людей, его прогнозы относительно будущего капитализма и социализма.

Молодым людям, изучающим политологию, стоит познакомиться с речами уже пожилого Вебера, Вебера-наставника, обращенными к молодежи: «Наука как призвание и профессия» и «Политика как призвание и профессия», прочитанными перед аудиторией Свободного студенческого союза в 1918 г.

Как теоретик партий Вебер обосновал исторические этапы партийного онтогенезиса (партия как «свита аристократии», партия как локальный политический клуб, современные формы партийной организации). Партии, по мысли Вебера, прошли путь от дворянских клик и групп уважаемых людей через парламентские фракции до мощных общенациональных сплоченных «предприятий», руководимых профессиональными политиками.

«Человеческий аппарат» партии, поставленный под контроль партийных боссов, может стать машиной для приобретения власти. «Создание таких машин, — замечает Вебер, — означает наступление плембисцитарной демократии». А фигурой, которая появляется на политической арене вместе с такой машиной, является босс, т. е. полити-

ческий предприниматель, обеспечивающий голоса кандидату в президенты. Таким образом, политические партии к концу XIX в. превратились в корпорации, т. е. могущественные, капиталистические, заорганизованные сверху донизу предприятия, опирающиеся на крепкие, построенные подобно ордену клубы типа «Таммани-холл», «целью которых является достижение прибыли через политическое господство прежде всего над коммунальным управлением, представляющим и здесь важнейший объект эксплуатации».

Политика как призвание и профессия

[Кабинет как постоянная комиссия партии]

Необходимость формально единого ведения *всей* политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем окончательно сформулировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию. Само собой разумеется, что и до этого, правда, постоянно появлялись такие отдельные личности, как советники или, более того, по существу руководители князей. Но организация учреждений пошла сначала, даже в наиболее развитых в этом отношении государствах, иными путями. Возникли *коллегиальные* высшие управленческие учреждения. Теоретически и в постепенно убывающей степени фактически они заседали под личным председательством князя, выдававшего решение. Через посредство этой коллегиальной системы, которая вела к консультативным заключениям, контрзаключениям и мотивированным решениям большинства или меньшинства; далее, благодаря тому, что он окружал себя, помимо официальных высших учреждений, сугубо личными доверенными — «кабинетом» — и через их посредство выдавал свои решения на заключения государственного совета — или как бы там еще ни называлось высшее государственное учреждение, — благодаря всему этому князь, все больше попадавший в положение дилетанта, пытался избежать неуклонно растущего влияния высокопрофессиональных чиновников и сохранить в своих руках высшее руководство; эта скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду. Перемены тут происходили только вопреки парламентам и притязаниям на власть их партийных вождей. Но весьма различные условия приводили к внешне одинаковым результатам. Там, где династии удерживали в своих руках реальную власть — как это в особенности имело место в Германии, — интересы князей оказывались солидарными с интересами чиновничества *в противоположность* парламенту и его притязаниям на власть. Чиновники были заинтере-

сованы, чтобы из их же рядов, т. е. через чиновничье продвижение по службе, замещались и руководящие, т. е. министерские, посты. Со своей стороны монарх был заинтересован в том, чтобы иметь возможность назначать министров по своему усмотрению тоже из рядов чиновников. А обе вместе стороны были заинтересованы в том, чтобы политическое руководство противостояло парламенту в едином и замкнутом виде, т. е. чтобы коллегиальная система была заменена единым главой кабинета. Кроме того, монарх, уже для того, чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападков, нуждался в особой личности, прикрывающей его, т. е. держащей ответ перед парламентом и противостоящей ему, ведущей переговоры с партиями. Все эти интересы вели здесь к одному и тому же: появлялся единый ведущий министр чиновников. Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она — как в Англии — пересиливала монарха. Здесь получил развитие «кабинет» во главе с единым парламентским вождем, «лидером», как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силы — *партии*, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы — партии — и, таким образом, не могли быть представителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утверждать свою власть внутри [государства] и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, т. е. именно в кабинете, а по отношению к общественности, прежде всего парламентской общественности, — в ответственном за все решения вожде — главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияние демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая посредством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главу назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства. <...>

[Партия как предприятие претендентов]

Во всех сколько-нибудь обширных, т. е. выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с периодическими выборами власть имущих политическое предприятие необходимо является предприятием претендентов (*Interessen-*

tenbetrieb). Это значит, что относительно небольшое количество людей, заинтересованных в первую очередь в политической жизни, т. е. в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов. Невозможно себе представить, как бы в крупных союзах вообще происходили выборы без такого предприятия. Практически оно означает разделение граждан с избирательным правом на политически активные и политически пассивные элементы, а так как это различие базируется на добровольности самих избирателей, то оно не может быть устранено никакими принудительными мерами, например обязательностью участия в выборах, или «цеховым» (*berufsstandische*) представительством, или другими предложениями такого рода, демонстративно или фактически направленными против этого факта, а тем самым против господства профессиональных политиков. Вожди и их свита как активные элементы свободной вербовки и свиты, и, через ее посредство, пассивной массы избирателей для избрания вождя — суть необходимые жизненные элементы любой партии. Однако структура их различна. Например, «партии» средневековых городов, такие как гвельфы и гибеллины, представляли собой сугубо личную свиту <...>

[Этапы генезиса партийной организации в Европе (партии — свита аристократии, партии — локальные политические клубы, современные политические партии)]

Эти партии в нашем обычном смысле первоначально тоже были, например в Англии, только свитой аристократии. Каждый переход в другую партию, совершаемый по какой-либо причине пэром, влек за собой немедленный переход в нее всего, что от него зависело. Крупные дворянские семьи, и не в последнюю очередь, король вплоть до Билля о реформе осуществляли патронаж над множеством округов. К этим дворянским партиям близко примыкают партии уважаемых людей, получившие повсеместное распространение вместе с распространением власти бюргерства. «Образованные и состоятельные» круги, духовно руководимые типичными представителями интеллектуальных слоев Запада, разделились, частично по классовым интересам, частично по семейной традиции, частично по чисто идеологическим соображениям, на партии, которыми они руководили. Духовенство, учителя, профессора, адвокаты, врачи, аптекари, состоятельные сельские хозяева, фабриканты — весь тот слой, который в Англии причисляет себя к *gentleman*, — образовали сначала нерегулярные

политические союзы, самое большое — локальные политические клубы; в смутные времена беспокойство доставляла мелкая буржуазия, а иногда и пролетариат, если у него появлялись вожди, которые, как правило, не были выходцами из его среды. На этой стадии по всей стране еще вообще не существует интерлокально организованных партий как постоянных союзов. Сплоченность обеспечивают только парламентарии; решающую роль при выдвижении кандидатов в вожди играют люди, уважаемые на местах. Программы возникают частично из агитационных призывов кандидатов, частично в связи со съездами уважаемых граждан или решениями парламентских партий. В мирное время руководство клубами или, там, где их не было, совершенно бесформенным политическим предприятием осуществляется со стороны небольшого числа постоянно заинтересованных в этом лиц, для которых подобное руководство — побочная или почетная должность; только журналист является оплачиваемым профессиональным политиком, и только газетное предприятие — постоянным политическим предприятием вообще. Наряду с этим существуют только парламентские сессии. Правда, парламентарии и парламентские вожди партий знают, к каким уважаемым гражданам следует обращаться на местах для осуществления желаемой политической акции. И лишь в больших городах постоянно имеются партийные союзы (*vereine*) с умеренными членскими взносами, периодическими встречами и публичными собраниями для отчета депутатов. Оживление в их деятельности наступает лишь во время выборов.

Заинтересованность парламентариев в возможности интерлокальных предвыборных компромиссов и в действительности единых, признанных широкими кругами всей страны программ и единой агитации вообще по стране становится движущей силой все большего сплочения партий. Но если теперь сеть местных партийных союзов существует также и в городах средней величины, и даже если она растянута «доверенными лицами» по всей стране, а с ними постоянную переписку ведет член парламентской партии как руководитель центрального бюро партии, то это не меняет принципиального характера партийного аппарата как объединения уважаемых граждан. Вне центрального бюро пока еще нет оплачиваемых чиновников; именно «видные люди» ради уважения, которым они обычно пользуются, повсюду руководят местными союзами: это внепарламентские уважаемые граждане, которые оказывают свое влияние наряду с политическим слоем уважаемых граждан — заседающих в данный момент в парламенте депутатов. Конечно, поставщиком духовной пи-

щи для прессы и местных собраний во все большей мере является издаваемая партией партийная корреспонденция. Регулярные членские взносы становятся необходимыми; часть их должна пойти на покрытие издержек штаб-квартиры партии. <...>

Такому идиллическому состоянию господства кругов уважаемых людей, и прежде всего парламентариев, противостоят ныне сильно от него отличающиеся самые современные формы партийной организации. Это детища демократии, избирательного права для масс, необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития полнейшего единства руководства и строжайшей дисциплины. Господству уважаемых людей и управлению через посредство парламентариев приходит конец. Предприятия берут в свои руки политики «по основной профессии», находящиеся *вне* парламентов. Либо это «предприниматели» — например, американский босс и английский «election agent» были, по существу, предпринимателями, — либо чиновник с постоянным окладом. Формально имеет место широкая демократизация. Уже не парламентская фракция создает основные программы и не уважаемые граждане занимаются выдвижением кандидатов на местах. Кандидатов предлагают собрания организованных членов партии, избирающие делегатов на собрания более высокого уровня, причем таких уровней, завершающихся общим «партийным съездом», может быть много. Но фактически власть находится в руках тех, кто *непрерывно* ведет работу внутри [партийного] предприятия, или же тех, от кого его функционирование находится в финансовой или личной зависимости, например меценатов или руководителей могущественных клубов политических претендентов («Таммани-холл»). Главное здесь то, что весь этот человеческий аппарат — «машина» (как его примечательным образом называют в англосаксонских странах) — или, скорее, те, кто им руководит, в состоянии взять за горло парламентариев и в значительной мере навязать им свою волю. Данное обстоятельство имеет особое значение для отбора *вождей* партии. Вождем становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление *плебисцитарной* демократии.

Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждут от победы своего вождя личного вознаграждения — постов или других преимуществ. От него — не от отдельных парламентариев или же не только от них; это главное. Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект *личности* вождя обес-

печит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе, а тем самым власть и благодаря ей в наибольшей степени расширит возможности получения ожидаемого вознаграждения для приверженцев партии. А труд с верой и личной самоотдачей человеку, не какой-то абстрактной программе какой-то партии, состоящей из посредственностей, является тут идеальным моментом — это «призматический» элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил.

Данная форма получила признание не сразу, а в постоянной подспудной борьбе с уважаемыми людьми и парламентариями, отстаивающими свое влияние. Сначала это произошло в буржуазных партиях Соединенных Штатов, а затем — прежде всего в социал-демократической партии Германии. Коль скоро в какой-то момент партия оказывается без общепризнанного вождя, поражения следуют одно за другим, но даже если он есть, нужны всякого рода уступки тщеславию и небескорыстию уважаемых людей партии. Но прежде всего и машина может оказаться во власти партийного *чиновника*, прибравшего к рукам текущую работу. <...>

[Современные политические партии — это партии-машины, партии-корпорации]

Итак, речь идет о могущественном капиталистическом, насквозь заорганизованном сверху донизу партийном предприятии, опирающемся также на чрезвычайно крепкие, организованные подобно ордену клубы, целью которых является исключительно достижение прибыли через политическое господство прежде всего над коммунальным управлением, представляющим и здесь важнейший объект эксплуатации. <...>

Начиная с восьмидесятых годов буржуазные партии полностью превратились в корпорации уважаемых людей. <...>

Печатается по изд.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 659–660, 670–671, 672–673, 674–676, 676–680, 687.

Аббот Лоуэлл (1856–1943)

Американский политолог Аббот Лоуренс Лоуэлл родился в Бостоне в обеспеченной семье. После окончания средней школы и юридического факультета Гарварда (1877) продолжил образование в Школе права при Гарвардском университете, которую успешно окончил в 1880 г. После семнадцати лет юридической практики в Бостоне вер-

нулся в Гарвард для педагогической деятельности. Защитил докторскую диссертацию, долгое время работал профессором государственного права, президентом Гарвардского университета (1909–1933), был избран почетным доктором многих американских и иностранных университетов, членом американской академии искусства и литературы.

Кроме цитируемой далее работы Лоуэлла «Правительства и политические партии в государствах Западной Европы», на русский язык переведен его труд «Государственный строй Англии» (М., 1915), который в свое время считался лучшим сочинением по государственному праву этой страны. В нем Лоуэлл обстоятельно и объективно исследует английскую конституцию с юридической и политической точки зрения, местное самоуправление, народное образование, церковное устройство, управление колониями, а также историю организации политических партий.

Правительство и политические партии в государствах Западной Европы

[Парламентарное управление и двухпартийная система]

Разделение на две партии есть не только нормальный результат парламентской системы, но также главное условие ее успеха. Предположим, например, что сформировалась третья партия, предположим, что эта группа делается настолько многочисленной, что от нее будет зависеть образование большинства, необходимого для поддержки правительства, стоящего у власти. Если в этом случае обе прежние партии не образуют союза, или даже одна из них путем уступок не поглотит новой группы, никакое министерство не будет в состоянии обеспечить себе большинство. Всякий кабинет будет свертаться сейчас же по сформировании, и парламентарное управление будет невозможно. Предположим затем, что третья партия не высказывает непримиримой враждебности к обеим другим и согласна временно терпеть кабинет одной из них... При таких условиях парламентарное управление не невозможно, но в высшей степени трудно. Министры вынуждены гоняться за двумя зайцами. Они должны стараться удовлетворить две несогласные между собой группы людей, под страхом поражения, если та или другая останется недовольна; вследствие этого их положение непрочно, и они не могут действовать с достаточной уверенностью. Затем, конечно, чем большее число разнородных групп, тем труднее задача угодить им всем, тем более слабо и непрочно положение кабинета. Затруднение это не устраняется даже раздачей портфелей членам различных групп, так как хотя этим и уменьшается трудность удовлетворения различных партий, но зато

делается еще труднее поддерживать согласие между самими министрами, и получается вошедшая в поговорку слабость коалиционных правительств. Кабинет, существование которого зависит от голосования Палаты, может твердо и успешно проводить определенную политику только в том случае, если может рассчитывать на поддержку сплоченного и надежного большинства: таким образом, парламентская система может дать стране сильное и способное достигать ощутимых результатов правительство только в том случае, когда большинство образует одна партия. Но это еще не все. Оппозиция должна быть также сплочена. До тех пор, пока министерство держится, состав меньшинства имеет мало значения; но когда меньшинство превращается в большинство, оно должно быть в свою очередь единой партией; иначе неизбежно получится слабое коалиционное министерство. Отсюда следует, что разделение Палаты на две партии и только на две партии, необходимо для того, чтобы парламентская система управления постоянно давала хорошие результаты.

[Причины многопартийности]

<...> Прежде всего мы должны обратить внимание на источник политических несогласий, с которыми мы не знакомы у нас в Америке, но который существует почти у всех наций в Европе.

У нас редко кто задается вопросом о том, почему люди, собирающиеся ежегодно в State House или Капитолии, имеют власть издавать законы. Они не обладают большим личным могуществом, мудростью или добродетелью, чем другие. Какой-нибудь конгресс ученых может обладать всеми этими качествами в гораздо большей степени, однако он не может изменить ни одной строчки в собрании законов. Происходит ли это потому, что они представители народа? Но все мы знаем, что им случается издавать законы, которых народ не желает, и однако мы без колебаний повинемся этим законам <...>. Дело в том, что хотя мы и можем расходиться во взглядах на идеальную форму правления, все мы относимся одинаково к вопросу о том, какое правительство имеет в настоящее время право требовать от нас повиновения, и мы все готовы оказывать этому правительству повиновение и поддержку. Одним словом, общее соглашение или согласие (consensus), по отношению к основам и форме управления так распространено у нас, что они представляются нам как бы чем-то созданным самою природою и неизбежным. Но не во всех государствах мы находим подобное положение вещей. <...> Во Франции люди, не признающие общего соглашения, на котором основана существующая государственная власть, носят название непримиримых. Люди

этого сорта не допускают правомочности существующего правительства, и хотя и могут временно ему повиноваться, однако цель их — революция, если не насильственными, так мирными средствами. Вследствие этого, положение их значительно разнится от положения всех других партий, так как последние ставят себе целью только направление деятельности правительства в пределах, допускаемых конституцией, и власть им может быть вверена без опасения за целостность коренных учреждений, тогда как непримиримые непременно воспользовались бы этой властью для разрушения этих учреждений и потому не могут быть допущены к управлению страной. Они образуют оппозицию, неспособную управлять, и представляют собою беспокойный элемент, который при парламентской форме правления останавливает движение всей системы.

<...> Всякое правительство держится на вере, а не на разуме, и вера народа не может быть жизненна, если он не родился с ней. А во Франции революция 1789 г. уничтожила всякую веру в государственные учреждения прежнего времени и оказалась не в состоянии поставить на ее место что-нибудь другое. <...> ...Правительства, следовавшие за революцией, существовали каждое недостаточно долго для того, чтобы заложить хотя бы основы общего политического соглашения, а постоянные их смены настолько мешали непрерывному развитию общественного мнения, что народу не удалось выработать себе какие-нибудь политические верования. В результате получилось, что каждая из форм правления, когда-либо существовавшая во Франции, имеет своих сторонников, которые являются непримиримыми при всякой другой; а вся масса среднего класса и крестьян не имеет никаких твердых политических убеждений и готова поддержать всякое правительство, способное охранять порядок.

Но это только одно из многих препятствий...

...Француз — в политике скорее теоретик, чем практик. Он скорее стремится к идеалу, пытаясь осуществить свои представления о совершенной форме общества, и неохотно поступает какой-нибудь частью его ради того, чтобы приобрести то, что достижимо. Такие склонности, разумеется, служат причиной возникновения множества групп, имеющих каждая свой собственный идеал и не желающих пожертвовать чем бы то ни было для слияния в одну большую партию. Одним словом, интенсивность политических страстей препятствует развитию истинных политических задач. <...>

Отчасти вследствие такого умственного склада, отчасти же вследствие непривычки к самоуправлению и отсутствия связей между раз-

личными частями страны, французы неохотно образуют политические организации. Неспособность быстро организоваться для политической деятельности приводит к тому поразительному результату, что как ни пылки некоторые группы... они делают очень мало попыток осуществить свои стремления, соединяя своих сторонников во всех частях страны для совместной деятельности <...>.

...При парламентной форме правления партийная организация едва ли нужна... например, в Англии необходимость в политических ассоциациях в значительной степени устраняется сильным министерством, которое действительно руководит парламентом и нацией. Но здесь мы наталкиваемся на некоторые другие причины, ведущие к раздроблению партий <...>.

Во Франции... избрание депутатов от целого департамента по единому списку и... выборы одного кандидата в каждом округе, несколько раз сменяли друг друга <...>. При обеих системах для избрания необходимо абсолютное большинство всех поданных голосов. Если явится больше двух кандидатов, и ни один из них не поручит такого большинства, две недели спустя происходят вторичные выборы... И при этом для избрания достаточно простого (относительного) большинства. Ясно, что такая процедура дает возможность каждой группе выставить своего кандидата на первых выборах. <...> ...Эта система препятствует образованию больших сплоченных партий...

<...> Обычай интерпеллировать¹ министерство имеет прямое влияние на прочность кабинета и раздробление партий... <...> Это относится в особенности к тем случаям, когда кризис происходит по поводу вопроса, не имеющего большого значения для всей массы сторонников правительства... <...>

Этот обычай возник вследствие того, что, благодаря громадной власти, принадлежащей французской администрации, и тому, что эта власть часто применялась деспотически, законодательное учреждение приобрело привычку смотреть на членов Кабинета, как на своих естественных врагов...

[Вертикальное и горизонтальное разделение партий]

Всенародное правление у какой-либо многочисленной нации, разумеется, химера, так как, как бы широко ни было избирательное право, партии непременно будут существовать, и власть будет в дей-

¹ Под интерпелляциями понимаются депутатские запросы к правительству, имеющие целью вызвать обсуждение какого-либо вопроса в палате, высказать мнение о деятельности правительства. — *Примеч. авт.*

ствительности в руках партии, которая составляет или очень близка по своей численности к тому, чтобы составлять большинство народа. Но все-таки применение этого принципа имеет большое значение. Если разграничительная линия проходит вертикально, так что партия, стоящая у власти, заключает в себе значительную часть каждого из классов, каждая часть народа принимает непосредственное участие в управлении; но если эта линия горизонтальная, так что партия составляется главным образом из лиц одного класса, тогда классы, не представленные в ней, в сущности лишаются права голоса на все время, пока эта партия господствует. Вместо настоящей демократии мы имеем правление одного класса, которое легко вырождается в тиранию. Очень вероятно, что если бы правящий класс был единственным обладателем власти по закону, то тирания была бы легче, потому что при господстве партии, составленной из одного класса, отсутствует какое бы то ни было чувство ответственности перед остальным народом, и неизбежный переход власти от одного класса к другому порождает глубокое ожесточение. Таким образом, пока партии разделяются вертикальными линиями, народное правление покоится на прочной основе. Но если все богатые люди или все люди образованные соединятся вместе — государство в опасности, а если все разграничительные линии станут совсем горизонтальными — демократия идет прямым путем к сословной тирании, которая, как показывает история, ведет к диктатуре. Вот смысл заявлений классических публицистов, говоривших, что государство естественно переходит от монархии к аристократии, от последней к демократии и затем опять обратно к монархии. Под демократией они понимали не всенародное правление, а господство низших классов. Даже территориальное давление на партии не так опасно, как горизонтальное, так как, если первое может привести к междоусобной войне, последнее ведет к социальной анархии и деспотизму.

Печатается по изд.: Лоуэлл А. Правительство и политические партии в государствах Западной Европы. М., 1905. С. 49–50, 67–74, 288–289.

Морис Дюверже

(род. 1917)

Современный французский политолог, специализирующийся на исследовании партий и партийных систем. Получил юридическое об-

разование в Сорбонне. Как практикующий политолог был советником и консультантом многих послевоенных правительств, участником разработки конституции Пятой республики, которая значительно снизила роль партий в функционировании политической системы Франции, организатором и руководителем Центра сравнительного анализа политических систем, политическим обозревателем еженедельника «Монд» правоцентристского направления.

Как политический теоретик известен публикацией монографий «Демократия без народа» (1961), «Янус. Два лика Запада» (1972), «Республиканская монархия» (1974), «Открытое письмо социалистам» (1976), «Республика граждан» (1982).

Свои партологические взгляды изложил в работах: «Политические партии. Их организация и деятельность» (1951), получившей всемирное признание, и «Политическая социология». Считается классиком современной партологии.

Политические партии

Книга первая. Структура партий

Происхождение партий

Структура партий характеризуется многообразием. За одним и тем же понятием стоят три или четыре социологических типа, различающиеся по базовым элементам, способам их интеграции в определенную целостность, внутренним связям и руководящим институтам. Первый из них соответствует «буржуазным» партиям XIX в., которые и сегодня все еще существуют в виде консервативных и либеральных партий. В США они продолжают полностью занимать политическую сцену (вместе с тем американские партии отличаются и весьма оригинальными чертами). Они базируются на небольших комитетах, довольно независимых друг от друга и обычно децентрализованных; они не стремятся ни к умножению своих членов, ни к вовлечению широких народных масс — скорее они стараются объединять личностей. Их деятельность целиком направлена на выборы и парламентские комбинации и в этом смысле сохраняет характер наполовину сезонный; их административная инфраструктура находится в зачаточном состоянии; руководство здесь как бы распылено среди депутатов и носит ярко выраженную личностную форму. Реальная власть принадлежит то одному, то другому клану, который складывается вокруг парламентского лидера; соперничество этих группировок и составляет жизнь партий. Партия занимается проблемами исключительно политическими, доктрина и идеологические во-

просы играют весьма скромную роль; принадлежность к партии чаще всего основана на интересе или традиции.

Совершенно иначе построены социалистические партии континентальной Европы: они основаны на вовлечении максимально возможного количества людей, народных масс. Здесь мы обнаружим четкую систему вступления, дополненную весьма строгим механизмом индивидуальных взносов, что в основном и обеспечивает финансирование партии (тогда как для так называемых «буржуазных» партий первого типа источником средств чаще всего выступают пожертвования и субсидии каких-либо частных кредиторов — коммерсантов, предпринимателей, банков и других финансовых структур. Комитеты уступают место «секциям» — рабочим единицам более широким и открытым, важнейшей функцией которых помимо чисто электоральной деятельности выступает политическое воспитание членов. Массовость членства и взимание взносов требуют создания значительного административного аппарата. В такой партии всегда есть большее или меньшее количество так называемых «постоянных» — т. е. функционеров, которые естественно тяготеют к превращению в своего рода класс и закреплению определенной власти; так складываются зачатки бюрократии. Личностный характер руководства здесь смягчен целой системой коллективных институтов (съезды, национальные комитеты, советы, бюро, секретариаты) с настоящим разделением властей. В принципе на всех уровнях царит выборность, но на практике обнаруживаются мощные олигархические тенденции. Гораздо более важную роль внутри самой партии играет доктрина, так как личное соперничество принимает форму борьбы различных идеологических течений. Кроме того, партия выходит далеко за пределы собственно политики, захватывая экономическую, социальную, семейную и другие сферы.

И уже в наше время коммунизм и фашизм создали еще более оригинальный социологический тип организации. В целом для него характерны: развитая централизация, противостоящая полуцентрализации социалистических партий; система вертикальных связей, устанавливающая строгую изоляцию базовых элементов друг от друга, которая противостоит любой попытке фракционирования или раскола и обеспечивает беспрекословную дисциплину; основанное на автократических принципах (назначение сверху и кооптация) руководство, роль парламентариев в котором практически равна нулю. И тот и другой отводят избирательной борьбе всего лишь второстепенную роль: их настоящая деятельность — иная, она развертывает-

ся на почве непрерывной пропаганды и агитации. Они используют прямые, а подчас и насильственные методы: забастовки, восстания, путчи, etc. И те, и другие стараются приспособиться к условиям как открытой, так и подпольной борьбы, если государство применяет против них запреты и преследования. Оба основываются на жестких тоталитарных доктринах, требующих от членов партии не только политической приверженности, но и полного подчинения всего существа. Они не приемлют разграничения публичной и частной жизни, претендуя распоряжаться как той, так и другой. Обе партии развивают в своих членах нерассуждающую преданность, замешенную на мифах и преданиях религиозного толка, соединяя таким образом церковную веру и армейскую дисциплину.

Вместе с тем коммунистические и фашистские партии коренным образом отличаются друг от друга. И прежде всего по своей структуре: первые опираются на систему производственных ячеек, вторые — на своеобразную милицию, разного рода негосударственные военизированные отряды. И затем — по своему социальному составу: первые представляют себя как политическое выражение рабочего класса, передовой отряд пролетариата, борющегося за свое освобождение; вторые созданы как орудие защиты среднего класса и мелкой буржуазии с целью противостоять их вытеснению и захвату политической власти рабочим классом. Они различны, наконец, по содержанию своих доктрин и коренным принципам: коммунизм верит в массы, фашизм — в элиты; первый исповедует эгалитаризм, второй — аристократизм. Коммунизм исходит из оптимистической философии, веры в прогресс, твердой убежденности в цивилизаторской миссии техники; фашизм отличает пессимистическое воззрение на человечество, он отвергает сциентизм XIX в. точно так же, как и рационализм XVIII, и настаивает на ценностях традиционных и первозданных — общности расы, крови, почвы. Подсознательно эти высшие ценности олицетворяет для него не рабочий, а крестьянин.

Многие партии не укладываются в эту общую схему. И прежде всего — христианско-демократические, занимающие промежуточное положение между старыми партиями и социалистическими. Далее это лейбористские партии, созданные на базе кооперативов и профсоюзов по принципу непрямой структуры, которая нуждается в специальном анализе. Это аграрные партии, организационное разнообразие которых весьма велико, хотя они и не получили большого распространения. Это партии архаического и предысторического типа, которые встречаются в некоторых странах Востока и Среднего Вос-

тока, Африки или Центральной Европы (до 1939 г.). Простые клиенты, складывающиеся рядом с влиятельными личностями; кланы, объединенные вокруг феодальных семейств; камарильи, собранные каким-то военным диктатором.

Печатается по изд.: *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 41–44.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Международная политическая система представляет собой сложную и многоуровневую конструкцию.

Элементами, или, точнее, действующими лицами, акторами ее, являются национальные государства и союзы государств, региональные и международные общественные организации и, наконец, Всемирная Организация Объединенных Наций, специально созданная для поддержания международной безопасности и сохранения мира.

Таким образом, существуют национальный, региональный, международный и всемирный уровни мировой политической системы.

Элементы международной политической системы связаны между собой разнообразными связями — международными отношениями: политическими, экономическими, военно-промышленными и военно-стратегическими, геополитическими, культурными и т. д.

Кроме того — и это можно рассматривать как всемирные связи, — в мировой политической системе действуют нормы международного права, нормы дипломатии, нормы международной торговли, культурного обмена и даже нормы ведения войны.

Международная политическая система — это не застывшая, а динамическая и развивающаяся конструкция. Только за XX в. она приобрела биполярный (Первая и Вторая мировые войны, холодная война), многополярный и однополярный вид.

Мортон Каплан

Современный американский политолог. Специализируется на проблемах политической культуры и международных отношений. Его наиболее известной работой по международной проблематике является книга *System and Process in International Politics* (N. Y.; L., 1962), в которой он теоретически описал шесть международных систем.

Ниже дается описание международной политической системы «баланса сил».

Система и процесс в международной политике

Глава 2. Международная система

Далее рассматриваются шесть международных систем или, точнее, состояний равновесия одной сверхстабильной международной

системы: 1) система «баланса сил», 2) гибкая биполярная система, 3) жесткая биполярная система, 4) универсальная система, 5) иерархическая система, 6) система единичного вето...

Обсуждаемые международные системы являются эвристическими моделями. Все они, кроме первых двух, никогда не воплощались в истории.

Анализ систем, не имевших исторических прообразов, обладает определенной ценностью. Во-первых, модели тех международных систем, которые существовали в истории, позволяют прогнозировать с известной степенью вероятности возможность возникновения (при наличии определенных условий) новых видов международных систем. Поэтому установление характеристик международных систем, не имевших аналога в истории, проводится на основе моделей существующих систем. Во-вторых, желательно прогнозировать поведение подобных международных систем, если они возникнут. В противном случае прогнозы относительно трансформации существующих систем будут слишком неточными для того, чтобы на них можно было полагаться.

Модели системы «баланса сил» и гибкой биполярной системы более простые, чем существующие аналоги. Возможно, что в рассмотрении не учитывались некоторые важные правила данных систем. Если это так, то указанные недостатки будут обнаружены при попытках применения моделей. Система отношений будет представлена в наиболее простой и устойчивой форме при условии простоты моделей. Но если теоретизирование останавливается (а не начинается) на простых моделях, то это означает отсутствие прогресса и наращения операционального знания. Реальной проверкой степени упрощения является ответ на следующий вопрос, помогает ли упрощение развитию исследования или оно затемняет важные взаимоотношения и, таким образом, уводит науку от решения интересных задач?

Система «баланса сил»

Термин «баланс сил» мы приводим в кавычках, поскольку буквально любое состояние международного равновесия представляет собой баланс сил. В этом смысле данный термин тавтологичен и даже тривиален: он не дает новой информации о том, что происходит или что должны делать акторы в этой системе. Вместе с тем термин «баланс сил», широко распространенный в литературе, дает некоторое интуитивное понимание, если он относится к международной системе, которая существовала на всем протяжении XVIII–XIX вв. и, возможно, в начале XX в.

Система «баланса сил» отличается от других международных систем следующими характеристиками. Она представляет собой международную систему без политической подсистемы (или, иначе говоря, с нулевой политической подсистемой). Актеры этой системы — международные актеры, относящиеся к категории национальных актеров. Основных актеров («основной» — это не определяемое понятие) в этой системе должно быть не менее пяти, а желательно больше.

В широком смысле в период, предшествовавший Первой мировой войне, Великобританию, Францию, Германию, Австро-Венгрию, Италию, США следует включить в категорию основных национальных актеров. При этом не столь важно, какие именно страны мы определяем в качестве основных национальных актеров, но существование минимального количества актеров этой категории жизненно важно для такой системы.

Хотя в международной системе «баланса сил» нет единой политической системы, индивидуальные действия национальных актеров дополняют друг друга, таким образом реализуются основные правила этой системы, описывающие поведение актеров. По своему характеру они универсальны¹.

Система «баланса сил» характеризуется следующими основными правилами.

1. Действовать с целью расширения своих возможностей, но лучше путем переговоров, чем путем войны.
2. Лучше воевать, чем упустить случай расширения возможностей.
3. Лучше прекратить войну, чем полностью уничтожить одного из основных национальных актеров.
4. Действовать против любой коалиции или единичного актера, который стремится приобрести доминирующее положение по отношению к остальной части системы.

¹ В исторической системе «баланса сил» династические отношения, а также общие культурные и политические институты упрощали действие системы. Таким образом, существовала широкая культурная основа, в рамках которой проявлялись образцы действия, соответствующие данной системе. На этой культурной основе базировались отношения, которые закрепляли выполнение ролей в этой системе, соответствующие поведения определенным нормам. Однако на деле эта культурная основа является случайной для данной системы, потому что она может функционировать в любой ситуации, в которой основные ожидания отвечают правилам данной системы. Таким образом, скорее основные детерминанты системы «баланса сил» являются универсальными нормами, поскольку та же культурная основа может соответствовать совершенно другой международной системе, тогда как совершенно другая культурная основа будет соответствовать системе «баланса сил».

5. Действовать против актеров, которые поддерживают наднациональные организационные принципы.
6. Позволять тем из основных национальных актеров, которые были побеждены или ограничены в действиях, вновь включаться в систему и принимать их как ролевых партнеров или же способствовать вхождению ранее неосновных актеров в категорию основных национальных актеров. Рассматривать всех основных актеров как приемлемых ролевых партнеров.

Первое правило указывает на то, что каждый основной национальный актер стремится усилить свое влияние. Однако это должно достигаться, если возможно, без войны, без тех разрушающих равновесие последствий, которые может иметь война для системы «баланса сил».

Согласно второму правилу долгом каждого национального актера является защита его собственных интересов. Это означает, что если основной актер не может защитить собственные интересы, то эти интересы, как правило, не будут превалировать. Таким образом, возможности должны расширяться даже ценой войны.

Первые два значимых правила, по-видимому, восходят к эгоистическим предписаниям в духе Гоббса. Они соответствуют тому, что называется «войной всех против всех», и вместе с тем соответствуют классическим философским стандартам. Если существуют практические ограничения размеров сообщества, то возможность справедливого порядка между сообществами — хотя и желательного — должна быть подчинена разумной необходимости: сохранению способности самостоятельно противостоять возможным врагам.

Третье правило отвечает классическим стандартам, но не стандартам Гоббса. Основные национальные актеры не должны расширяться настолько, чтобы превышать оптимальный размер справедливого и законного сообщества. Это правило соблюдается как в отношениях между легитимными династическими режимами, так и между современными национальными территориальными государствами. Выход за рамки этого правила представляет собой явное исключение или несовместим с национальной идентичностью.

Четвертое и пятое правила — просто рациональные требования, необходимые для сохранения международной системы. Формирование доминирующей коалиции или стремление основного национального актера к доминирующему положению в системе или к подчинению остальных основных актеров, представляют собой угрозу интересам национальных актеров, которые не принадлежат данной коалиции. Кроме того, если коалиция преуспешет в установлении отно-

шений подчинения в международной системе, доминирующий член (или члены) коалиции смогут оказывать политическое давление также и на менее значимых членов той же коалиции. Поэтому коалиции, как правило, получают противовес — формируются противостоящие коалиции. Они возникают в тех случаях, когда первые коалиции начинают угрожать государствам, не участвующим в них, и поэтому становятся уязвимыми, когда они начинают угрожать интересам собственных членов. При этом государства, которые испытывают давление со стороны доминирующих членов коалиции, могут счесть более выгодным занять нейтральное положение по отношению к коалиции или присоединиться к противостоящей коалиции. Эти правила перекликаются с третьим правилом. Нужно ограничивать некоторые стремления государств и не уничтожать других основных национальных акторов; тогда в будущем они смогут при необходимости войти в какую-либо коалицию.

Шестое правило указывает, что сама жизнеспособность системы зависит от согласованности поведения акторов с главными правилами и нормами системы «баланса сил». Если количество основных акторов уменьшается, международная система «баланса сил» становится нестабильной. Таким образом, сохранение количества основных национальных акторов в определенных пределах — необходимое условие стабильности системы. Для этого права полного членства в системе возвращаются потерпевшим поражение или проводится реформирование ранее девиантных акторов. <...>

Если правила международной системы «баланса сил» точно описывают действия национальных акторов XVIII–XIX вв., данная система могла казаться людям, жившим в то время, абсолютной, универсальной, и правила «баланса сил» могли рассматриваться как универсальные. Однако описанная система не изоморфна существующей биполярной международной системе... поэтому понятно, что она может существовать только в определенных условиях. Для того чтобы объяснить переход от одной системы к другой, необходимо выявить критические условия, в рамках которых может функционировать система «баланса сил».

Условия, при которых система «баланса сил» становится нестабильной, следующие: существование значимых национальных акторов, которые не соглашаются играть по правилам; наличие национального актора, национальная политика которого ориентирована на установление некоторой наднациональной политической организации; недостатки в информационном обеспечении системы принятия

решений национальных акторов или персональные действия отдельных политиков, которые отклоняются от правил данной системы; изменения ресурсов, которые характеризуются положительной обратной связью; сложности в применении ряда правил, например, правил возрастания влияния, правил восстановления потерпевших поражение акторов; конфликты между правилами и серьезными национальными потребностями; трудности материально-технического обеспечения «баланса», объясняющиеся малым количеством основных акторов или недостаточной гибкостью механизма «балансировки».

Если один из основных национальных акторов не усваивает правила системы «баланса сил», он может нарушить стабильность системы. В системе «баланса сил» равновесие или правила системы поддерживаются взаимодополняющими действиями основных национальных акторов. Однако здесь нет внешней полицейской силы, которая была бы способна восстановить положение, если участники, т. е. основные национальные акторы, своевременно не предпримут компенсирующих действий. <...>

Когда международная система «баланса сил» становится неустойчивой, события, которые раньше были не в состоянии вывести ее из положения равновесия, смогут трансформировать ее в другую систему. Такие события, как мировая война или усиление тоталитарного блока, могут вызвать трансформацию системы. Новая международная система подчинится набору новых значимых правил, и, возможно, изменятся характеристики некоторых акторов.

Наиболее вероятна трансформация системы «баланса сил» в биполярную систему. Она произойдет в случае, если два национальных актора и их союзники образуют доминирующие блоки, особенно если структуру одного из блоков невозможно ослабить организационно посредством предложения вознаграждения.

Печатается по изд.: *Каплан М.* Система и процесс в международной политике. // Теория международных отношений: Хрестоматия. М., 2002. С. 220–223, 225–226, 235.

Ганс Моргентав (1904–1980)

Профессор международных отношений Чикагского университета. Основатель теории политического реализма, которая продолжает традицию, заложенную такими мыслителями, как Фукидид, Н. Макиавелли.

велли, Т. Гоббс, Д. Юм, К. фон Клаузевиц, М. Вебер. Теория политического реализма, в отличие от теории политического идеализма, базируется, по мнению Моргентау, на шести принципах.

1. Политика, как и общество в целом, подчинена действию объективных законов. Познание этих законов, т. е. теория политики (в том числе и внешней), должна основываться на реальных фактах, а не субъективных суждениях.
2. В основе политических отношений и политических действий (в первую очередь на международной арене) лежат интересы наций, государств, а не политические идеалы, взгляды политиков.
3. Политическая реальность (международная политическая система) может быть изменена путем манипуляции теми силами, которые делают политику. Современный мировой порядок невозможно изменить при помощи абстрактных идеалов.
4. Политический реализм признает неизбежное несоответствие морального императива и успешной политики.
5. Он отрицает торжество морали конкретной нации и универсальных моральных законов.
6. Политический реализм утверждает специфичность политической сферы общества, но не отрицает важность других сфер, определяющих поведение людей.

Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир

Ключевой категорией политического реализма является понятие интереса, определенного в терминах власти. Именно это понятие связывает между собой мысль исследователя и явления международной политики. Именно оно обуславливает специфику политической сферы, ее отличие от других сфер жизни экономики (понимаемой в категориях интереса, определенного как богатство), этики, эстетики или религии. Без такого понятия теория политики, внутренней или внешней, была бы невозможна, поскольку в этом случае мы не смогли бы отделить политические явления от неполитических и внести хоть какую-то упорядоченность в политическую сферу.

Мы предполагаем, что политики думают и действуют, опираясь на понятие интереса, определенного в терминах власти, и исторические примеры это подтверждают. Данное предположение позволяет нам предугадать и проследить действия политика. Мысля в терминах интереса, определенного как власть, мы рассуждаем так же, как и он, и как беспристрастные наблюдатели понимаем смысл его действий, может быть, лучше, чем он сам.

Понятие интереса, определенного в терминах власти, заставляет исследователя быть аккуратным в своей работе, вносит упорядоченность в множество политических явлений и, следовательно, делает возможным теоретическое осмысление политики. Политику это понятие позволяет действовать рационально и проводить целную внешнюю политику, не зависящую от его мотивов, предпочтений, профессиональных и моральных качеств.

Ошибочна точка зрения, согласно которой ключом к пониманию внешней политики являются исключительно мотивы государственного деятеля, ибо мотивация — это психологический феномен, при изучении которого возможны искажения вследствие заинтересованности или эмоции со стороны как политика, так и исследователя. Действительно ли мы знаем, каковы наши мотивы? И что мы знаем о мотивах других людей?

Однако даже если мы правильно понимаем мотивы государственного деятеля, это вряд ли поможет нам при исследовании внешней политики. Знание его мотивов может быть одним из ключей к пониманию общего направления его внешней политики, но оно не поможет нам в предсказании его конкретных шагов на международной арене. В истории не существует примеров жесткой связи между характером мотивов и характером внешней политики. <...>

Теория политического реализма избегает другой частой ошибки — выведения внешней политики из философских и политических взглядов лидеров государства. Конечно, политики, особенно в современных условиях, могут пытаться представить свою внешнюю политику как проявление их мировоззренческих позиций в целях получения народной поддержки. При этом они будут разграничивать свои официальные обязанности, заключающиеся в отстаивании национальных интересов, и личные интересы, связанные с распространением и навязыванием их собственных моральных ценностей и политических принципов. Политический реализм признает значимость политических идеалов и моральных принципов, но он требует четкого разграничения между желаемым и возможным: желаемым везде и во все времена и возможным в данных конкретных условиях места и времени.

Стоит сказать, что не всякая внешняя политика следует рациональному, объективному курсу. Личные качества, предубеждения, субъективные предпочтения могут привести к отклонениям от рационального курса. Это особенно проявляется при демократических режимах, где необходимость заручиться поддержкой избирателей

может отрицательно повлиять на рациональность внешней политики. Однако теория политического реализма должна абстрагироваться от иррациональных элементов и попытаться раскрыть рациональную суть внешней политики, не учитывая случайных отклонений от нормы. <...>

Политический реализм полагает, что понятие интереса, определенного в терминах власти, является объективной категорией, хотя сам интерес может меняться. Тем не менее понятие интереса раскрывает суть политики и не зависит от конкретных обстоятельств места и времени. Согласно Фукидиду, «общность интересов является наиболее прочным связующим звеном как между государствами, так и между индивидами». Эту же мысль высказал в XIX в. лорд Солсбери, по мнению которого, «единственная прочная связь» между государствами — это «отсутствие конфликта интересов». Данный принцип был положен в основу деятельности правительства Джорджа Вашингтона, который утверждал: «Реальная жизнь убеждает нас в том, что большинство людей руководствуется в ней своими интересами. Мотивы общественной морали могут иногда побуждать людей совершать поступки, идущие вразрез с их интересами, но они не в состоянии заставить человека соблюдать все обязанности и предписания, принятые в обществе. Очень немногие способны долгое время приносить личные интересы в жертву общему благу. И не следует обвинять человеческую природу в развращенности. Во все времена люди руководствовались прежде всего своими интересами, и если мы хотим изменить это, то вначале надо изменить саму природу человека. Ни одно общество не будет прочным и процветающим, если не будет учитывать этого факта».

Подобная точка зрения нашла свое отражение в работах Макса Вебера: «Интересы (как материальные, так и духовные), а не идеи определяют действия людей. Тем не менее «представления о мире», созданные этими идеями, очень часто могут влиять на направление развития интересов»¹. <...>

Политический реалист говорит о специфике политической сферы, но это не означает, что он отрицает важность других сфер общественной жизни. Политический реализм основывается на плюралистическом понимании природы человека. Реальный человек состоит из «экономического человека» и «политического человека», «этического человека», «религиозного человека» и т. д. Человек, являющийся-

¹ Weber M. Max Weber. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1926. С. 347, 348.

ся только «политическим человеком», — животное, ибо он не ограничен никакими моральными нормами. Человек, являющийся только «моральным человеком», — глупец, ибо он лишен благоразумия. Человек, являющийся только «религиозным человеком», — святой, ибо он не испытывает никаких земных желаний. <...>

Печатается по изд.: *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: Хрестоматия. М., 2002. С. 74–75, 75–76, 77–78, 82.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА

Концепция национальной безопасности Российской Федерации

*Утверждена Указом Президента Российской Федерации
от 17 декабря 1997 г. № 1300
(в редакции Указа Президента Российской Федерации
от 10 января 2000 г. № 24)*

I. Россия в мировом сообществе

Положение в мире характеризуется динамичной трансформацией системы международных отношений. После окончания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающие тенденции.

Первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами. При этом все большую роль играют экономические, политические, научно-технические, экологические и информационные факторы. Россия будет способствовать формированию идеологии становления многополярного мира на этой основе.

Вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права.

Формирование международных отношений сопровождается конкуренцией, а также стремлением ряда государств усилить свое влияние на мировую политику, в том числе путем создания оружия массового уничтожения. Значение военно-силовых аспектов в международных отношениях продолжает оставаться существенным. Россия является одной из крупнейших стран мира с многовековой историей и богатыми культурными традициями. Несмотря на сложную международную обстановку и трудности внутреннего характера, она в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциала, уникального стратегического положения на Евразий-

ском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах.

В перспективе — более широкая интеграция Российской Федерации в мировую экономику, расширение сотрудничества с международными экономическими и финансовыми институтами. Объективно сохраняется общность интересов России и интересов других государств по многим проблемам международной безопасности, включая противодействие распространению оружия массового уничтожения, предотвращение и урегулирование региональных конфликтов, борьбу с международным терроризмом и наркобизнесом, решение острых экологических проблем глобального характера, в том числе проблемы обеспечения ядерной и радиационной безопасности.

Вместе с тем активизируются усилия ряда государств, направленные на ослабление позиций России в политической, экономической, военной и других областях. Попытки игнорировать интересы России при решении крупных проблем международных отношений, включая конфликтные ситуации, способны подорвать международную безопасность и стабильность, затормозить происходящие позитивные изменения в международных отношениях.

Во многих странах, в том числе в Российской Федерации, резко обострилась проблема терроризма, имеющего транснациональный характер и угрожающего стабильности в мире, что обуславливает необходимость объединения усилий всего международного сообщества, повышения эффективности имеющихся форм и методов борьбы с этой угрозой, принятия безотлагательных мер по ее нейтрализации. <...>

IV. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации

Основными задачами в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются:

- ◆ своевременное прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз национальной безопасности Российской Федерации;
- ◆ реализация оперативных и долгосрочных мер по предупреждению и нейтрализации внутренних и внешних угроз;
- ◆ обеспечение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, безопасности ее пограничного пространства;
- ◆ подъем экономики страны, проведение независимого и социально ориентированного экономического курса;
- ◆ преодоление научно-технической и технологической зависимости Российской Федерации от внешних источников;

- ◆ обеспечение на территории России личной безопасности человека и гражданина, его конституционных прав и свобод;
- ◆ совершенствование системы государственной власти Российской Федерации, федеративных отношений, местного самоуправления и законодательства Российской Федерации, формирование гармоничных межнациональных отношений, укрепление правопорядка и сохранение социально-политической стабильности общества;
- ◆ обеспечение неукоснительного соблюдения законодательства Российской Федерации всеми гражданами, должностными лицами, государственными органами, политическими партиями, общественными и религиозными организациями;
- ◆ обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества России прежде всего с ведущими государствами мира;
- ◆ подъем и поддержание на достаточно высоком уровне военного потенциала государства;
- ◆ укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки;
- ◆ принятие эффективных мер по выявлению, предупреждению и пресечению разведывательной и подрывной деятельности иностранных государств, направленной против Российской Федерации;
- ◆ коренное улучшение экологической ситуации в стране. <...>
Внешняя политика Российской Федерации должна быть направлена на:
  - ◆ проведение активного внешнеполитического курса;
  - ◆ упрочение ключевых механизмов многостороннего управления мировыми политическими и экономическими процессами, в первую очередь под эгидой Совета Безопасности ООН;
  - ◆ обеспечение благоприятных условий для экономического и социального развития страны, для сохранения глобальной и региональной стабильности;
  - ◆ защиту законных прав и интересов российских граждан за рубежом, в том числе с применением в этих целях мер политического, экономического и иного характера;
  - ◆ развитие отношений с государствами-участниками Содружества Независимых Государств согласно принципам международного права, развитие отвечающих интересам России интеграционных процессов в рамках Содружества Независимых Государств;
  - ◆ полноправное участие России в глобальных и региональных экономических и политических структурах;

- ◆ содействие урегулированию конфликтов, включая миротворческую деятельность под эгидой ООН и других международных организаций;
- ◆ достижение прогресса в сфере контроля над ядерными вооружениями, поддержание стратегической стабильности в мире на основе выполнения государствами своих международных обязательств в этой сфере;
- ◆ выполнение взаимных обязательств в области сокращения и ликвидации оружия массового уничтожения, обычных вооружений, осуществление мер по укреплению доверия и стабильности, обеспечение международного контроля за экспортом товаров и технологий, а также за оказанием услуг военного и двойного назначения;
- ◆ адаптацию существующих соглашений по контролю над вооружениями и по разоружению к новым условиям международных отношений, а также разработку при необходимости новых соглашений, в первую очередь по мерам укрепления доверия и безопасности;
- ◆ содействие созданию зон, свободных от оружия массового уничтожения;
- ◆ развитие международного сотрудничества в области борьбы с транснациональной преступностью и терроризмом. <...>

В предотвращении войн и вооруженных конфликтов Российская Федерация отдает предпочтение политическим, дипломатическим, экономическим и другим невоенным средствам. Однако национальные интересы Российской Федерации требуют наличия достаточной для ее обороны военной мощи. Вооруженные Силы Российской Федерации играют главную роль в обеспечении военной безопасности Российской Федерации.

Важнейшей задачей Российской Федерации является осуществление сдерживания в интересах предотвращения агрессии любого масштаба, в том числе с применением ядерного оружия, против России и ее союзников.

Российская Федерация должна обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору или коалиции государств в любых условиях обстановки.

Вооруженные Силы Российской Федерации боевым составом мирного времени должны быть способны обеспечить надежную защиту страны от воздушного нападения и решение совместно с другими войсками, воинскими формированиями и органами задач по отражению

агрессии в локальной войне (вооруженном конфликте), а также стратегическое развертывание для решения задач в крупномасштабной войне. Вооруженные Силы Российской Федерации должны обеспечивать осуществление Российской Федерацией миротворческой деятельности. <...>

Важная роль в обеспечении национальных интересов России принадлежит оборонному промышленному комплексу. Реструктуризация и конверсия оборонного промышленного комплекса должна осуществляться без ущерба для развития новых технологий и научно-технических возможностей, модернизации вооружений, военной и специальной техники и укрепления позиций российских производителей на мировом рынке вооружений.

Требуется создать все необходимые условия для организации приоритетных фундаментальных, прогнозных и поисковых научных исследований, обеспечивающих создание в интересах обороны и безопасности государства перспективного и опережающего научно-технического задела.

Печатается по изд.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000, 18 января.

Исаев Борис Акимович

Политология: Краткая хрестоматия

Серия «Хрестоматия»

Заведующая редакцией
Ведущий редактор
Выпускающий редактор
Литературный редактор
Корректор
Верстка

М. Трофимова
М. Трофимова
Е. Егерева
М. Трофимова
А. Лобанова
И. Смаришева

Подписано в печать 19.03.08. Формат 60 × 90/16, Усл. п. л. 14. Тираж 3000. Заказ
ООО «Питер Пресс», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, д. 73, лит. А29.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».
195299, Санкт-Петербург, Киришская ул., д. 2.
Тел.: (812) 531-20-00, (812) 531-25-55

КНИГА-ПОЧТОЙ

**ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
МОЖНО ЛЮБЫМ УДОБНЫМ ДЛЯ ВАС СПОСОБОМ:**

- по телефону: **(812) 703-73-74;**
- по электронному адресу: **postbook@piter.com;**
- на нашем сервере: **www.piter.com;**
- по почте: **197198, Санкт-Петербург, а/я 619,
ЗАО «Питер Пост».**

**ВЫ МОЖЕТЕ ВЫБРАТЬ ОДИН ИЗ ДВУХ СПОСОБОВ
ДОСТАВКИ И ОПЛАТЫ ИЗДАНИЙ:**

- ✉ **Наложенным платежом с оплатой заказа при получении посылки на ближайшем почтовом отделении. Цены на издания приведены ориентировочно и включают в себя стоимость пересылки по почте (но без учета авиатарифа). Книги будут высланы нашей службой «Книга-почтой» в течение двух недель после получения заказа или выхода книги из печати.**
- ✉ **Оплата наличными при курьерской доставке (для жителей Санкт-Петербурга и Москвы). Курьер доставит заказ по указанному адресу в удобное для вас время в течение трех дней.**

ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ЗАКАЗА УКАЖИТЕ:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, e-mail;
- почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
- название книги, автора, код, количество заказываемых экземпляров.

Вы можете заказать бесплатный журнал «Клуб Профессионал»

КЛУБ ПРОФЕССИОНАЛ

Основанный Издательским домом «Питер» в 1997 году, книжный клуб «Профессионал» собирает в своих рядах знатоков своего дела, которых объединяет тяга к знаниям и любовь к книгам. Для членов клуба проводятся различные мероприятия и, разумеется, предусмотрены привилегии.

Привилегии для членов клуба:

- карта члена «Клуба Профессионал»;
- бесплатное получение клубного издания — журнала «Клуб Профессионал»;
- дисконтная скидка на всю приобретаемую литературу в размере 10% или 15%;
- бесплатная курьерская доставка заказов по Москве и Санкт-Петербургу;
- участие во всех акциях Издательского дома «Питер» в розничной сети на льготных условиях.

Как вступить в клуб?

Для вступления в «Клуб Профессионал» вам необходимо:

- совершить покупку на сайте **www.piter.com** или в фирменном магазине Издательского дома «Питер» на сумму от **800** рублей без учета почтовых расходов или стоимости курьерской доставки;
- ознакомиться с условиями получения карты и сохранения скидок;
- выразить свое согласие вступить в дисконтный клуб, отправив письмо на адрес: **postbook@piter.com;**
- заполнить анкету члена клуба (зарегистрированным на нашем сайте этого делать не надо).

Правила для членов «Клуба Профессионал»:

- для продления членства в клубе и получения **скидки 10%**, в течение **каждых шести месяцев** нужно совершать покупки на общую сумму от **800** до **1500** рублей, без учета почтовых расходов или стоимости курьерской доставки;
- Если же за указанный период вы выкупите товара на сумму от **1501** рублей, скидка будет увеличена до **15%** от розничной цены издательства.

Заказать наши книги вы можете любым удобным для вас способом:

- по телефону: (812) 703-73-74;
- по электронной почте: **postbook@piter.com;**
- на нашем сайте: **www.piter.com;**
- по почте: **197198, Санкт-Петербург, а/я 619 ЗАО «Питер Пост».**

При оформлении заказа укажите:

- ваш регистрационный номер (если вы являетесь членом клуба), фамилию, имя, отчество, телефон, факс, e-mail;
- почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
- название книги, автора, количество заказываемых экземпляров.

Нет времени ходить по магазинам?

наберите:

www.piter.com

Здесь вы найдете:

Все книги издательства сразу
Новые книги — в момент выхода из типографии
Информацию о книге — отзывы, рецензии, отрывки
Старые книги — в библиотеке и на CD

**И наконец, вы нигде не купите
наши книги дешевле!**

**СПЕЦИАЛИСТАМ
КНИЖНОГО БИЗНЕСА!**

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
предлагают эксклюзивный ассортимент компьютерной, медицинской,
психологической, экономической и популярной литературы**

РОССИЯ

Москва м. «Электровзводская», Семеновская наб., д. 2/1, корп. 1, 6-й этаж;
тел./факс: (495) 234-3815, 974-3450; e-mail: sales@piter.msk.ru

Санкт-Петербург м. «Выборгская», Б. Сампсониевский пр., д. 29а;
тел./факс (812) 703-73-73, 703-73-72; e-mail: sales@piter.com

Воронеж Ленинский пр., д. 169; тел./факс (4732) 39-43-62, 39-61-70;
e-mail: pitervrn@comch.ru

Екатеринбург ул. Бебеля, д. 11а; тел./факс (343) 378-98-41, 378-98-42;
e-mail: office@ekat.piter.com

Нижний Новгород ул. Совхозная, д. 13; тел. (8312) 41-27-31;
e-mail: office@nnov.piter.com

Новосибирск ул. Станционная, д. 36;
тел./факс (383) 350-92-85; e-mail: office@nsk.piter.com

Ростов-на-Дону ул. Ульяновская, д. 26; тел. (8632) 69-91-22, 69-91-30;
e-mail: piter-ug@rostov.piter.com

Самара ул. Молодогвардейская, д. 33, литер А2, офис 225; тел. (846) 277-89-79;
e-mail: pitvolga@santel.ru

УКРАИНА

Харьков ул. Суздальские ряды, д. 12, офис 10–11; тел./факс (1038067) 545-55-64,
(1038057) 751-10-02; e-mail: piter@kharkov.piter.com

Киев пр. Московский, д. 6, кор. 1, офис 33; тел./факс (1038044) 490-35-68, 490-35-69;
e-mail: office@kiev.piter.com

БЕЛАРУСЬ

Минск ул. Притыцкого, д. 34, офис 2; тел./факс (1037517) 201-48-79, 201-48-81;
e-mail: office@minsk.piter.com

Ищем зарубежных партнеров или посредников, имеющих выход на зарубежный рынок.
Телефон для связи: **(812) 703-73-73**.
E-mail: fuganov@piter.com

Издательский дом «Питер» приглашает к сотрудничеству авторов.
Обращайтесь по телефонам: **Санкт-Петербург — (812) 703-73-72**,
Москва — (495) 974-34-50.

Заказ книг для вузов и библиотек: (812) 703-73-73.
Специальное предложение — e-mail: kozin@piter.com

**УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА
«ПИТЕР» ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ
ОПТОМ И В РОЗНИЦУ У НАШИХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ.**

Дальний Восток

Владивосток, «Приморский торговый дом книги»,
тел./факс (4232) 23-82-12.
E-mail: bookbase@mail.primorye.ru

Хабаровск, «Деловая книга»,
ул. Путевая, д. 1а,
тел. (4212) 36-06-65, 33-95-31
E-mail: dkniga@mail.kht.ru

Хабаровск, «Книжный мир»,
тел. (4212) 32-85-51, факс 32-82-50.
E-mail: postmaster@worldbooks.kht.ru

Хабаровск, «Мирс»,
тел. (4212) 39-49-60.
E-mail: zakaz@booksmirs.ru

Европейские регионы России

Архангельск, «Дом книги»,
пл. Ленина, д. 3
тел. (8182) 65-41-34, 65-38-79.
E-mail: marketing@avfkniga.ru

Воронеж, «Амиталь»,
пл. Ленина, д. 4,
тел. (4732) 26-77-77.
<http://www.amital.ru>

Калининград, «Вестер»,
сеть магазинов «Книги и книжечки»,
тел./факс (4012) 21-56-28, 65-65-68.
E-mail: nshibkova@vester.ru
<http://www.vester.ru>

Самара, «Чакона», ТЦ «Фрегат»,
Московское шоссе, д. 15,
тел. (846) 331-22-33.
E-mail: chaconne@chacccone.ru

Саратов, «Читающий Саратов»,
пр. Революции, д. 58,
тел. (4732) 51-28-93, 47-00-81.
E-mail: manager@kmsvrn.ru

Северный Кавказ

Ессентуки, «Россы», ул. Октябрьская, 424,
тел./факс (87934) 6-93-09.
E-mail: rossy@krmw.ru

Сибирь

Иркутск, «ПродаЛитЪ»,
тел. (3952) 20-09-17, 24-17-77.
E-mail: prodalit@irk.ru
<http://www.prodalit.irk.ru>

Иркутск, «Светлана»,
тел./факс (3952) 25-25-90.
E-mail: kkcbooks@bk.ru
<http://www.kkcbooks.ru>

Красноярск, «Книжный мир», пр. Мира, д. 86,
тел./факс (3912) 27-39-71.
E-mail: book-world@public.krasnet.ru

Новосибирск, «Топ-книга»,
тел. (383) 336-10-26, факс 336-10-27.
E-mail: office@top-kniga.ru
<http://www.top-kniga.ru>

Татарстан

Казань, «Таис»,
сеть магазинов «Дом книги»,
тел. (843) 272-34-55.
E-mail: tais@bancorp.ru

Урал

Екатеринбург, ООО «Дом книги»,
ул. Антона Валека, д. 12,
тел./факс (343) 358-18-98, 358-14-84.
E-mail: domknigi@k66.ru

Челябинск, ТД «Эврика», ул.Барбюса, д. 61,
тел./факс (351) 256-93-60.
E-mail: evrika@bookmagazin.ru
<http://www.bookmagazin.ru>

Челябинск, ООО «ИнтерСервис ЛТД»,
ул. Артиллерийская, д. 124
тел. (351)247-74-03, 247-74-09, 247-74-16.
E-mail: zakup@intser.ru
<http://www.fkniga.ru> , www.intser.ru